АКАДЕМИЯ НАУК СССР

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

КАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(Этимологические исследования)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. И. ТОЛСТОЙ

ОДОМАШНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ И ЭВОЛЮЦИЯ ИХ РОЛИ В СВЕТЕ ДАННЫХ ЯЗЫКА

Исследование названий домашних животных неразрывно связано с изучением истории одомашнения животных, выдающегося культурного завоевания человечества. Результатом длительных усилий многочисленных поколений явилось создание целого ряда новых видов животных, генезис которых еще не вполне ясен для зоологов. Такое животное, как собака, полностью обязано своим существованием доместикационной деятельности человека. Неоспоримо огромное значение домашних животных в жизни самых различных народов, начиная с древнейших времен. Говоря о значении, мы сейчас вкладываем в это слово совершенно естественный для нас экономический смысл. О древних носителях индоевропейского языка известно, что у них были такие домашние животные, как собака, овца, крупный рогатый скот, свинья, лошадь. Названия этих животных носят преимущественно общеиндоевропейский характер, вероятно, потому, что они оформились в эпоху наибольшей близости индоевропейских диалектов. Тогда еще должен был преобладать скотоводческий характер культуры. Однако мотивы одомашнения и первоначальное „направление" животноводства совсем не соответствовали современным представлениям. Об этом свидетельствуют различные данные истории материальной культуры, а также факты языка. Не случайно из семи интересующих нас животных — собака, крупный рогатый скот, лошадь, овца, свинья, коза, кошка — только пять являются «полезными» домашними животными. Особняком стоят собака и кошка. Но если кошка как позднее приобретение не может

приниматься в расчет, то собака, полезность которой сейчас явно относительна, а в момент одомашнения была еще меньше, оказывается почти всюду древнейшим, первым домашним животным. Глубоко справедливо мнение, что одомашнение животных далеко не всегда объяснялось их хозяйственной пользой. Напротив, приручение и разведение животных всегда оказывалось в связи с религиозными воззрениями древнего человека. С древнейших времен человек нуждался в домашних животных для совершения жертвоприношения[1]. Кроме того, определенную роль играли также местные условия, характер фауны. Знакомство древних индоевропейцев примерно с одинаковым кругом животных — важное свидетельство их первоначальной общности и культурной однородности. Однако примечательно, что почти всюду, даже за пределами древней индоевропейской территории, первой была одомашнена собака. Там, где не было других подходящих крупных млекопитающих, как, например, в доколумбовской Америке, собака оставалась по сути дела единственным домашним животным. Сравнение роли индоевропейской собаки с ролью собаки у древних цивилизованных аборигенов Центральной и Южной Америки очень поучительно, так как помогает отбросить вторичные элементы и понять подлинный смысл существования этого домашнего животного. Собака древнеамериканских народов тесно связана с их религией и мифологией, это животное приносили в жертву при отправлении культа мертвых. Собака употреблялась также в пищу, но, как правило, на культовых празднествах, при жертвоприношениях, так как принесение животного в жертву обычно завершалось поеданием его мяса. Кинофагия, примеры которой отмечались и в древней Европе (ср. останки съеденной собаки среди неолитических находок в Вормсе), первоначально имела, вероятно, ритуальное значение. Пастушеская функция собаки была совершенно неизвестна в древней Америке. Все это вызывает сомнение в правильности этимологии Г. Остхофа: и.-е. *$\hat{k}u\bar{o}n$ 'собака' < *$p\hat{k}u\bar{o}n$ от *$pe\hat{k}u$* 'скот', точно так же, как ст.-слав. *пьсъ* < **пьсо-стражь* 'хранитель скота'

---

[1] См.: E. Hahn. Haustier. — В кн.: M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. V. Berlin, 1926, стр. 216 и след.

(см. ниже, стр. 20). Ведь если скотоводство рано стало характернейшим занятием индоевропейцев, то собака была приручена еще раньше, до остальных домашних животных, что делает сравнение с древнеамериканской собакой вполне оправданным. Прав, далее, Э. Ган, который решительно возражает против мнения, что собака была приручена с целью использования на охоте.

Собака сблизилась с человеком как паразит, поедавший отбросы около человеческих стоянок. По-видимому, человек рано оценил такие услуги и не мешал этим диким еще животным следовать за ним и жить неподалеку от его жилищ, как не препятствовал он и позднее собакам-париям пожирать отбросы и избавлять тем самым селения от распространения заразных болезней. Затем сближение приняло более постоянную форму, животное приручалось, особенно детеныши. Использование животного носило случайный характер. Например, кормящие матери давали иногда отсасывать излишек молока щенкам. Домашняя собака полифилетична, т. е. имеет ряд местных центров одомашнения и восходит при этом к различным диким собакообразным: в более северных районах — к волку, в южных — к шакалу, обнаруживая в разных районах большое сходство с местными видами этих диких животных.

С развитием скотоводства собака приобрела, несомненно, новое значение у индоевропейцев, гораздо более важное, чем использование на охоте, сохранявшееся с древних времен и основанное на врожденных охотничьих качествах этого животного. Однако вплоть до появления письменных памятников у индоевропейцев, а в ряде случаев — до наших дней сохранились ясные следы религиозной роли собаки как животного, окружаемого высокими почестями, неприкосновенного, наделенного божественной силой. Таков миф о четырехглазой собаке, известной из Авесты, а также в реликтовой форме у славян в виде народного поверья о чудесной силе четырехглазой собаки, которая видит и отгоняет нечистую силу. К древнему жертвоприношению может восходить и отмечавшийся у белорусов обряд убивания собаки[2].

[2] См.: F. Termer. Der Hund bei den Kulturvölkern Altamerikas. „Zeitschrift für Ethnologie“, Bd. 82. Braunschweig, 1957, стр. 1

Но наиболее яркий пример первоначальных мотивов одомашнения и эволюции роли домашнего животного представляет история крупного рогатого скота и связанной с ним лексики в индоевропейских языках. Если говорить о полезном скоте, то экономическая полезность крупного рогатого скота — коровы — остается вне всяких сомнений. По древности приручения только немногие животные, такие, как собака и овца, соперничают с крупным рогатым скотом. Интересно, однако, что и крупный рогатый скот приручен и длительное время разводился, по-видимому, вовсе не из-за своей хозяйственной полезности. Мясо и молоко, ценнейшие продукты крупного животноводства, потреблялись крайне ограниченно. В особенности это относится к молоку, пищевого применения которого долгое время, вероятно, не знали. Все эти сведения можно почерпнуть из языка, сопоставляя их с материалами этнографии и истории материальной культуры. Но прежде всего несколько слов об одомашнении.

Крупный рогатый скот Центральной и Восточной Европы происходит от местного дикого тура Bos taurus primigenius, широко распространенного в древности. Это особенно относится к крупным длиннорогим породам украинского и подоло-венгерского скота, в то время как мелкий скот обнаруживает тесную связь с западноевропейским неолитическим торфяным скотом Bos taurus brachyceros Rütim. Таким образом, крупный рогатый скот этих районов может считаться автохтонным по происхождению, с допущением определенных влияний с запада

и след.; O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, herausgeg. von A. Nehring, Bd. I, Lief. 4. Berlin — Leipzig, 1921, стр. 515—516; E. Hahn. Hund. — В кн.: M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. V, стр. 403 и след.; „Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft", neue Bearbeitung von G. Wissowa, 16. Halbbd. Stuttgart, 1913, столб. 2540 и след.; O. Keller. Die antike Tierwelt, Bd. 1. Leipzig, 1909, стр. 91 и след.; В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. „Труды лаборатории генетики АН СССР". М., 1933, стр. 84; Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных. М., 1937, стр. 79, 88 и след.; H. Willmann-Grabowska. Le chien dans l'Avesta et dans les Védas — RO, t. 8, 1934, стр. 30 и след.; K. Moszyński. Pies w wierzeniach i obrzędach. — „Lud Słowiański", t. I (B), zesz. 2. Kraków, 1930, стр. 257 и след.; t. II (B), zesz. 1, 1931, стр. 70 и след.

и с юга, со стороны средиземноморских стран. Не случайно поэтому ученые рано обратили внимание на наличие в семитских языках форм, близких и.-е. *g^{u}*ou*- и **touro*-. Однако подробности истории и.-е *g^{u}*ou*- (см. ниже, стр. 38) как будто не подтверждают предположения о заимствовании. Что касается **touro*-, то здесь гораздо более осязаемый и достоверный характер носят следы передвижения форм в самих индоевропейских диалектах. Славянский хорошо сохранил древние названия для домашнего и дикого животного: **goveđo*, **turъ*. В то же время близкие лат. *taurus*, греч. ταῦρος 'бык, тур' явно не исконны (иначе ожидалось бы **tarvos*, *σοῦρος < и.-е. **touros*), они обнаруживают следы заимствования, причем вокализм *a* (греч. ταῦρος) говорит о вероятности заимствования из иллирийского, имевшего, по-видимому, форму **tauros* (из и.-е. **touros*), более близкую балтийской (лит. *taũras*), чем правильным рефлексам латинского и греческого. Может быть, иллирийские индоевропейцы, раньше приблизившиеся к Средиземноморью и имевшие развитое крупное животноводство, передали затем свое **tauros* италийским и греческим племенам — следующей волне индоевропейской экспансии на юг. Ловлю и приручение тура в Средиземноморье иллюстрирует изображение на кубке, найденном в Вафио (1500—1200 гг. до н. э.). На влиятельность центра крупного животноводства в южной части Центральной Европы, возможно, указывают, отмеченные еще И. Иоклем (см. раздел „Крупный рогатый скот") иллирийские соответствия слав. **korva*[3].

Говоря о крупном рогатом скоте индоевропейцев, имеют прежде всего в виду молочное хозяйство. Если стать вообще на современную точку зрения, то крупный рогатый скот — это в первую очередь коровы, что можно было бы подтвердить, например, сравнительной оценкой употребления* *korva* и родовых названий со значением 'крупный рогатый скот' в славянских языках. Но в праиндоевропейском языке имелось только родовое название самца и самки *g^{u}ou- 'крупный рогатый скот', не дифференцированное относительно пола. Названия

[3] В странах средиземноморской зоны крупный рогатый скот с давних пор является главным домашним животным (ср. культ быка), что наложило также отпечаток на ономастику и топонимию, ср. *Italia* букв. 'страна тельцов, быков', этноним *Vituli*, Βοιωτία, Εὔβοια.

для коровы не существовало. Важность этого свидетельства языка трудно переоценить. Сначала кажется малоправдоподобным, чтобы индоевропейцы, разводя коров, не употребляли в пищу молока. Тем не менее в действительности так и было, и это, по-видимому, совершенно закономерная стадия в исторической эволюции животноводства, продолжавшаяся у разных народов разное время.

Так, большая культурная зона, в которой молочное хозяйство отсутствует, находится в Восточной Азии. Вторая аналогичная зона расположена в тропических лесах и саваннах Африки. В момент наибольшего распространения она охватывала $^1/_3$ континента, населенную земледельческими племенами: Камерун и другие территории по берегам Гвинейского залива, весь бассейн реки Конго к западу от озера Ньяса, южные области Западного Судана. Население этих стран не употребляет в пищу ни коровьего молока, ни молока мелкого рогатого скота. Многие туземцы даже не знают происхождения молока. Они находят его столь же отвратительным, как, например, мочу, во всяком случае, вредной жидкостью, которую нельзя пить. Выпивший молоко считается ритуально оскверненным. Доения, как правило, не знают. Кое-где только привилегированные слои населения и жрецы имеют право употреблять молоко в пищу, особенно при исполнении религиозных ритуалов. Причем удивительно, что в зоне отсутствия молочного хозяйства в достаточном количестве имеются все виды дойного скота. Племена Южной Нигерии разводят крупный рогатый скот только как атрибут богатства и для религиозных целей (жертвоприношения); они не пьют молока и не едят мяса этих животных. Ашанти Золотого Берега (теперь Гана) разводят скот, но не употребляют в пищу коровьего молока, которое внушает им отвращение.

Совершенно очевидно, что в древности аналогичное отношение к молоку не ограничивалось описанными зонами. В Египте молоко лишь приносилось в жертву богам. Греки гомеровской эпохи тоже не пили коровьего молока.

И.-е. *$g^{u}ou$- ‘крупный рогатый скот’ только в отдельных индоевропейских языках получило значение ‘корова’ (герм., индо-иран., ирл.), в то время как другие

языки (италийск., греч., слав.) сохранили недифференцированное древнее значение. Переход к новому значению был осуществлен, вероятно, уже после распада общности, независимо в нескольких диалектах. Эта инновация ознаменовала переход к молочному хозяйству.

Не менее красноречиво отсутствие общего индоевропейского названия молока. Все существующие названия молока узко региональны: др.-инд. *kṣīrá-*, *payas*, авест. *xšvīd-*, греч. γάλα, лат. *lac*, др.-ирл. *melg*, гот. *miluks*[4], тохар. А *malke*, алб. *hirë*, лит. *píenas*, лтш. *piens*, др.-прусск. *dadan*. Ясно, что все они вторичны. Древние индоевропейцы не случайно не имели названия для молока: они не знали, прежде всего, самого молока. Правда, известен общеиндоевропейский глагол **melĝ-* 'доить', но почему-то название для молока образовалось от основы **melĝ-* только в части индоевропейских диалектов, тем самым — значительно позже эпохи общности. Можно думать, что лингвисты, принимающие существование индоевропейского термина со значением 'доить', допускают модернизацию. Все говорит в пользу того, что носители праиндоевропейского языка не умели доить скот. И.-е. **melĝ-* означало что-то другое, быть может, высасывание; в этимологическом отношении оно, возможно, представляет собой ономатопоэтическое образование, передающее звук всасывания губами, ср. аналогичное по происхождению араб. *m-l-g* 'сосать грудь'. Этнографы указывают, что древней формой доения животных на заре развития скотоводства было высасывание молока из их вымени, носившее вначале случайный характер (высасывание вымени животного, убитого на охоте), затем широко практиковавшееся (на одомашненных животных). Высасывание производили лежа под животным, а не сбоку (обычная поза при ручном доении). Ряд элементов этого архаического способа долго сохранялся у разных народов (ср. доение овец сзади у казахов, фризов, восходящее к высасыванию лежа). Во всяком случае, общий результат проверки будет скорее противоположен выводу О. Шрадера, который полагал, что, чем ближе к первобытным условиям существования, тем выше значение

---

[4] Слав. **melko* 'молоко' скорее всего заимствовано из германского.

молочного питания у индоевропейцев. Напротив, принесение в жертву коровы или быка — самая почетная жертва у всех индоевропейских народов — отмечено печатью глубокого архаизма и восходит к праиндоевропейской древности[5].

Аналогию использованию крупного рогатого скота представляет использование овцы, молоко которой употребляется в пищу на значительных пространствах заселения южных и западных славян и неизвестно в Белоруссии и на собственно русских территориях. Точно так же не исконно употребление в пищу молока овцы в других культурных районах. Древний характер имеет связь овцы с религией. Вместе с двумя другими животными овца фигурирует в римском обряде жертвоприношения suovetaurilia. Жертвоприношение овцы могло быть кровавым и бескровным. В последнем случае это было нередко принесение в жертву овечьей шерсти. Использование овечьей шерсти носит очень древний характер. Вполне вероятно поэтому мнение, согласно которому

---

[5] См.: Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 150, 158, 166—167; В. И. Громова. Материалы к познанию фауны Трипольской культуры, „Ежегодник Зоологического музея АН СССР", 1927; ее же. Тур и древнейшая история домашнего быка в СССР. „Природа", 1930, № 7—8, стр. 757, 770; O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Bd. 2. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 64, 254; H. Wagner. Indogermanisch-Vorderasiatisch-Mediterranes. — KZ, 1957, Bd. 75, стр. 58 и след.; M. Budimir. Ilirski problem i leksička grupa teutā. „Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku", 55, Split, 1953, стр. 25; М. Будимир. Quaestio de Neuris Cimmeriisque. „Глас Српске Академије наука", 207. Одељење литературе и језика. Нова серија 2. Београд, 1954, стр. 32; F. Simoons. The non-milking area of Africa. "Anthropos", vol. 49. Freiburg, 1954, стр. 58 и след.; H. Kroll. Die Haustiere der Bantu. „Zeitschrift für Ethnologie", 60. Jg. Berlin, 1929, стр. 245; E. Gottlieb. A systematic tabulation of Indo-European animal names. Philadelphia, 1931, стр. 20; J. J. Mikkola. Die baltischen Ausdrücke für Milch und Butter. — AfslPh, Bd. 39, 1925, стр. 12; W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, стр. 132; O. Szemerényi. Greek γάλα and the Indo-European term for „milk". — KZ, Bd. 75, 1958, стр. 170 и след.; H. Pohlhausen. Das Wanderhirtentum und seine Vorstufen. Braunschweig, 1954, стр. 60, 75, 141; N. Lahovary. La diffusion des langues anciennes du Proche-Orient. Berne, 1957, стр. 161—162; E. Mayrhofer-Passler. Haustieropfer bei den Indoiraniern und den anderen indogermanischen Völkern. — AO, vol. 21, 1953, стр. 182 и след.

и.-е. *peku 'скот', связываемое с лит. pèšti 'рвать, щипать', первоначально обозначало только овцу, животное, у которого берут, рвут шерсть. В таком случае общеиндоевропейское название овцы *ovis вторично. Этимологию *peku : pèšti можно полнее использовать для исследования названий овцы. Она подтверждает семасиологическую правильность этимологии *ovis < *eu- 'одевать', т. е. 'животное, одетое шерстью'. Новое проявление той же апперцепции находим в индо-иранских названиях овцы, родственных слав. *měхъ, русск. мех. Другой пример такой устойчивости семасиологической характеристики в названиях домашних животных, проходящей через многие новообразования, мы наблюдаем в обозначениях собаки, с той разницей, что там от названия к названию повторяется иная характеристика: 'пестрый, определенного цвета, масти'.

Все сказанное выше доказывает, что шерстистость была отличительной чертой овец древних индоевропейцев. Родоначальником домашних овец палеарктической зоны обычно считают муфлона европейского и западноазиатского (Ovis musimon и Ovis orientalis). Указывают также на значение африканского центра овцеводства, однако не следует забывать, что африканские овцы — волосатые овцы, поэтому, например, о шерсти овец в Африке не может быть речи[6]. Влияния на древнее овцеводство Европы с юга и с востока были вполне возможны, об этом говорит заимствование некоторых названий животного (см. ниже, стр. 75), а также такое качество овцы, как способность к переходам на громадные расстояния[7].

---

[6] См. H. Kroll. Die Haustiere der Bantu. „Zeitschrift für Ethnologie", 60. Jg. Berlin, 1929, стр. 228.

[7] См.: K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian, część I. Kraków, 1929, стр. 114; Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 181 и след.; А. Браунер. К вопросу о естественноисторическом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей. „Труды лаборатории генетики АН СССР". М., 1933, стр. 137—138; A. Nehring. Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat. „Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik", 4. Jg. Wien, 1935, стр 64—67; O. Keller. Die antike Tierwelt, Bd. 1. Leipzig, 1909, стр. 309 и след.

Древним домашним животным является коза, происхождение которой, однако, не выяснено полностью. Изучение одомашнения козы встречает ту специфическую трудность, что костные остатки козы очень трудно отличить от остатков овцы. Районов одомашнения козы было, по-видимому, несколько, судя по расселению диких пород козы в горных районах Средиземноморья, Малой Азии, Кавказа, на Среднем Востоке[8]. Все это хорошо согласуется с множественностью названий козы в индоевропейском.

Первоначальное одомашнение козы осуществлялось за пределами центрально- и восточноевропейских равнинных районов, очевидно, уже значительно позже расчленения индоевропейского языкового единства, в эпоху индоевропейских экспансий.

Свинья относится к числу домашних животных, автохтонных в Европе (Средней и Южной). Так, простые домашние свиньи Восточной Европы восходят к дикому европейскому кабану Sus scrofa ferus. Восточноазиатский очаг одомашнения с диким прародителем Sus vittatus в расчет не входит. Индоевропейское свиноводство и вообще знакомство со свиньей связано с древних времен с западным районом, что поддается контролю при помощи данных языка. И.-е. **pork̂os*, обозначавшее первоначально детеныша дикой свиньи, убедительно этимологизируется как 'полосатый'. Именно поросята Sus scrofa ferus (Средняя и Южная Европа, Северная Африка, Западная и Средняя Азия) отличаются полосатостью. Для домашней свиньи эта особенность давно уже несвойственна (кроме районов с молодым свиноводством, например, в Африке), но тем ценнее для нас свидетельство этимологии. Во всей умеренной зоне, у многих (в основном западных) индоевропейских народов древности большой популярностью пользовалось мясо свиньи, в отличие от переднеазиатских семитов, исключавших свинину из пищи по гигиеническим и ритуальным сооб-

---

[8] См.: Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 197 и след.; В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. Сб. „Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных", т. 1. М., изд-во АН СССР, 1940, стр. 91, 105—107.

ражениям. Известна древняя культовая роль свиньи, ср. праздник ὑστήρια в честь Афродиты в Греции[9].

Сложнейший узел вопросов представляет история домашней лошади. Использование этого животного содержит черты, сближающие его с остальными домашними животными. Вместе с тем среди животных, прирученных человеком, лошадь выделяется своим своеобразием. С большинством домашних животных лошадь сближает возможность употребления в пищу ее мяса и молока, специально с крупным рогатым скотом — возможность ее тяглового применения. Однако ни одна из этих полезных функций не может быть названа причиной, побудившей человека приручить и одомашнить лошадь. Употребление кобыльего молока в пищу не исконно, оно вторично даже у алтайских народов. Тягловое значение лошади было вначале, по-видимому, минимальным. Обращает на себя внимание культовое значение лошади как жертвенного животного, о чем имеется множество древних свидетельств с разных концов индоевропейской территории. Лошадь ближе других животных стоит к божеству в индийской, греческой, римской, германской мифологиях. Замечательная быстроногость лошади дала толчок к отождествлению культа воды и культа лошади, к возникновению распространенного мифа о крылатом коне. Существовали особые конские боги — галльская *Ерŏпа* и иллирийский *Juppiter Menzanas*. Если ставить вопрос о мотивах первоначального приручения и одомашнения, то приоритет следует признать за культовой ролью и жертвоприношением, сопровождавшимся, вероятно, поеданием мяса убитого животного.

И снова те функции, использовать которые нам казалось бы наиболее разумным, явились не сразу, а в ходе эволюции. Этому не следует удивляться, примеров

---

[9] См.: O. Keller. Die antike Tierwelt, Bd. 1. Säugetiere. Leipzig, 1909, стр. 388 и след.; „Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft“, neue Bearbeitung von G. Wissowa, 3. Halbbd. Stuttgart, 1921, столб. 801 и след.; М. Е. Сергеенко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958, стр. 4; Т. П. Адлерберг. К вопросу о происхождении домашних свиней. „Труды лаборатории генетики АН СССР“. М., 1933, стр. 186.

эволюции использования домашних животных немало. Сама лошадь относительно поздно была применена на земледельческих работах, вытеснив волов в некоторых районах в течение жизни одного поколения. Но еще в античной Греции подобное применение лошади было совершенно неизвестно.

Важнейший вопрос культурной истории лошади — это вопрос ее транспортной роли. В науке индоевропейских древностей до последнего времени оставалась злободневной проблема первичности способов транспортного использования лошади — как тяги при повозке и колеснице или как животного для езды верхом. Длительное время имела место тенденция рассматривать проблему „Fahren und Reiten" как дилемму, причем езда в повозке обычно считалась культурным достоянием праиндоевропейской эпохи, а верховая езда — очень поздним приобретением времени конца индоевропейской экспансии, полученным от других народов. Лингвистическим аргументом служил общеиндоевропейский характер **u̯og̑hos* 'повозка' (: **u̯eg̑hō*) при полном отсутствии единого названия езды верхом типа нем. *reiten*, англ. *ride*, арм. *hecanem* 'еду верхом'. Однако эта теория основана на искаженной интерпретации фактов, в чем нужно полностью согласиться с такими специалистами, как Х. А. Потрац и Э. Делебек.

Искажение состоит в том, что ученые отождествляли кавалерийскую езду в военных целях с верховой ездой вообще. Но как раз эти вещи следует строго разграничивать. Боевой конь — это новшество, которое постепенно внедрялось у индоевропейских народов лишь в течение I тысячелетия до н. э. В „Илиаде" не удается обнаружить почти ни одного ясного упоминания военного применения верховой лошади. Учителями греков в искусстве военной верховой езды были варвары. Около середины I тысячелетия до н. э. Ксенофонт, возвратившись после своих мытарств, написал под свежим впечатлением превосходства персидских кавалерийских войск целую книгу „Об искусстве верховой езды" (Περὶ ἱππικῆς). Бесконечные войны и общение с народами Востока быстро устранили недостатки, мешавшие прежде военному использованию верховой лошади. Появились стремена и седло. Но вся эта революция в военном деле не означает позд-

него происхождения езды верхом. Напротив, приоритет езды верхом на лошади является естественным и несомненным. Только при этом необходимо иметь в виду езду пастушеского значения, которая обходилась без упомянутых поздних усовершенствований. Известно, что ездить верхом можно и на дикой лошади, однако нельзя дикую лошадь запрячь в повозку. Это и есть правильное решение проблемы “Fahren und Reiten“.

Повозку с двумя и четырьмя колесами индоевропейцы знали с древнейших времен, ср. и-е. *u̯oĝhos ‘повозка’, *ak̂sis ‘ось’, *kʷelos, *rotos ‘колесо’. Тягловыми животными могли быть лошади и быки. Однако вероятнее всего это были быки. Лошадь не очень подходила или, точнее, еще не использовалась правильно для тяги. Немаловажная причина неправильного использования заключалась в примитивности упряжи, не рассчитанной на лошадь, душившей животное при сколько-нибудь значительной нагрузке повозки. Это была, в сущности, упряжь для быков, с ярмом, название которого носит общеиндоевропейский характер (*i̯ugom, слав. *jьgo, русск. иго). И здесь потребовались усовершенствования, прежде чем появились летучие колесницы, запряженные лошадьми, надолго ставшие грозным родом войск. Что касается великих миграций III тысячелетия до н. э., то основной тягловой силой в их осуществлении были быки, а не лошади, хотя, может быть, в глазах отдельных ученых это и наносит ущерб блистательности индоевропейской экспансии[10].

---

10 См.: O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Bd. 2. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 170 и след., 230; O. Keller. Die antike Tierwelt, Bd. 1. Leipzig, 1909, стр. 246 и след.; G. Dumézil. Rituels indoeuropéens à Rome. Paris, 1954, стр. 21, 73 и след.; J. Hoops. Reallexikon der germanischen Altertumskunde, Bd. 3. Straßburg, 1915—1916, стр. 408 и след.; J. Wiesner. Fahren und Reiten in Alteuropa und im Alten Orient. „Der Alte Orient“, Bd. 38, H. 2—4. Leipzig, 1939; W. Brandenstein. Die alten Inder in Vorderasien und die Chronologie des Rigweda. „Frühgeschichte und Sprachwissenschaft“. Wien, 1948, стр. 134 и след.; Xénophon. De l'art équestre. Texte et traduction par É. Delebecque. Paris, 1950; É. Delebecque. Le cheval dans l'Iliade. Paris, 1951; H. A. Potratz. Das Pferd in der Frühzeit. Rostock, 1938; G. Hermes. Das gezähmte Pferd im alten Orient. „Anthropos“, Bd. 31, 1936, стр. 364 и след.; G. Hermes. Der Zug des gezähmten Pferdes durch Europa. „Anthropos“, Bd. 32,

Развитие еще до начала миграций терминологии повозки, запряженной быками и редко лошадьми, свидетельствует о своеобразии условий жизни, которое не могло не оставить следов в языке. Интересен, например, факт наличия двух, казалось бы, разных индоевропейских основ *sed- 'сидеть' и *sed- 'идти'. Имеются основания говорить здесь не об исконном различии омонимов, а об одном исходном и.-е. *sed-, совмещавшем оба значения, что-то вроде 'передвигаться сидя (в повозке)'. Для обозначения этого состояния глагольная основа *u̯eĝhō (слав. *vezǫ) не годилась, так как она выражала действие с точки зрения везущего животного, а не едущего в повозке, ср. страдательный залог лат. vehi, греч. ὀχοῦμαι 'ехать (в повозке)'. Позднее, после дифференциации двух *sed-, основа *sed- 'идти' образовала в славянском отношение глагольного супплетивизма с продолжением и.-е. *ei- : *iti — *šьd-/*xod-.

* * *

Предыдущее изложение в основном содержит попытку проникнуть как можно дальше в глубь истории нескольких домашних животных с помощью данных этимологии. Мы имели возможность убедиться в эволюции роли животноводства. Но если говорить о животноводстве, например, праславянского периода или еще более поздней эпохи, отделенной от нас приблизительно тысячелетием, — раннего средневековья, — мы получим картину, уже очень близкую современной. Правда, в ней имеется много пережитков, исчезнувших в последующее время. Ценность этих фактов, как и всей картины животноводства у славян, в целом состоит в прямых свидетельствах письменных памятников, современных эпохе.

Разведение домашних животных играло видную роль у славян в раннее средневековье, соперничая подчас

1937, стр. 105 и след.; W. Koppers. Die Indogermanenfrage im Lichte der historischen Völkerkunde. „Anthropos“, Bd. 30, 1935, стр. 12 и след.; A. Heiermeier. Westeuropäische Heimat und Namen des Pferdes. „Paideia“, anno 6, № 6. Firenze 1951, стр. 357 и след.; O. Antonius. Stammesgeschichte der Haustiere. Jena, 1922, стр. 257; Е.А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 235 и след.; Ф. Кеппен. К истории тарпана в России. — ЖМНП, 1896, январь, стр. 170—171; Д. Н. Анучин. К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России. ЖМНП, 1896, июнь.

с земледелием. Использование домашнего скота было многообразным. Наибольшей популярностью пользовалась свинья. Разводились коровы, волы (для пахоты), лошади, широко распространены были овцы и козы, содержались собаки, кошки, ласки. Довольно часто в пищу употреблялась конина — обычай, исчезнувший на Руси около X в. В связи с этим следует заметить, что слово *конина*, однородное по типу с общеславянскими названиями мяса животных *говядина*, *свинина*, представляет интерес для истории славянской культуры. Оно вполне соответствует историческим свидетельствам о том, что в раннее средневековье славяне ели мясо лошади. Учитывая словообразовательное своеобразие этой группы имен (например, название коровьего, бычьего мяса образовано не от названий коровы или быка, а от старого *говядо — говядина*), мы вправе доверять и другим свидетельствам этих имен. Так, мясо овец, по-видимому, большого значения не имело: русск. *овчина* — от 'овца' — означает не 'мясо', а 'шкура'. Мясо обозначено производным от заимствования: *баранина*. Напротив, значение слова *овчина* говорит о важности овечьей шерсти, что еще больше подтверждается древним словом *руно*. Этимология этого последнего (*руно* : *рвать*) находится в полном соответствии с историческими свидетельствами о том, что первоначально шерсть овец не стригли, а рвали. Что касается лошадей, то уже в начале XII в. имеются известия о применении их в своем хозяйстве мелкими земледельцами на Руси. Это указывает на то, что рабочих лошадей имелось довольно много. Вполне возможно, что ощущалась некоторая нехватка в крупных боевых конях[11].

Такова, на наш взгляд, правильная интерпретация источников. Однако нельзя не упомянуть о теории, сохраняющей сейчас значение исторического курьеза. Я. Пайскер опубликовал в 1905 г. книгу, где, за вычетом более или менее научных сведений о ранних германских и тюркских заимствованиях в славянском, согласованных автором со специалистами-языковедами,

---

[11] См.: W. Hensel. Słowiańszczyna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej, wyd. 2. Warszawa, 1956, стр. 94 и след.; В. І. Громаў. Аб фауне гарадзішч БССР і Смаленскай губ. „Працы археолёгічнай камісіі Беларускае Акадэміі навук“. Менск, 1930, стр. 213.

излагается неправдоподобная теория о славяно-греческих и славяно-тюркских связях[12]. Взяв за основу место из II главы книги Константина Багрянородного „О том, как надо управлять государством", где говорится, что печенеги разоряют соседних росов во время войн, а росы заинтересованы покупать у печенегов крупный рогатый скот, лошадей, овец, которых у самих росов не имеется, — Пайскер построил единственно на этой неточной или случайной информации чудовищную по нелепости концепцию. Сущность ее сводится к тому, что славяне, обираемые попеременно германцами и тюрками, лишились скота и влачили вегетарианское существование. К счастью, научная общественность давно оценила эту книгу как пример абсурда, до которого может довести некритическое отношение к источникам. Что касается истории животноводства у славян, то она далека от примитивности, которую ей навязывал Пайскер.

* * *

Предлагаемая работа представляет собой первый опыт монографического исследования этимологии славянских названий домашних животных. Совершенно очевидно, что самая большая трудность состоит в том, чтобы определить границы привлекаемого материала. За несколькими основными славянскими названиями-терминами стоит множество более ограниченных по распространению, более детализирующих по значению старых и новых слов, которые также необходимо было подвергнуть этимологическому анализу, хотя найти их связи не всегда оказывалось возможным. Представляют интерес следы старых диалектных отношений в названиях домашних животных. В этом, как и в других случаях, сравнение выходит далеко за пределы славянских языков. Важной задачей работы явилось использование и оценка достижений этимологии в этой области словаря. Совершенно естественно, что при этом не обошлось без некоторых коррективов и уточнений.

---

12 См.: J. Peisker. Neue Forschungen zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Slawen. I. Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. = Sonderabdruck aus der Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, III. Stuttgart, 1905.

1a

Первостепенную задачу, точнее даже — смысл этимологического исследования такой группы слов, как названия домашних животных, нужно видеть в изыскании лингвистическими средствами новых данных по истории самих животных, по истории культуры.

СОБАКА

Бесспорно общеславянским названием собаки является *pьsъ*, известное с самого начала как родовое обозначение животного: ст.-слав. *пьсъ* κύων, др.-русск. *пьсъ*, русск. *пёс* (стар., вульг.) 'собака', укр. *пес*, польск. *pies*, кашуб. *pjes*, словин. *pji̯es*, в.-луж. *pos*, н.-луж. *pes*, *pjas*, полабск. *pasai* (**pьsi*), им. мн.[13], чеш., слвц. *pes*, словен. *pès*, сербохорв. *пȁс*, *псето*, диал. *сето*, болг. *пес*, *пъс*, *псе*, *псéто*.

Большинство форм, производных от слав. *pьsъ*, представляется прозрачным в структурном отношении. Несколько проблематичный характер носит лишь объяснение гидронима *Псёл*, род. ед. *Псла* (левый приток Днепра) из *Пьсьлъ*, производного от *пьсъ* с суффиксом *-ьлъ*, ср. *козьлъ*, *орьлъ*, русск. *козел*, *орел*[14].

Наиболее вероятной фонетически и семантически является этимология, согласно которой слав. *pьsъ* 'собака развилось из первоначального названия цвета и вместе со слав. *pьstrъ*, русск. *пестрый* (и др.), др.-инд. *piçáŋgas* 'рыжеватый, бурый (также в качестве названия собаки)', *piçás* м. р. 'лань', авест. *paēsa-* 'прокаженный', греч. ποικίλος 'пестрый', др.-в.-нем. *fêh* 'пестрый', нем. *Feh* — о пестром животном (серне и под.), гот. *filu-faihs* 'многообразный' восходит к и.-е. **pik̂-/*peik̂-* 'пестрый, делать пестрым', куда и слав. *pisati*, русск. *писать*[15]. Называние собаки по масти — это бесконечно повторяющийся

[13] См.: B. Szydłowska. Hodowla zwierząt domowych u Połabian w świetle zabytków języka połabskiego. „Studia z filologii polskiej i słowiańskiej“, 1. Warszawa, 1955, стр. 458.

[14] См.: M. Vasmer. Zur slavischen Namenforschung, 1, Psiol. „Mélanges de philologie offerts à J. J. Mikkola“. Helsinki, 1931, стр. 338—339. — В общем это весьма соблазнительная этимология, если учесть к тому же, что река Псёл имеет еще приток под названием Псиика, на что М. Фасмер также обращает внимание.

[15] См.: M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd 2. Heidelberg, 1955, стр. 346—347 (в дальнейшем — REW);

процесс, начиная с древних его проявлений, устанавливаемых более или менее вероятно при помощи этимологии, и вплоть до новых местных названий, подчас не отличимых от кличек типа укр. *Рябко*. Этнограф Л. Мичович сообщает следующие сведения из Нижней Герцеговины: „Псима дају имена према длаки: шаров, гаров, бјелов, путо и т. д." [16] Сближение собачьих кличек и нарицательных имен с терминологическим значением весьма полезно как указание на правильную этимологию слова *pьsъ*, дающее также возможность восстановить его семантическую историю, не дошедшую до нас в виде прямых свидетельств. Кроме того, эту этимологию слав. *pьsъ* подтверждают опыты этимологического исследования некоторых других семантически близких слов (ср. ниже о слав. *xṛtъ*).

Другие этимологии *pьsъ* менее убедительны. Наиболее серьезна из них попытка связать это слово с лат. *pecus, -oris* 'скот', *pecu, -ūs, pecus, -udis* то же, др.-инд. *páçu* ср. р., *paçús* м. р. 'скот', авест. *pasu* то же, др.-в.-нем. *fihu* 'скот'. Расхождения вокализма и гласного конца основы (праслав. **pĭso-*: и.-е. **peḱu-*), а также совершенно четкое различие значений (слав. 'собака': прочие индоевропейские 'скот') вынуждают этимологов принимать незасвидетельствованные апофонические ступени и приписывать решающую роль условно реконструируемым звеньям, как это делал, например, Г. Остхоф, производя *pьsъ* 'собака' из **pьso-stražь* 'хранитель скота' < и.-е. **pəḱu-*: **peḱu-* [17].

там же подробный перечень литературы; ср. еще: A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, wyd. 2. Warszawa, 1957, ст. 415 (в дальнейшем — Brückner. SEJP), без связи с *pies*, *pьsъ*.

[16] Љубо Мићовић. Живот и обичаји Поповаца. „Српски етнографски зборник", књ. LXV. Београд, 1952, стр. 27.

[17] См. также: F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 271 (в дальнейшем — EW); Н. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896, стр. 258; H. Osthoff. Etymologische Parerga, I. Leipzig, 1901, стр. 214 и след. — Г. А. Ильинский, следуя в основном за Остхофом, очень упрощает отношения и связывает *pьsъ* прямо с **peḱu-* 'скот, дающий шерсть', преувеличивая значение форм русск. *псо́вина* 'длинная шерсть у собак', (*густо*)*псо́вый* (см.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ, т. 69, стр. 13; его же. Славянские этимологии, LI—LX. — РФВ, т. 73, 1915, стр. 286). Неубедительны, далее, сопоставления *pьsъ* с лат. *speciō* 'смотрю', др.-инд. *páçyati* 'смотреть' [A. Meillet. Études

Мы не можем назвать обозначения самки собаки, суки, которое носило бы, наряду с *pьsъ*, общеславянский характер и могло бы соперничать с этим родовым названием по древности. Слав. *suka*, представленное в русск., укр., блр. *сýка*, др.-русск. *сука*, польск. *suka*, кашуб. *sëka*, полаб. *saukó* 'потаскуха', ср. также русск. диал. (псковск.) *суцаѧ́* 'сука, собака'[18], является севернославянским словом по своему распространению; оно неизвестно в южнославянских языках, где в этом значении выступают серб., болг. *кучка*. Результатом контакта с западнославянскими языками явилось нем. диал. *Zauke* 'потаскуха'[19]. Таким образом, слово *suka* не может считаться общеславянским названием. Правда, одно лишь это обстоятельство еще не указывает на позднее происхождение слова, но в соединении с некоторыми другими моментами оно также приобретает вес. Наличие, наряду с *suka*, польск. стар. *sula* (XVII в.)[20] позволяет выделить в этом слове суффикс *-ka*. На этом, пожалуй, кончаются положительные сведения, которые можно дать относительно структуры слова *сука*. Популярное сближение славянского слова с и.-е. **k̂uōn* 'собака'[21] противоречит известным данным об эволюции в славянском древних основ на согласный *-n* (ср. и.-е. **kamōn* > слав. *kamy*, *kamykъ*). Возведение слав. *suka* к и.-е. **(p)k̂eu-kā*[22] как будто лишено

sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905, стр. 238; ср. еще: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1910—1914, стр. 52 (в дальнейшем — ЭС); С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 419 (в дальнейшем — ЕР). Невероятно объяснение *pьsъ* из подзывания *ps*, *p's* (J. M. Kořínek. K původu slov. pьsъ. — LF, sv. 58, 1931, стр. 427 и след.; ср. V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 364), прочие этимологии см.: M. Vasmer. — REW, Bd. 2, стр. 347.

18 См.: „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря". СПб., 1858, стр. 261.

19 См.: Weinhold. Deutsches und Slavisches aus der deutschen Mundart Schlesiens. KZ, Bd. 1, 1852, стр. 254.

20 См.: A. Brückner. SEJP, стр. 525.

21 См.: M. Vasmer. — REW, Bd. 3. Heidelberg, 1958, стр. 42.

22 См.: H. Osthoff. Etymologische Parerga, I, стр. 256—257; В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 46—47.

оснований. Остается считать пока не доказанным сохранение в славянском формы, продолжающей и.-е. *k̂uōn, ср. лит. šuõ, род ед. šuñs, лтш. suns, suntana, др.-прусск. sunis, др.-инд. çúvā, çvā, авест. spā, арм. šun, греч. κύων, лат. canis, гот. hunds, тохар. ku, фриг., фрак. καν-, хетт. иероглифич. śuwana-[23].

Детеныш собаки имеет название, известное во всех славянских языках: цркл.-слав. *щенѧ* σκύμνος, др.-русск. *щеньць*, *щеня*, русск. *щенóк*, укр. *щеня́*, род. *-я́ти*, блр. *щенё*, диал. *щаня́*, *щаню́к*[24], др.-польск. *szczeniec*, польск. *szczenię*, *szczeniak*, словин. *ščiénq*, в.-луж. *šćenjo*, н.-луж. *šćeńe*, полаб. *stènq*, др.-чеш. *ščeně*, чеш. *štěně*, слвц. *štenec*, *šteňa*, словен. *ščenè*, *-éta*, *ščenec*, сербохорв. *штѐне*, болг. *щéне*. Все эти слова указывают на исходное **ščen-*, **ščenęt-* < **sken-*, обычно связываемое с названиями молодых животных арм. *skund* 'щенок, волченок', ирл. *cano*, *cana* 'волченок', кимр. *cenaw* 'щенок, волченок', а также со слав. *čędo* 'дитя', *na-čęti*, русск. *на-чáть*, *на-чну́*, греч. καινός 'новый', др.-инд. *kániṣṭhas* 'самый младший'[25]. В соответствии с этим можно, по-видимому, объяснить значения вроде словен. *ščenè* 'поросенок', в.-луж. *šćenjo* 'меньший, последний ребенок', болг. диал. *штéни*, *штéнинци* 'ребе-

---

[23] Об и.-е. *k̂uōn* и его продолжениях по языкам см.: A. Ernout. Les éléments dialectaux du vocabulaire latin. Paris, 1928, стр. 72, 135; E. Raucq. Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indo-européen. „Rijksuniversiteit te Gent. Werken uitgegeven door de Faculteit van de wijsbegeerte en letteren“, 88-e aflevering. Antwerpen-'s-Gravenhage, 1939, стр. 1 и след.; F. Specht. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 32, 121—122; J. Otrębski. [Рец.] A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 3. Aufl. — LP, t. III, 1951, стр. 341—342: E. Fraenkel. Baltische Etymologien. — ZfslPh, Bd. 21, 1953, стр. 138 и след.; его же. Baltische, slavische und iranische Beiträge. „Münchener Studien zur Slavenkunde. Festgabe für P. Diels“. München, 1953, стр. 114 и след.; V. Pisani. Studi sulla fonetica dell'armeno. „Ricerche linguistiche“, I. Roma, 1950, стр. 172; В. И. Георгиев. Исследования..., стр. 117, 139, 151.

[24] См.: А. К. Сержпутовский. Грамматический очерк дер. Чудина, Слуцкого у. Минской губ. — Сб. ОРЯС, т. 89, 1912, стр. 53.

[25] См.: M. Vasmer. — REW, Bd. 3, стр. 448; А. Преображенский. ЭС. „Труды Ин-та русского языка“, т. 1. М., 1949, стр. 117.

нок'[26], русск. диал. *Щенюк* 'молодой' (прозвище)[27], русск. диал. *пащёнок* 'испорченный малолеток'[28], ср. и распространенную украинскую фамилию Пащенко[29], — как следы более древней семантической характеристики этого слова, обозначавшего детенышей определенного возраста от разных животных.

Общеслав. *xṛtъ* имеет все признаки специального термина, обозначающего собак определенного вида; ср. его значение 'борзая, охотничья собака', представленное во всех языках: русск., укр. *хорт*, польск. *chart*, чеш. *chrt*, н.-луж. *chart*, в.-луж. *khort*, словен. *hȓt*, серб. *xр̏т*, болг. *хрът*, *хрѣ́тка*. Аналогичным специальным названием было вначале, вероятно, и слав. *pьsъ*, но связи последнего уходят глубже в индоевропейскую древность, а именно — в сферу названий цвета; слав. *xṛtъ*, которое, как увидим ниже, тоже можно считать по происхождению названием цвета, оформилось, должно быть, позднее. Круг его ближайших соответствий не выходит за рамки балто-славянских связей. Слав. *xṛtъ* образовалось, по-видимому, из **sṛtъ* (с развитием $x < s$ в приставочных и других сочетаниях по „правилу Педерсена"); последняя форма с нулевой ступенью корневого гласного родственна лит. *sar̃tas* 'светло-гнедой (о лошади), желтоватый', сюда же русск. *мухо́ртый* 'гнедой, с желтоватыми подпалинами' — очевидная гаплология из **мухо-хорт*[30].

---

26 См.: И. К. Бунина. Словарь говора ольшанских болгар. „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР", вып. 3. М., 1953.

27 См.: М. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910, стр. 97.

28 См.: И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. — Сб. ОРЯС, т. 70, № 5, 1901, стр. 127.

29 Сюда же производные с прииненной приставкой *su-*: серб. *су̏штен*, словин. *sóušči̯eńå̊* 'щенная (сука)'.

30 См.: „Славянские этимологии 1—7". — ВСЯ, вып. 2, 1957, стр. 38 и след. Сводку существующих этимологий см.: M. Vasmer. — REW, Bd. 3, стр. 265; F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1956, стр. 60—61; сомнительно объяснение *xṛtъ* < и.-е. **sṛ-to-* < **ser-* 'мчаться' (K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, стр. 136). Лит. *kùrtas* заимствовано из слав. *xṛtъ*, иначе — и не убедительно — см.: W. P. Schmid. Baltisch kurtas und andere Tierbezeichnungen. „SYBARIS. Festschrift für H. Krahe". Wiesbaden, 1958, стр. 129 и след.

Специальным названием является также еще одно слово, широко, хотя и не повсеместно, распространенное в славянских языках: русск. *вы́жлец*, *вы́жлик*, *вы́жлок*, *вы́жлица*, *выжло́вка* 'ищейка, гончая', польск. *wyżeł*, *wyżełek*, чеш. *vyžel*, *vyžlē*, слвц. *vyžla*, словин. *vížel*, серб. *вӥжао*, *вӥжле*. Слав. *vyžьlъ*, если вообще можно для него реконструировать эту архаическую праформу, — это название старой охотничьей породы. Для истории слав. *pьsъ*, *xrtъ* и *vyžьlъ* из специальных названий представляет интерес поговорка: „Ни пес, ни хорт, ни выжлец" (Даль I², стр. 289), где в один ряд с бесспорно специальными *хорт* и *выжлец* поставлено общее название *пес*. Происхождение слова *vyžьlъ* неясно[31]. В связи с этим справедливо поставить вопрос о заимствовании этого слова, причем источник заимствования должен был находиться скорее ближе к северным, чем к южным славянским языкам, где данное название известно лишь на северной периферии. Остроумная этимология Я. Мелиха о заимствовании в славянские из венг. *vizsla* 'живой, проворный, бдительный' (прил.), 'гончая' (сущ.) (ср. также глагол *vizsgálni* 'проверять, испытывать', финноугорского происхождения)[32] все-таки маловероятна. Не менее убедительно можно считать само венг. *vizsla* 'гончая' заимствованным из славянских и вторично сблизившимся по народной этимологии с исконным *vizsgálni* и родственными. Однако не более вероятно предположение М. Фасмера о заимствовании славянских слов из нем. **Wîsel*, ср. ср.-в.-нем. *wîsel* 'пчелиная матка', др.-в.-нем. *wîso* 'вожатый, поводырь' (REW, Bd. 1, стр. 239). Очень искусственно и не выдерживает никакой критики толкование Г. А. Ильинского из и.-е. **ūĝ-*, ср. **au̯eĝ-*, в лат. *vigil* 'бодрый,

---

[31] Отсутствие этого слова в болгарском подчеркивают Я. Мелих (см. ниже) и М. Фасмер (REW, Bd. 1, стр. 239). Ср., однако, болг. диал. *вижлѐц* 'ловджийско куче, малка хрътка' (с. Недевско, Габровско), см.: Х. Кодов. Из българския речник. „Списание на Българската академия на науките", кн. 43, клон ист.-филол., 21, София, 1930, стр. 152.

[32] См.: J. Melich. Über ung. vizsla, serb. vìžao etc. „Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му". София, 1933, стр. 147 и след.; ср. также: K. Nitsch. [Рец. названного сборника] — JP, t. XIX, стр. 56.

живой'[33]. Впрочем, не исключена возможность, что *vyžьlъ* явилось исконно славянским образованием, хотя бы на части славянской языковой территории, откуда оно позднее разошлось как внутриславянский культурный термин. Поэтому не так уж „примитивна" этимология А. Брюкнера, связывавшего польск. *wyżeł* с *wyg*-, ср. польск. *wyga* 'старый пес', которое в свою очередь образовано от *wyć* 'выть' с суффиксом -*ga*[34]. Эта этимология объясняет на польском языковом материале словообразовательные особенности слова *wyżeł*, перед которыми оказываются беспомощными другие попытки.

Чрезвычайно широко распространены названия от фонетических вариантов **kut*-/**kuč*-/**kuc*-, обозначающие главным образом щенка, реже — суку, вообще собаку, но их пестрота, довольно капризное фонетическое разнообразие, подчас противоречащее нормальному развитию, а также факты близости, не сводимой к общему первоисточнику, говорят о том, что перед нами подзывания животных, ономатопоэтические элементы: русск. диал. *кутёнок* 'щенок', *кутя́*, *кутько́*, *кутю́к*, *ку́тик* то же, *кути́ха* 'сука', *кучко́*, *кичко́* 'кобель, пес', укр. *котю́га* 'собака, пес', ср. слвц. *kot'uha* то же, болг. *ку́че* ср. р. 'собака', *ку́чка* 'сука', серб. *ку̏че* ср. р., *кучак*, *ку̏чка*, словен. *kûčək*, *kûcek*, сюда же польск. *Kucziuk* — собачья кличка. Далее ср. русск. *куть-куть!*, польск. *kuciu-kuciu!* — подзывания[35], алб. *kutsh* 'собака', лтш. *kuce*, *kucęns*, а также лтш. *kuņa* 'сука'[36], осет. *kyʒ*/*kuj* 'собака' < вост.-иран. **kuti*, ср. памирск. *kud*, *k'ǝd*, скиф. собств. Κουζαῖος[37], курд. *kūčik*, венг. *kutya* 'собака',

[33] См.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии III. (Прасл. vyžьlъ 'canis sagax'). — ИОРЯС, т. 23, кн. 1, 1918, стр. 130—131.

[34] См.: A. Brückner. — SEJP, стр. 640; M. Rudnicki. Sufiksy ze spółgłoską -g-. — SO, t. 10, 1931, стр. 278. — К сожалению, М. Фасмер (там же) ничего не говорит об этой возможности.

[35] См.: А. И. Германович. Слова клича и отгона животных в русском языке. „Известия Крымского пед. ин-та", т. 19. Симферополь, 1954, стр. 306.

[36] См.: E. Fraenkel. Baltische, slawische und iranische Beiträge. „Münchener Studien zur Slavenkunde. Festgabe für P. Diels". München, 1953, стр. 115.

[37] См.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 605.

коми *kitši*, *kytši* 'щенок'[38]. Поскольку вопрос о принадлежности этих слов к звукоподражательным образованиям решен положительно, они могут быть приравнены как однородные к сходным, но несущим бо́льшую экспрессивность и потому преобразованным соответствующим образом фонетически, укр. *цу́цик* 'щеночек'[39], *цуценя́* то же, русск. *цуцу́* — подзывание собак, в.-луж. *ćuća*, *ćućak* 'собака' (в детской речи), сербохорв. *ćuko* 'собака'[40], русск. диал. *тютька* 'собака', лит. *čiùčius* 'собачка'[41].

Узкоспециальным термином является название гончей, охотничьей собаки: серб.-црк.-слав. *огаръ*, серб. *о̀гар*, словен. *ogar*, чеш. *ohař*, др.-польск. *ogarz*, польск. *ogar*. Вероятна его связь с черк. *hager* то же, тюрк. (уйгур.) *ägär*, венг. *agár*, осет. *jegar*[42]. Однако на славянской почве это слово могло довольно быстро сблизиться с исконными *gorěti*, *ogarъ*, *ogarъkъ*, русск. *ога́рок* по той причине, что у этих собак имелись характерные „подпалины"[43]. В славянских языках, по-видимому, уже существовали прецеденты подобной связи. Так, мне кажется, что русское слово *поджа́рый* 'худощавый, стройный' можно правильно понять лишь в том случае, если видеть в нем первоначальное обозначение гончего пса с подпалинами, а кроме того — с такой выразительной стройностью, худобой, что собаководческий термин, быстро деэтимологизировавшись, стал вообще обозна-

---

38 См.: Л. А. Ивашко. Заимствованные слова в печорских говорах. „Ученые записки ЛГУ", № 243, серия филол. наук, вып. 42, 1958, стр. 93; M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 705—706.

39 См.: F. Miklosich. EW, стр. 145.

40 См.: F. Iveković, J. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I. Zagreb, 1901, стр. 185.

41 См.: Мне осталась недоступной работа: W. Schulze. Indogermanische Interjektionen. „Aufsätze zur Kultur und Sprachgeschichte, vornämlich des Orientes E. Kuhn gewidmet". Breslau, 1916.

42 См. J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 252; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 335; M. Vasmer. — REW, Bd. 2, стр. 251; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь. . ., стр. 411.

43 А. Брюкнер (SEJP, стр. 375), например, вообще отождествляет название собак со слав. *ogarъ*, *ogarъkъ*, что едва ли верно.

чением чрезвычайной стройности[44]. Связь перечисленных выше названий собак с серб. *загâре* 'охотничья собака' и под.[45] не вполне ясна.

Любопытно стоящее изолированно в русском словаре древнерусское название овчарки, пастушьей собаки *гричь*, продолжением которого, возможно, является современное русское бранное *хрыч*, с экспрессивной спирантизацией *г* > *х*; сюда же, вероятно, относится чеш. диал. (моравск.) *gryc*, *gric* ругательство 'чучело, пугало'[46].

Названия собак в славянских языках весьма разнообразны по происхождению, как это видно и из настоящего обзора. Тем не менее, и в их образовании проявляется та устойчивая тенденция, на которую уже неоднократно обращали внимание: обозначение собаки по цвету, масти. Устойчивость ее тем более замечательна, что славянские названия собаки — это в основном преобразованные из другой лексики слова, не имеющие связи с и.-е. **k̑uōn* 'собака'. Интерес, который представляет эта особенность, отнюдь не снижается тем обстоятельством, что некоторые такие славянские названия, обязанные своим возникновением этой тенденции, так и не развились в общие термины и остались в ранге частных названий, определений, нередко — с ограниченным распространением. Сюда относятся русск. *мурýгий* 'пятнистый, полосатый' (например, о кобеле), укр. *морýгий*, *мурýгий*, польск. *morągi* 'полоса, полосатое животное (например, собака)', *morągi*, *m(o)rągowaty* (ср. собственное имя *Mrąga*), словен. *maroga* 'пятно' из прасл.

---

[44] Таким образом, русск. *поджáрый* первоначально не должно было означать 'сухой, худощавый' и его не нужно производить из *поджáристый*, вопреки А. Преображенскому (ЭС, т. 2, стр. 86) и М. Фасмеру (REW, Bd. 2, стр. 383). Сюда же такое недвусмысленное обозначение цвета, а не сухости, худобы, как польск. *maść podżara* (о лошадях): W. Kuraszkiewicz. Nazwy maści końskich dziś i w 1539 r. — JP, t. XXIX, 1949, стр. 147.

[45] См: Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта, св. 1. Београд, 1932, стр. 187.

[46] См.: „Славянские этнмологии 1—7“. — ВСЯ, вып. 2, 1957, стр. 41—42, где предпринимается, кроме того, попытка реконструировать праслав. **gritjь*, родственное лит. *greĩtas* 'быстрый'. В правильности этой этимологии *хрыч* сомневается А. Вайян (см.: BSL, t. 53, 1958, стр. 175). Другие объяснения чешского слова приведены у В. Махека (Etymologický slovník, стр. 117).

**mor-ǫgъ*, родственного русск. *мара́ть*[47]. Возможно, наблюдения над описанной семасиологической тенденцией помогут также найти ключ к правильной этимологии русского слова *кобе́ль*. Попытки истолковать это последнее в настоящее время исчерпываются довольно безотрадными сопоставлениями с осет. *k'abula* 'щенок, молодая собака' или со ср.-в.-нем. *koppel* 'свора собак', а также др.-инд. *çabalas* 'пестрый, пятнистый'[48]. Может быть, исследованию слова препятствовало отсутствие данных о развитии его значения; его современное значение 'самец собаки' бралось как исконное, и в этом виде слово считалось исключительно русским, без соответствий в других славянских языках. Однако материал для других суждений об этимологии русск. *кобе́ль* имеется. Это слово представлено довольно широко в русском народном языке в формах *кобе́ль* и *кобё́л*, *кабё́л*[49]. Последняя форма может быть объяснена как вторичное экспрессивное видоизменение первой. Решающее значение для этимологии имеет русский диал. (рязанск.) *перкобелый* 'разношерстный, пегий'[50], несомненно, из **перекобелый*, ср. тождественное название цвета польск. диал. *przekobiały*, которое обозначает шерсть скотины, пересеченную поперек тела белой полосой. Польское слово засвидетельствовано по крайней мере с XVI в. Ср. также польск. *przekoczarny*, *przekognisty*, аналогичные обозначения расцветки, образованные с приставкой *przeko-* и диал. *kobiały*, *kobielasty*,

---

[47] См. F. Solmsen. Über einige slawische Wörter mit dem Wurzelelement mar-, — „Jagić-Festschrift". Berlin, 1908, стр. 576 и след.; J. Otrębski. Życie wyrazów w języku polskim. Poznań, 1948, стр. 308. J. Hrozienčik. Lexikografické príspevky II. Morús. „Jazykovedný Sborník", roč. I—II, č. 1—2. Bratislava, 1946—1947, стр. 227 и след.; M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 177; M. Rudnicki. Lechici i Skandynawi. — SO, t. 2, 1922, стр. 222—223; ср. еще: G. Herne. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954, стр. 102—103, где высказано едва ли верное предположение об адъективности слов типа ст.-слав. моуръ(нъ) 'негр'.

[48] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 582.

[49] См.: А. Путинцев. О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии. — ЖС, 1906, вып. 1, стр. 114.

[50] См.: Диттель. Сборник рязанских областных слов. — ЖС, 1898, вып. 2, стр. 220.

kobilaty=*przekobiały*[51]. Тождество польск. *przekobiały*= русск. *пер(е)ко-белый* выражается также в том, что они содержат одинаковую приставку, но эта сложная приставка (*per-ko-*) представляет собой расширение приставки *ko-*, не очень продуктивного, но древнего форманта. Исходным в данном примере было сложение **ko-běl-*, обозначавшее какую-то разновидность светлой окраски, масти и именно в этой функции употребленное первоначально как название собаки. Смутный намек на это первичное значение, возможно, еще живет в пословице: „Черного кобеля не отмоешь добела“, где слово *кобель* выступает не в обычном современном значении 'самец', а как обозначение цвета по преимуществу.

Важным региональным названием, охватывающим все восточнославянские и небольшую часть западнославянских языков, является др.-русск. *собака*, русск. *собáка* ж. р., укр. *собáка* м. р., блр. *сабáка*, польск. диал. *sobaka*[52], кашуб., словин. *sobaka* 'suka, pies'[53], также 'распутный человек'[54], слвц. диал. *sobaka* ж. р. 'сварливая женщина'[55]. В качестве основного родового названия животного это слово безраздельно господствует только на восточнославянской языковой территории. Те из примеров употребления слова *sobaka* в западнославянских диалектах, которые характеризуются как специфически бранные с узким значением 'сварливая баба' и под. (слвц. диал., польск. диал.), можно довольно уверенно расценивать как заимствования из русского, украинского, белорусского, учитывая, что заимствованию нередко сопутствует специализация значения (если они уже с самого начала не были заимствованы как бранная лексика). От них, очевидно, нужно отличать кашуб., польск. *sobaka* 'собака'.

---

51 См.: A. Zaręba. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954, стр. 74.

52 См.: E. Majewski. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich ... od XV wieku aż do chwili obecnej, t. I. Warszawa, 1890, стр. 400.

53 См.: A. Berka. Słownik kaszubski porównawczy. — PF, t. 3, 1891, стр. 625.

54 См.: F. Lorentz. Slowinzisches Wörterbuch, ч. 2. СПб, 1912, стр. 1073.

55 См.: F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 214.

Так как налицо факт ограниченного распространения слова *sobaka* в славянских языках, это слово уже давно стали считать заимствованным из иранского, ср. авест., мидийск. *spaka* букв. 'собачий', производное от *span-* (< и.-е. **k̂uon-* : **k̂ᵘn̥-*) 'собака', афган. *spai*, парфян. *sabah*, н.-перс. *sag* 'собака'[56]. Эта, казалось бы, вполне трезвая этимология, оперирующая достоверными формами и вероятными реконструкциями, на самом деле изобилует хронологическими натяжками, лингвистическими неточностями, а с точки зрения лингвистической географии она традиционна в самом худшем смысле слова, напоминая как две капли воды те опыты, к сожалению, весьма многочисленные даже в лучшем современном этимологическом словаре русского языка, когда какое-нибудь северновеликорусское диалектное слово объявляется заимствованным... из замкнутого тюркского диалекта в Центральной Азии.

Говорить об иранском происхождении слова *собака* можно, лишь принимая положение о весьма раннем времени заимствования. Достоверные ранние славянско-иранские языковые связи относятся к скифской эпохе истории Северного Причерноморья. Желая, видимо, примирить факт частичного распространения слова *sobaka* в славянских языках и весьма ранние хронологические рамки иранской экспансии к северу от Черного моря, К. Мошинский полагает, что *sobaka* было заимствовано „возможно, где-то около V в. н. э."[57]. Но ведь те достоверные формы и правдоподобные иранские реконструкции, из которых производят прасл. диал. *sobaka* (см. выше), все относятся к южноиранским языкам, более того — носят типично персидский характер (*sabah*, **sabāka*). Остается неясным, как могли попасть к славянам эти слова из территориально далеких языков. К тому же наиболее близкие по форме слова *sabah* (*sabaka*) являются уже поздними, среднеперсидскими образованиями, когда эпоха эффективных ирано-

---

[56] См. подробно, со сводкой литературы: M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 684.

[57] K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego, Wrocław, 1957, стр. 90.

славянских языковых отношений давно прошла[58]. С другой стороны, наиболее близкое по времени к упомянутым отношениям авест., мидийск. *spaka-* с *a* кратким (из **k̑ᵘn̥-ko-*) фонетически не могло дать слав. *sobaka*. На сходных соображениях была основана критика иранской этимологии слова *собака* одновременно с попыткой найти положительный ответ о происхождении славянского слова[59].

Против принятой иранской этимологии слова *собака* свидетельствует то существенное обстоятельство, что иранцы, с которыми славяне длительное время общались, говорили на североиранских языках. Это были скифы, затем сарматы, близкие родственники, языковые предки современных осетин. На основании свидетельств современных языков (ср. осет. *kuʒ* 'собака' и др.) и выявления остатков языка скифов некоторые ученые вообще сомневаются в том, что в этих языках существовала форма *span* или *spaka*[60]. Впрочем, известна скифская глосса Гесихия παγαίη 'собака', но и она может быть использована скорее как аргумент против иранской этимологии слова *собака*. Скиф. παγαίη позволяет отнести типично осетинское развитие иран. *-aka-* > *-æg* к весьма раннему времени, поскольку Гесихий жил в IV в. н. э., а многие его глоссы относятся, несомненно, к значительно более древней эпохе. Важно отметить, что среди примеров иран. *-aka* > скиф. *-ag-* было и достоверное παγαίη (< *spaka*), которое могло бы дать в славянском только что-нибудь вроде **(s)paga*, **(s)poga*, что окончательно подрывает прежнюю этимологию слав. *sobaka*.

Что касается гипотезы о связи праслав. диал. *sobaka* с чеш. *sob* 'северный олень', выдвинутой одновременно с критикой иранской этимологии слова *sobaka*, то она была продиктована поисками положительного ответа

---

58 Совсем поздними заимствованиями являются ст.-укр. *шах* 'собака' (1627 г.), польск. диал. *saszek* то же — из перс. *sag* 'собака'. См.: J. J a n ó w. Szach 'pies'. — JP, t. XXVII, 1947, стр. 106 и след.; E. M a j e w s k i. Słownik. . ., т. I, стр. 375.

59 См. мою статью „К этимологии слова *собака*". — КСИС, вып. 15, 1955, стр. 48 и след.

60 См.: В. И. А б а е в. Осетинский язык и фольклор, 1. М.—Л., 1949, стр. 57, 97.

о происхождении славянского слова. Помимо принципиальной вероятности новой этимологии *sobaka* < *sobъ*[61], опиравшейся на культурно-исторический материал, критика справедливо указала и на главный ее недостаток — невыясненность собственной истории изолированного чешского слова *sob*, которое вполне могло оказаться при проверке языковым новообразованием в духе „Физиолога", а именно *sob*, **sop* — от чеш. *soptiti*, ср. русск. *сопе́ть*[62]. В самом деле, И. Поливка, перечисляя описания животных в разных редакциях „Физиолога", приводит — как типичный — рассказ об олене, который ищет и вынюхивает змеиные норы: ...spiramine oris sui attrahit serpentem foris — в латинских версиях; ...*и обон*[*ва*]*ѧтъ*, — восстанавливает И. Поливка в ряде славянских текстов[63].

Вопрос о вероятности происхождении слова *собака* еще не решен. Отклоненную точку зрения о заимствовании из иранского пока не удалось заменить другой убедительной этимологией. Эту этимологию еще нужно искать. В подобной ситуации полезно взвесить все возможные варианты происхождения слова. В связи с этим представляет интерес название собаки, известное в ряде тюркских языков и диалектов огузской и кыпчакской групп: тур. *köpäk*, сюда же имя собственное *Кобяк*, половецкий хан („Слово о полку Игореве"), из *köbäk*

---

[61] Ср.: А. В. Исаченко. О книге П. Я. Черных „Очерк русской исторической лексикологии" — ВЯ, 1957, № 3, стр. 123—124; B. Unbegaun. — RÉS, т. 34, стр. 212.

[62] См.: A. Vaillant [Рец. на КСИС, вып. 15] — BSL, t. 52, 1957, стр. 157—158. И. Голуб и Ф. Копечный („Etymologický slovník jazyka českého". Praha, 1952, стр. 344) характеризуют *sob* как исключительно чешское, старое, неясное слово. В. Махек (указ. словарь, стр. 462) отмечает, что *sob* известно уже со среднечешской эпохи, а также упоминает в.-луж., н.-луж. *sob*, — возможно, из чешского, и н.-луж. *soban* 'большой вол; северный олень'. Для него это тоже, в конечном счете, неясное слово. Ср. еще болг. *собов лишай* 'Cladonia rangiferina' — ботаническое название; однако научная терминология, в частности ботаническая, обычно состоящая из искусственно созданных обозначений, в данном случае может отражать влияние чешского языка и его научной терминологии.

[63] См.: G. Polívka. Zur Geschichte des Physiologus in den slavischen Literaturen. — AfslPh, Bd. 14, 1892, стр. 399—400.

'собака'[64]. В большинстве тюркских языков распространено другое название собаки — *it*, *yt*. Слово *köbäk* 'собака' признается как будто изолированным в тюркских языках, но его древность не вызывает сомнений, и оно употреблялось, по-видимому, в языке тюркских племен, с давних пор соприкасавшихся со славянами на востоке. Сведения о словаре тюркских диалектов древности очень неполны, и надо сказать, что тюркологи ждут в этом отношении многого от изучения тюркских элементов в славянских, прежде всего — восточнославянских языках. Проблема славяно-тюркских языковых отношений ранней поры разработана недостаточно, может быть, дальнейшие разыскания покажут, что их следует датировать гораздо более ранним временем, чем это делалось до сих пор, что относится, возможно, и к славяно-финским языковым отношениям.

Однако здесь нас интересует пока только судьба слова *собака*. Мы позволим себе высказать предварительную гипотезу, что слово *sobaka* проникло в восточнославянские и некоторые западнославянские диалекты из тюрк. *köbäk* 'собака'. Общий фонетический облик тюркского слова и сейчас чрезвычайно напоминает слав. *sobaka*. Но одного этого, несомненно, еще очень мало, и решающими следует признать такие моменты, как наличие этого слова со значением 'собака' в сопредельных языках в древности. Слав. *sobaka* воспроизводит в общих чертах вокализм тюрк. *köbäk*, заменив чуждые *ö*, *ä* в порядке субституции. Что касается консонантизма (слав. *s* — *b* — *k* из тюрк. *k* — *b* — *k*), то слав. *s* < тюрк. *k* в начале слова говорит, возможно, о том, что заимствование осуществлялось очень давно, когда мягкое *k* в этом тюркском слове с характерным палатальным сингармонизмом могло отразиться в славянском, не знавшем такого звука, в виде *s* (чему, возможно, благоприятствовала склонность к диссимиляции *k* — *k* > *s* — *k*). Вопрос об отражении палатального *k* как *s* в ранних заимствованиях в славянском уже поднимался К. Мошинским на волжскофинском и тюркском материале. Так, он считает праслав. **karas*-, русск.

---

64 См.: K. H. Menges. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, The Igor' Tale. New York, 1951, стр. 30.

карась заимствованным из марийск. *karaka*, удмурт. *karaka* 'карась', ср. казанско-тат. *käräkä* то же[65]. С диссимилятивными явлениями тоже, видимо, следует считаться, так как и в том и в другом случае характерно наличие в источнике двух *k*[66].

Для размышлений на культурно-историческую тему: почему славяне заимствовали слово *собака* у тюрок? — материал отсутствует, да и вообще слишком часто приходится убеждаться в прихотливости заимствований. Впрочем, об одном раннем тюркизме в славянской собаководческой терминологии говорилось выше (см. *огаръ* и под.)[67].

Остальные названия собак носят местный, как правило, поздний характер и обычно являются побочными обозначениями животного. Русские: *сколуха*, *сколушка*, костромск., 'гончая' от *сколить*, *скулить* (Даль, т. IV[2], стр. 202), ср. лит. *skalìkas* 'охотничья собака', *skãlyti* 'лаять'[68], *лепетá* диал.[69], ср. *улепётывать* 'удирать', *вóвка* арханг.[70], *ярчýк* 'первые щенки от суки первого помета', 'шестипалая собака, с долгим, висячим когтем' (Даль, т. IV[2], стр. 680), также укр., слово, родственное многим другим названиям животных, с первоначальным возрастным значением, от слав. *jar-*; *сы́ма*, *цы́ма*, *сы́мка* — общая кличка собаки, также *сэ́мка*, *сéмка*[71], возможно, экспрессивные преобразования *сем-ка* от *сем*

---

[65] См.: K. Moszyński. — JP, t. XXXIX, 1959, стр. 5—6.

[66] Использование этой возможности, вероятно, позволит определить этимологию также других трудных слов.

[67] С самого начала для нас не было самоцелью во что бы то ни стало доказать исконнославянский характер слова *собака*, дискредитировав иранскую теорию. Разумеется, разочарование ввиду замены иранского заимствования тюркским заимствованием неуместны, хотя, как это ни странно, эмоциональная сторона при исследовании вопроса заимствований занимала и занимает в работе некоторых этимологов, по-видимому, не последнее место. Главное — лингвистическая истина, и если предложенная выше гипотеза поможет приблизить к ней исследование слова, это дает ей полное право на существование.

[68] См.: P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 128; M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 642.

[69] См.: И. Ф. Наумов. Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля. — Сб. ОРЯС, т. 11, 1875, стр. 18.

[70] См.: А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 19.

[71] См.: „Труды Московской диалектологической комиссии. Ярославская губерния. Обработал Н. В. Васильев“. — РФВ, т. 67—68,

'сюда' [ср. также *сям* (*там и сям*), ст.-слав. сѣмо], по распространению — северновеликорусское слово; украинские: *ку́ндель* 'мохнатая простая дворняжка', ср. польск. диал. *kundel*, *kondel* (вероятно, заимствованное из украинского), несомненно, родственно русск. *кудла́стый*, *кудла́тый* 'лохматый', *кудло́* и вместе с последним содержит приставку *ку-* с вторичным инфиксом *-н-*; диал. *gájda*[72], *жавра*[73]; польские: *skowera* 'старая собака', *prys*; в.-луж. *beja*, *bjeja* 'сука'; полаб. *t'ốtrěk*, из н.-нем. *köter* 'дворняжка', *motkə* 'сука'[74]; словин. *kúna*, *kúnica* 'сука', чеш. *pučík*, *fučík*[75]; словен. *kúza*, *kûzla* 'сука'; сербские: *ва̏шка*, *ћена*, *гриво* 'собака', *шапов*, *кер*, *кера* 'пес, кобель', *kуја* 'сука'[76]; болг. *живга́р* 'охотничья собака'[77], *па́ле́* 'маленькая собачка', *копо́й* 'лягавая собака'.

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Общим названием животного является *govędo*, известное всем славянским языкам: ст.-слав. говѧждь βοός, др.-русск. *говядо* 'бык', русск. *говя́дина*, блр. *гавя́да* 'рогатый скот'[78], польск. диал. *owięzina* 'говядина',

---

1912, стр. 255; И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. — Сб. ОРЯС, т. 70, № 5, 1901, стр. 170; В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии. — Сб. ОРЯС, т. 77, № 7, 1904, стр. 53; А. И. Германович. Слова клича и отгона животных в русском языке, стр. 36.

72 См.: R. W. Harasymczuk — W. Tabor. Etnografia połonin huculskich. „Lud", t. 35. Lwów, 1937, стр. 133 и след.

73 См.: Е. Желеховский. Малоруско-німецкий словар, т. 1, Львів, 1886, стр. 216.

74 См.: B. Szydłowska. Hodowla zwierząt domowych u Połabian w świetle zabytków języka połabskiego. „Studia z filologii polskiej i słowiańskiej", I. Warszawa, 1955, стр. 458, 459.

75 См.: F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 347.

76 См.: Т. Р. Ђорђевић. Природа у веровању и предању нашега народа, 1 књ. Београд, 1958, стр. 239; Љ. Мићовић. Живот и обичаји Поповаца. Београд, 1952, стр. 26.

77 См.: Д. Х. Петричев. Принос към изучване на Трънския говор. „Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София", кн. 7, 1931, стр. 60.

78 См.: Н. Чудовский. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. — РФВ, т. 39—40, 1898, стр. 70; М. В. Шатэрнік. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929, стр. 61; А. Сержпутоўскі. Прымхі і забабоны беларусаў-паляшукоў. Менск, 1930, стр. 19 и др.

owięzi 'говяжий'[79], чеш. *hovado*, слвц. *hovädo* 'крупный рогатый скот', н.-луж. *gowedo*, *goweź* 'рогатый скот', в.-луж. *howjado* то же, словен. *govę́do* 'рогатая скотина', др.-сербск. *говедо* 'bos', сербохорв. *го̀ведо* 'бык', болг. *гове́до* 'крупный рогатый скот'.

Слав. *govędo* и его история в отдельных языках носит сложный характер. Совершенно очевидно, что оно является архаизмом. Об этом говорят, с одной стороны, связи с и.-е. *$*g^{u}ou$-* 'крупный рогатый скот'[80], с другой — взаимоотношения форм в самом славянском. Употребление *govędo* значительно сократилось в связи с выдвижением новой, хотя и имеющей собственные индоевропейские связи, специфически женской формой **korvā*, русск. *корова*, вплоть до того, что в некоторых славянских языках о былом употреблении *govędo* свидетельствуют косвенно лишь производные, ср. польск. *owięzina*, русск. *говя́дина*. Последние также имеют большую древность, например праслав. **govędina*, русск. *говя́дина*, **govędjь*, русск. *говя́жий*. Сокращение употребления **govędo* за счет **korvā* — весьма любопытный вопрос, правда, несколько выходящий за рамки лингвистического анализа и вместе с тем данного конкретного раздела. Слав. **korva* — термин молочного хозяйства по преимуществу. Создание такого особого термина помимо **govędo* говорит о том, что последнее не подходило для этой роли, т. е. что его история сложилась иначе, чем в целом ряде индоевропейских языков, где именно *$*g^{u}ou$-* дало название коровы. Разнобой и самостоятельное образование последнего названия — надежное свидетельство того, что необходимость в нем явилась не сразу, во всяком случае не существовала с самого начала, что может быть использовано и как указание по истории молочного использования крупного рогатого скота у индоевропейцев.

---

79 См.: J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. 3. Kraków, стр. 488.

80 См.: F. Miklosich. EW, стр. 75; E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Heidelberg, 2. Aufl. 1924, стр. 338 (в дальнейшем — SEW); R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 94 (в дальнейшем — BSW); M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 283.

Слав. **govędo* в основном унаследовало значение общего названия от и.-е. *g^{u}ou-*, но и здесь не обошлось без серьезных преобразований. Кроме **korva*, славянский развил также конкретные термины для мужской особи животного — *bykъ*, *volъ*, и это не могло не отразиться на рефлексе и.-е. *g^{u}ou-*. Форма, продолжающая и.-е. *g^{u}ou-* в славянском, приобрела новое значение собирательности, с чем связано и соответствующее оформление при помощи суффикса *-ęd-*. Таким образом, слав. **govędo* совместило в себе значения общего названия без различия пола (архаическое) и собирательного. Это объясняет удобство образования названия мяса животного от этой основы уже в праславянском: **govędo* > **govęd-ina*.

Но история и.-е. *g^{u}ou-* в славянском начинается не с суффиксального производного **govędo*, так как этимологии удалось выявить несомненный след непроизводной основы *g^{u}ou-* в сложении слав. *gumьno*, русск. *гумнó* и др. < *gu-+mьno* от *męti*, русск. *мять* букв. 'место, где скот топчет (снопы)'[81]. Эта достоверная этимология свидетельствует о реальности существования еще в раннем праславянском основы **gu-*/**gov-* с общим значением типа греч. (ὁ, ἡ) βοῦς 'бык, корова'[82], до того как появилось собирательное **govędo*. Что касается сингулятивного значения словен. *govédo*, сербохорв. *гȍведо*, то оно, по-видимому, вторично для слав. *govędo*.

Ввиду тесных генетических связей славянских форм с и.-е. *g^{u}ou-* этимологическое исследование последнего имеет прямое отношение к этимологии славянских

---

[81] См.: А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903, стр. 234; E. Berneker. SEW, Bd. 1, стр. 362; M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 321; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 150. — Сомнения в этой этимологии необоснованны. Значения этого слова в ряде языков 'часть двора', 'сад', 'луг' явно вторичны.

[82] Менее уверенно сюда же относят слав. *govьno* первоначально 'скотский, коровий помет' (см.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 282). Ср. также попытки выделить **gŭ-*, ступень редукции *g^{u}ou-*, в русск. *гиль* 'снегирь' <**gъjьl-* (M. Vej. — BSL, t. 56, стр. 55 и след., R. Jakobson. — „Word“, vol. 8, 1952, стр. 387; против — см.: F. Sławski. Słownik etymologiczny, t. I, стр. 279) и в слав. *gъmyzъ* <**gъ-mysъ* 'овод', ср. афган. *γu-mašā* 'москит', *gъzъ* то же (см.: „Slawische Etymologien, 10—19“. — ZfS, Bd. 3, 1958, стр. 677 и след.).

названий домашних животных. Однако приходится пока признать, что происхождение $^*g^u ou$- не выяснено и отсутствуют дополнительные указания, которые бы облегчили окончательный выбор между разнообразными существующими этимологическими решениями. Трудности состоят в том, что вопрос о происхождении и.-е. $^*g^u ou$- выходит за рамки лингвистики и связан с историей домашних животных, генетикой, в которой, к сожалению, еще много неясного. Достаточно сказать, что в вопросах ранней истории эта отрасль естествознания сама не пренебрегает помощью сравнительного языкознания.

Часть ученых склонна предполагать в и.-е. $^*g^u ou$- (слав. *govędo*, лтш. *gùovs*, др.-инд. *gāúṣ*, авест. *gāuš*, арм. *kov*, греч. βοῦς, умбр. *bum* 'bovem', ирл. *bō*, др.-в.-нем. *chuo*, хет. иероглифич. *wawas*) очень древнее заимствование из шумер. *gu*, *gud* 'бык', ставя его в непосредственную связь с вопросом расположения индоевропейской прародины вблизи сферы влияния центров цивилизации Двуречья. Довольно близка к этой точке зрения другая, основанная на сходстве названий скота в большом числе языков Восточной и Северной Азии. При этом, однако, не решено окончательно, видеть ли в сходстве и.-е. $g^u ou$- с кит. *ngū*, тибет. *go-lang* 'бык', кетск. (енисейско-остякск.) *kuos* 'крупный рогатый скот' свидетельства древних связей или близость звукоподражаний, не связанных общим происхождением[83]. По поводу этих этимологий можно ограничиться одним общим предостережением о рискованности прямых сопоставлений индоевропейских слов со словами языков, история которых недостаточно изучена или возможности реконструкции которых ограничены. Вероятность ошибки

---

[83] См.: G. Ipsen. Sumerisch-akkadische Lehnwörter im Indogermanischen. — IF, Bd. 41, 1923, стр. 175 и след.; A. Nehring. Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat. „Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik", Jg. IV, 1935, стр. 73 и след., 77; H. Wagner. Indogermanisch-Vorderasiatisch-Mediterranes. — KZ, Bd. 75, 1957, стр. 63 и след.; P. Naert. La situation linguistique de l'aïnou I. Aïnou et indoeuropéen. Lund, 1958, стр. 20—21 (с библиографией); E. Gottlieb. A systematic tabulation of Indo-European animal names = „Language" dissertations publisched by the Linguistic Society of America, № VIII. Philadelphia, 1931, стр. 20. — О звукоподражательном характере этих слов см. еще: D. Boranić. Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. Zagreb, 1909, стр. 22, 74.

здесь слишком велика, о чем свидетельствует поучительный пример объяснения Е. А. Поливановым и.-е. **sū-s* 'свинья' как заимствованного из китайского языка, что было опровергнуто впоследствии Э. Бенвенистом (см. раздел „Свинья").

Другая часть ученых отстаивает исконно индоевропейский характер *g^{u}ou-*, используя его архаическую флексию и богатство ступеней чередования гласных (с участием ларингальных или без него) как нечто коренным образом отличающее и.-е. *g^{u}ou-*, в частности, от шумерского слова и придающее ему специфически индоевропейский вид[84]. Возможно, что правда на стороне этих лингвистов. Однако этим вопрос об этимологии и.-е. *g^{u}ou-* еще не решен. Сторонник исконности *g^{u}ou-* М. Будимир предложил, например, этимологию, которой нельзя отказать в остроумии и оригинальности постановки вопросов культурно-исторического характера: он объяснял *g^{u}ou-* из и.-е. **geu̯a-* 'сгибать' (ср. греч. γύαλον, γυρός, γύης), считая, что этим словом первоначально обозначался горбатый скот вроде зебу, который легче поддается одомашнению и предположительно обитал в древности в степях Восточной Европы и Западной Азии[85]. Этимологию М. Будимира едва ли можно считать вероятной, между прочим, потому, что слав. *volъ*, *korva*, которые он также попытался объяснить как первоначальные обозначения „горбатых" животных, правильнее объяснять иначе. Быть может, наиболее простая и вместе с тем правдоподобная этимология и.-е. *g^{u}ous* 'крупный рогатый скот' заключается в давно подмеченной связи греч. βοῦς 'бык, корова' и βόσκω 'пасу', с тем лишь существенным уточнением, что оба они продолжают и.-е. *g^{u}e-/*g^{u}o-* 'идти' (ср. расширенные формы гот. *qiman*, греч. βαίνω, лат. *venio*, хетт. *wem-*); *g^{u}ous* образовано от нерасширенной глагольной основы, что в совокупности с его крайне нерегулярной флексией свидетельствует о древности образования. Исходным

---

[84] См.: J. Kuryłowicz. Les effets du ə en indoiranien. — PF, t. 11, 1927, стр. 229—230; F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 32—33; М. Будимир. Грци и пеласти. Београд, 1950, стр. 16.

[85] М. Будимир. Ономасиолошки и граматички прилози. 3. *korva*. — ЈФ, књ. 6, 1926—1927, стр. 171 и след.

значением *g^uous могло быть 'идущее (стадо)', т. е. это было название, аналогичное греч. πρόβατα, др.-исл. *gangandi fé*, образованным, кстати, от той же глагольной основы и засвидетельствованным на разных стадиях превращения в названия отдельных домашних животных. Таким образом, и.-е. *g^uous было архаическим названием, определявшим скот как группу перегоняемых животных, ср. еще лит. *gúotas* 'стадо' от того же глагола.

Как уже было сказано, специальное название взрослой самки крупного рогатого скота оформилось значительно позднее общего названия — путем семантической или лексической инновации, как, например, слав. **korva*: русск. *коро́ва*, укр. *коро́ва*, блр. *каро́ва*, польск. *krowa*, кашуб. *karva*, *krova*, словин. *krùǫvă*, н.-луж. *krowa*, в.-луж. *kruwa*, полаб. *korvó*, чеш. *kráva*, слвц. *krava*, словен. *kráva*, сербохорв. *кра̏ва*, болг. *кра́ва*. Слав. **kórvā* соответствует в основном точно, вплоть до интонации, лит. *kárvė* 'корова'. Последнее отличается от славянского слова только концом основы, продолжая **karvi̯ā*. Обе формы представляют собой производные женского рода от основы на *-u* **koru-* (сюда же, со ступенью редукции корневого вокализма, польск. диал. *karw* 'старый ленивый вол', др.-прусск. *curwis*), которая в свою очередь является древним расширением гетероклитического типа **kor-u*/**kor-n* от названия рога и.-е. **k̂er-*/**k̂or-*/**k̂r̥-* (ср. лат. *cornu* 'рог', греч. κερα(F)ός 'рогатый'). Отсюда ведут свое начало различные названия рогатых животных: лат. *cervus* 'олень', др.-в.-нем. *hiruz* 'олень', др.-исл. *hjǫrtr*, кимр. *carw*, бретон. *caru* то же. Собственно говоря, все это названия оленя. Тем интереснее тот факт, что в нескольких индоевропейских диалектах Европы эта основа развила значение 'корова, крупный рогатый скот'. Впервые обратил внимание на эту особенность, объединяющую слав. **korva*, лит. *kárvė* и алб. *ka* 'вол' (из *$\hat{k}_e$rou̯o-) (ср. далм. собств. имя *Carvius*, *Carvanius*), как на свидетельство древней территориальной близости этих индоевропейских диалектов Н. Иокль.

Общность наименований должна была проявиться в виде переноса названия оленя на домашних коров и быков в связи с распространением новой длиннорогой породы скота. Импульс в том и другом отношении мог

идти с запада, из крупного скопления диалектов „кентум“. Действительно, если бы все сводилось лишь к сосуществованию форм с рефлексами *k* и *s* из **k̑*, например, в славянском, то их можно было бы истолковать как обычное нарушение спирантизации *k̑* > *š*, *s* на периферии, не прибегая к вмешательству извне. Но то, что старые закономерные рефлексы являются исключительно именами диких животных — слав. **sr̥na*, русск. *сéрна*, лтш. *sirna*, др.-прусск. *sirwis* 'козуля', а нарушения имеются только в названиях домашнего животного — лит. *kárvė*, слав. *korva*, которое к тому же носит характер новообразования, не может быть не признано симптоматичным. Из западных форм сюда следует отнести др.-в.-нем. *hrind*, нем. *Rind* 'крупный рогатый скот', близкое по значению, но отличающееся расширителями производное от названия рога, оленя[86]. Разумеется, русск. диал. *корóва* 'самка оленя, самка сохатого или изюбра' есть не более как локальное семантическое новообразование, а не реликт древности.

Название самца, быка имеет форму слав. *bykъ*: русск.-црк.-слав. *быкъ*, русск. *бык*, укр. *бик*, польск. *byk*, словин. *bi̊k*, н.-луж., в.-луж. *byk*, чеш. *byk*, словен. *bìk*, сербохорв. *бӣк*, болг. *бик*. Слав. *bykъ* близко лит. *būkas* 'выпь'[87], но вместе с тем оно тесно связано с глаголами настолько отчетливого звукоподражательного характера, что само представляется первоначальным звукоподражанием. Такое обозначение быка, самца-производителя (по реву, мычанию) — в порядке вещей (ср. хорв. *bukati*

---

[86] См.: E. Berneker. SEW, Bd. 1, стр. 577; R. Trautmann. BSW, стр. 119; N. Jokl. — WuS, Bd. 12, стр. 68; W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, стр. 175—176; M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 629—630; E. Gottlieb. A systematic. . ., стр. 20; F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 127, 138. E. Raucq. Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indoeuropéen, стр. 22, 25, 26, 32, 85, сноска 1 (где предлагаются невероятные реконструкции, противоречащие очевидным фактам). Критск. χάρτην· τήν βοῦν (Гесихий) не имеет ничего общего со слав. **korva*, лит. *kárvė* (E. Fraenkel. Zur griechischen Wortforschung. „Glotta“, Bd. 35, 1956, стр. 87). — Невероятна этимология В. Махека („Etymologický slovník“, стр. 233): **korva* — к др.-инд. *cárvati* 'жует'.

[87] См.: И. Эндзелин. Две этимологии. — LP, t. 1, 1949, стр. 3.

'мычать', чеш. *býkati*, *búkati*, словен. *búkati*, а также лтш. *bucêt* 'звучать, греметь', лит. *bukti* 'мычать'). Ономатопоэтическое происхождение оправдывает неустойчивость вокализма, ср. русск. *бык* наряду с диал. (вологодск.) *бучень* 'бык', н.-луж. *buk* 'бык', блр. *бýчóк*. Это происхождение делает также неактуальными вопрос генетического родства форм и сравнения вроде слав. *bykъ*: лит. *būkas*. С другой стороны, допустимо сопоставление слав. *byk* и тюрк. *buka*, *buga* тоже как слов с аналогичным происхождением. В отличие от слав. *bykъ* и укр. *бик* укр. *бугáй* (откуда польск. *buhaj*) заимствовано из тюркского. Сербохорв. *бăк* 'бык' происходит из далм. *bṷák* < лат. *vacca* 'корова' и с *bykъ* не связано[88].

Кроме *bykъ*, славянские языки насчитывают, особенно по диалектам, еще ряд местных, в основном поздних названий быка-производителя. Особое место среди них занимает слав. **porzъ*, выделяющееся прежде всего своей древностью. От него произошли русск. диал. *пóроз*, *пóрос*, *пóрас*, *порозóк*, *порозéйка* 'нехолощеный бык, производитель', также 'кабан', главным образом северновеликорусское, сюда же др.-русск. *порозъ* 'кладеный баран', црк.-слав. *празъ* 'баран', сербохорв. *пра̑з*, словен. *prâz* то же, русск. диал. *порозовáть* 'быть в поре случки', *порозить* 'быть яловой, не телиться' (о корове). Слав. **porzъ* обнаруживает, таким образом, по языкам большое разнообразие значений. О том, что это довольно древняя особенность и что, например, значение '(нехолощеный) бык' не является местной северновеликорусской инновацией, говорит сравнение с родственными формами. Слав. **porzъ* не связано с **porsę*, русск. *поросенок* (и.-е. **pork̂-*), как в свое время полагал Ф. Миклошич, но продолжает **porsъ* (*-rz-* < *-rs-* подобно *через*: лит. *skers-*), близко родственное нем. *Färse* 'телка' < герм. **fársī*, нем. *Farre*, др.-в.-нем. *far*, *farro* 'бык' < герм. **farz-*, далее сюда же, с иными расширителями др.-инд. *pṛthukam* 'бык, теленок, детеныш', арм. *ort'u* 'теленок, детеныш', греч. πόρις, πόρταξ, πόρτις 'телка, теленок', чеш. *spratek* 'недоношенный теленок' — все это

---

88 См.: D. Boranić. Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima, стр. 9, 43; M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 158; F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. 1, стр. 52.

от и.-е. *per- 'рождать', 'производить', ср. лит. *perěti* 'высиживать (яйца)'. Семантическая емкость исходной глагольной основы и первоначальное значение отглагольного имени 'молодое животное, детеныш (определенного возраста)' вполне объясняют семантические различия славянских слов[89].

Прочие названия быка: русск. диал. *подпáль* 'молодой, недорослый и обыкновенно черный бык' от *палúть, кнóрос* 'некладеный бык' (подробнее см. раздел „Свинья"), *орéвина* (череповецк.) 'бык', *лошшак* 'двухлетний бык' из *лонщак* (ср. *олонесь, лонись* 'в прошлом году'), *кавбат* (вологодск.) 'бычок', укр. *ринґáч* 'плохо выхолощенный бык', блр. *буя́к* 'племенной бык' (ср. слвц. *bujak, bujaček* 'некладеный бык'), в.-луж. *hеńса* 'племенной скот', полаб. *bólə* 'бык-производитель' из н.-нем. *bolle* 'бык'.

Важное значение с древних времен приобрело кастрирование домашних животных, в том числе крупного рогатого скота. Это явление скотоводческой культуры распространялось легко от народа к народу, поэтому здесь немало заимствованных названий. Но слав. *volъ* 'кастрированный бык', имеющее все признаки старого слова, вместе с тем не имеет за пределами славянских языков соответствий, которые можно было бы считать этимологически родственными или источником заимствования славянского слова. Это слово известно во всех славянских языках: ст.-слав. волъ, русск. *вол*, укр. *вiл*, род. *волá*, др.-русск. *волъ*, польск. *wół*, словин. *vȯu̯l*, н.-луж. *wół*, в.-луж. *woł*, чеш. *vůl*, полаб. *vål*, словен. *vȍl*, сербохорв. *вô* род. *вȍла*, болг. *вол*. Слав. *volъ* — древняя основа на *-u*, ср. прилагательное ст.-слав., др.-

---

89 См.: Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии. М.—Л., 1936, стр. 116; F. Miklosich. EW, стр. 260; Р. Ф. Брандт. Дополнительные замечания к Этимологическому словарю Миклошича. — РФВ, 1890, стр. 304; E. Gottlieb. A systematic. . ., стр. 22—23; M. Ptatschek. Lamm und Kalb. Bezeichnungen weiblicher Jungtiere in deutscher Wortgeographie. Giessen, 1957, стр. 37 и след. — Иначе о *пороз* см.: M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 408. — Неверно о русском слове: Б. А. Серебренников. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. „Труды АН Литовской ССР", серия А, 1, 1957, стр. 71.

русск. *волуи* 'воловий'. Однако при всей своей древности слово *volъ* является славянской лексической инновацией, о чем достаточно убедительно говорит отсутствие соответствий этой форме и значению вне славянских языков. Искать объяснение слову *volъ* можно только в славянском словаре. Сближения с *velikъ* [ср. русск. *великий* (Мейе), польск. *wołać* 'звать' (Младенов)] с названиями цвета — греч. ἄϜλαξ · λαμπρῶς, лат. *lūteus* (Левенталь), нем. *schwellen* 'набухать' (Махек) и с этнонимом *волóх* (Преображенский)[90] носят необязательный характер. Большинство этимологов, занимаясь этимологией слова *volъ*, упустили из виду, что это прежде всего технический термин, о чем, казалось бы, говорит и его значение. Самое беглое ознакомление с техникой холощения животных может быть очень полезным для этимологии слова *volъ*. Древнейшим способом является бескровное механическое повреждение семенников перетягиванием, подвязыванием[91]. Поэтому единственно приемлема этимология *volъ: valjati* 'вертеть, катать, зажимать', откуда слав. *volъ* = 'castratus, compressis testiculis'[92]. Странно, что эта этимология еще не нашла доступа даже в славянские этимологические словари. Ср. еще русск. диал. (брянск.) *вал* 'кастрированный бык', *валушóк* 'кладеный бычок', *вáлух* 'кладеный баран, кабан', *валя́ть* 'кастрировать (животных)'.

Славянский не сохранил или, быть может, не развил названия теленка из и.-е. **gel-bho-s*, **gol-bho-s*, греч. δελφύς, δολφός 'чрево, утроба матери', откуда герм. **kalƀaz*, нем. *Kalb* 'теленок'. Молодое животное имеет новое название неясного происхождения слав. *telę*, *telьcь*: ст.-слав. **тєльць** μόσχος, др.-русск. *телѧ*, *тельць*, *телица*, русск. *теленок*, диал. *телúца*, *телúчка*, *тéлятко*, *тё́лыш*, *теля́ш*, *теля́*, укр. *теля́*,*-я́ти*, блр. *целя́*, польск. *cielę*, кашуб., словин. *celą*, *cìelą*, н.-луж. *ćěle*, *śele*, полаб. *tĕ́lą*, чеш. *tele*, слвц. *tel'a*, словен. *téle*, сербохорв. *тѐле*, болг. *телé*. Это название дало множество производных во всех славянских языках, среди которых

---

[90] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 216.

[91] См.: K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian, część I. Kultura materialna. Kraków, 1929, стр. 113.

[92] Ђ. Грубор. Етимологиjе. Вȍље, вô, вáљāње (сукна), вѐљача. — JФ, књ. 8, 1928—1929, стр. 13 и след.

есть именные (типа русск. *стельная*) и глагольные (типа русск. *телиться*) формы. Исходная именная основа также многократно преобразовывалась, как, например, в русск. *телен-ок* при мн. ч. *телята*; польск. *cielak* наряду с *cielę*. Тем не менее очевидна древность основы на согласный *telęt-* из **telen-* наряду с основой на *-i: telь-сь*. Обе эти древние по виду основы находят также в вост.-лит. *tẽlias*, лтш. *tęlę̃ns* 'теленок'. Далее обычно следуют малоправдоподобные сближения[93].

Параллельно с *telę*, *telьсь* существовало другое название теленка слав. *junьсь:* ст.-слав. юньць, юнѧ ταῦρος, taurus, juvencus, др.-русск. *уньць* 'бык, телец', польск. *juniec*, *junica* 'телок, телка', кашуб. *junc*, словин. *jŭi̯nc*, полаб. *jáu̯nəc* 'бычок, телок', др.-чеш. *junec*, *jinec*, чеш.. диал. *junec*, слвц. *junec*, *junča*, *junček*, *junčok*, словен. *junè*, *jûnec*, *junica*, сербохорв. *јуне*, *ју̑нац*, *ју̏ница*, болг. *юнéц*, *юница*. Между *telę* и *junьсь* существовало вполне определенное различие значений, еще сохранившееся в ряде диалектов. Болг. *телé* обычно обозначает теленка от нескольких дней до нескольких месяцев; *юнé*, *юнéц* — это уже телок, бычок от одного до трех лет. На острове Крк *telec* означает 'теленок помоложе', *juńec* — постарше. В Малопольше и на юге Великопольши, например, возобладало в обоих значениях *ciołek*, тогда как северо-западная Великопольша и Поморье знают *juniec*[94]. Совершенно ясна связь слав. *junьсь* с *junъ* 'юный, молодой'. В то же время значения 'телок, бычок, телка' также не являются новыми, ср. лат. *juvencus* 'бычок', *jūnīx* 'телка', далее, сюда же — имя римской богини *Jūnō* букв. 'телка'[95].

---

[93] См.: F. Specht. Der Ursprung..., стр. 35, 156; M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 90; F. Sławski. Słownik etymologiczny, t. I, стр. 99; J. Otrębski. O pochodzeniu słowiańskich formacyj typu *telę. „Przyczynki słowiańsko-litewskie“, seria II. Wilno, 1935, стр. 118 и след.; М. Будимир. Λαύριον Πεδίον и Taurisci, Taurunum. „Зборник филозофског факултета Универзитета у Београду“, књ. III, 1955, стр. 277; G. R. Solta. Gedanken über das nt-Suffix. — „Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse“, Bd. 232, 1. Abh., 1958, стр. 12 и след.

[94] См.: A. J. Van Windekens. 'Ηρα' (die) junge Kuh, (die) Färse'. „Glotta“, Bd. 36, 1958, стр. 309 и след.

[95] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 488—489.

Не телившаяся еще телка, нетель, бесплодная корова имеют названия от слав. *jalovъ* 'бесплодный', очевидно, древнего слова, этимология которого неясна[96]: др.-русск. *яловица* 'нетель', русск. диал. *яловка, я́лавая карова*, укр. *ялови́ця, я́лівка, ялівча́* 'теленок', блр. *яло́шка* 'телка', польск. *jałowica, jałówka*, 'телка', кашуб. *jałojca, jałovica* то же, н.-луж. *jałowica*, в.-луж. *jałojca* 'телка', полаб. *jòłüvåi̯ćə, jolüvə korvó* 'телка, бесплодная корова', словен. *jálovka, jálovica, jalovína*, сербохорв. *ја̏ловица*, болг. *я́лова кра́ва, ялови́ца* то же.

Прочие названия коровы: русск. диал. *не́тель, логи́ха* 'долго не телящаяся корова', *тро́ка* 'корова, доящая только из двух сосков', *жу́колы* мн. ч. 'коровы', также 'телята, рожденные в феврале', заимствованное из финно-угорских языков (ср. марийск. *škol, škal, uškal*, морд. *skal*, удмурт. *iskal, əskal, səkal*), *матуха* 'корова' (вятск.), *буре́ница* то же (смоленск.) *красу́ля* то же (смоленск.), *бутыга* то же (Великий Устюг, запись 1757 г.), *лейма* то же — из финск. *lehmä* 'корова' или близкой формы; ряд названий в зависимости от дня и времени отела (все — смоленск.): *полднёха, вечарёха, понеделка, вторёха;* укр. диал. (зап.) *кля́па* 'старая корова' (ср. польск. *klępa* 'старая корова, баба')[97], *багра* 'черная корова', *бучуля* 'корова', *ва́ка* < рум. *vácă*, молд. *вакэ, неля́пка* 'телка с теленком на втором году' < молд. *неляпкэ* то же[98]; польск. диал. *ciosia* 'корова', *siutka* 'однорогая корова' от слав. *šutъ* 'комолый, безрогий', с мазурением, *kuza* 'старая корова', кашуб. *kuza* то же; н.-луж. *póńźela* то же, что русск. диал. *понеделка* (см. выше); чеш. *jarka* 'телка этого года', диал. (ходск.) *raška* 'старая корова', слвц. *becka*

---

[96] См.: M. Räsänen. Altaisch und Uralisch im Russischen etymologischen Wörterbuch von M. Vasmer. „Festschrift für M. Vasmer". Wiesbaden, 1956, стр. 422.

[97] См. о последнем слове: F. Sławski. Oboczność *ę : u* w językach słowiańskich. — SO, t. 18, 1939—1947, стр. 283.

[98] См.: В. П. Дроздовський. Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говорів Татарбунарського, Тузлівського і Саратського районів Одеської області. Лексика, пов'язана з тваринництвом. „Праці Одеського державного університету", т. 148. Збірник молодих вчених, вип. 2, 1958, стр. 233 и след.

'коровка', чеш. диал. *štira*, болг. *щирица*, сербохорв. *штиркиња* 'бесплодная телка', из романских языков, ср. лат. *sterilis* 'бесплодный', ср.-лат. *stirica* 'телка'[99]; словен. *íca* 'телка' < нем. *Heizel*[100], *čîka* 'корова', *cíka* 'корова с беловатой спиной'[101].

Прочие названия теленка, бычка: русск. диал. *молóсник*, *молóчник* (ростовск.-владим.) 'теленок, отпаиваемый молоком', *зúмняк* 'теленок одной зимы' (вятск.), *слеток* 'однолетний теленок', *ососок* 'молодой теленок или поросенок', *поводнúк* 'годовалый бычок', *мякúнник* 'двухгодовалый бычок', *опóек* 'теленок', *опóчек* 'теленок' (рязанск.), *щáник* 'теленок по первому году' (костром.), *лямошник* 'однолетний бычок' (костром.), *корыґтник* 'бычок по второму году' (костром.), *полýторка, полýторник* 'телушка, бычок по второму году', *коленка* 'нетель', *кóлинка* 'первый теленок', *хóленка* 'телка' (ростовск.-владим.), *гунáк*, *гунáн* 'трехгодовалый бычок' (вост.-сиб.), из тюркских, монгольского[102]; укр. *бýзівок*, *бýзимок* 'перезимовавший теленок', др.-польск. *bukat* 'бычок', словин. *bîdlą* 'молодой вол', серб. диал. *воловодак* 'теленок трех—четырех лет', *воловодка* 'только что отелившаяся телка', болг. *данáк*, *данáче, навóдник* 'бычок от одного до трех лет', *шýле* 'теленок', *вóлче*, *тосýм* то же.

ЛОШАДЬ

Единственным названием лошади, которое приближается к функции родового термина, является слав. *koňь*, слово общеславянского распространения: ст.-слав. **коñь** ἵππος, др.-русск. *конь*, русск. *конь*, укр. *кінь*, род. *коня́*, блр. *конь*, польск. *koń*, словин. *kòųn*, н.-луж. *kóń*, диал. (вост.-луж.) *kǒń*[103], в.-луж. *kóń*, чеш. *kůň*, слвц. *kôň*, диал. *kôm*, *kjun*, словен. *kònj*, сербохорв. *kȍњ*, болг. *кон*, диал. *койн*. Столь же справедливо будет сказать, что общий, родовой термин для животного

---

99 V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 515.

100 Цит. по рукописи этимологического словаря славянских языков Г. А. Ильинского.

101 Там же.

102 См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 321.

103 См.: Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, I. Приложение. Пг., 1915, стр. 9, 14.

Equus caballus в славянском фактически отсутствует. Напротив, существуют уже с праславянской эпохи названия *konь* и *kobyla*, обозначающие самца и самку. Детализирующее половое значение славянских названий и их отношение — как новообразований — к древним индоевропейским названиям — вот главные моменты, которые следует учитывать при этимологической характеристике славянских названий лошади.

В славянском отсутствует и.-е. **ek̂u̯os* 'лошадь', известное в большинстве индоевропейских языков: лит. стар. *ašvà* 'кобыла', др.-инд. *áśva* 'лошадь', авест. *aspa-*, тохар. А *yuk*, В *yakwe* то же, греч. ἵππος, лат. *equus*, галльск. *epo*, *Epŏna*, галльская богиня, букв. 'большая кобыла', др.-ирл. *ech-* 'жеребенок', гот. *aiƕatundi*, др.-сакс. *ehu*, фрак. *esb* 'лошадь'[104].

Вполне возможно, что **ek̂u̯os* еще существовало в праславянском или протославянском, а затем исчезло, как это, например, произошло уже в период письменной истории в литовском языке, а также во всех романских языках. Довольно сомнительны следы этого древнего названия лошади в восточнославянском гидрониме Осва[105].

Исчезновение и.-е. **ek̂u̯os* в славянском нужно, по-видимому, рассматривать в первую очередь как лингвистическую проблему, т. е. искать причину в местном своеобразии развития соответствующих форм языка, а не в позднем знакомстве славян с разведением лошадей или в длительном влиянии со стороны других народов, более сведущих в коневодстве. Как это ни курьезно, но в противном случае исследователь рискует уподобиться лингвисту, который вздумал бы, исходя из наличия франц. *être debout* 'стоять' и *être assis* 'сидеть', доказывать, что французы разучились сидеть и стоять, поскольку их язык не сохранил рефлексов и.-е. **sta-* и **sed-*.

---

[104] См. о последней форме: В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 120. — Подробности развития отдельных форм из и.-е. **ek̂u̯os* мы вынуждены здесь опустить, в том числе интересное греч. ἵππος.

[105] См.: J. Rozwadowski. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, стр. 176 и след.; M. Rudnicki. [Рец. на указ. книгу Я. Розвадовского] — LP, t. 1, 1949, стр. 268—269.

Причина вытеснения и.-е. *$\widehat{e}k\underset{\frown}{u}os$ в славянском коренится также в стремлении к развитой животноводческой терминологии, связанной с половой дифференциацией, с четким различением названий самца и самки животных, важных в хозяйственном отношении. И.-е. *$\widehat{e}k\underset{\frown}{u}os$ плохо подходило для этой роли. Прежде всего это был типичный общий термин для животного[106], который относился как к мужской, так и к женской особи. Языки, употребляющие член, пользовались формами типа греч. ὁ ἵππος 'жеребец', ἡ ἵππος 'кобыла'. Латинский прибегнул к вынужденному новообразованию женского рода *equa*[107]. Случай с и.-е. *$g^{u}ou$- 'крупный рогатый скот' отчасти напоминает судьбу *$\widehat{e}k\underset{\frown}{u}os$, но результаты развития их в славянском оказались различными: *$\widehat{e}k\underset{\frown}{u}os$, термин безразличный в половом отношении, был заменен новыми дифференцированными названиями *konь*, *kobyla*. Говорить о каких бы то ни было связях *$\widehat{e}k\underset{\frown}{u}os$ и *konь* нет поэтому никаких оснований.

Предыдущие замечания, возможно, облегчат этимологический анализ славянских слов. Что касается взаимоотношений этих последних, то целесообразно, по-видимому, считать самостоятельными и не родственными этимологически формами не только *konь* и *kobyla*, но и такие близкие, как *konь* и *komonь*. Маловероятна этимология М. Фасмера, согласно которой противоположные названия *konь*, *komonь* и *kobyla* объединяются в одной парадигме основы на согласный им. ед. *$kob\bar{o}(n)$ > *koby- > *kobyla*, род. ед. *kobnes* > *komnes* > *kones* > *konь*, вин. ед. *$kobon\underset{\circ}{m}$ > *komonь*[108].

---

106 И.-е. *$\widehat{e}k\underset{\frown}{u}os$ представляет собой тематизированную основу на -*u* *$\widehat{e}ku$-, которую часть ученых связывает с и.-е. *$\bar{o}ku$- 'быстрый', ср. др.-инд. *āśúṣ*, авест. *āsu-š*, греч. ὠκύς.

107 См.: A. Ernout. Remarques sur l'expression du genre féminin en latin. „Mélanges F. de Saussure". Paris, 1908, стр. 212.

108 См.: M. Vasmer. Sprachliche Miszellen. — ZfslPh, Bd. 9, 1932, стр. 141; его же. REW, Bd. 1, стр. 618; — К. Мошинский, объясняя слав. *konь* < *(s)kopnь: skopiti* 'кастрировать', исходит из распространенного (Польша, Западная Белоруссия, Западная Украина), но все-таки, вероятно, вторичного значения 'мерин' („Kultura ludowa Słowian", część 1, стр. 116; его же. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, стр. 235). Еще менее убедительны другие этимологии — из сложений *ko-monь*, **kob-monь* (см.: P. Skok. Südslawische Beiträge. — ZfslPh, Bd. 8,

Отношения славянских форм между собой действительно сложны, и это является основной причиной, затрудняющей их этимологию. Тем не менее, есть основания видеть здесь вторичное сближение, а не исконное единство форм. Между прочим, именно в названиях лошади, точнее — в формах, сближаемых непосредственно с обсуждаемыми здесь словами, есть, по меньшей мере, два примера обманчивой близости этимологически не родственных форм. Во-первых, это слав. *konь* и лит. *kuĩnas*, *kuinà* 'кляча', неправомерно сравнивавшиеся Ф. Миклошичем, ср., однако, лит. *kùika*, *kuĩkė* то же, др.-прусск. *kaikan* (*paustocaican* 'дикая лошадь'), *kaywe* 'кобыла', лит. *kẽvė* 'кляча', которые говорят о том, что *kuĩnas* — всего лишь словообразовательный вариант в ряду прочих чисто литовских форм[109]. Во-вторых, слав. *komonь*, *kobyla*: лит. *kumẽlė* 'кобыла'. Литовское название кобылы, так напоминающее по виду слав. *kobyla* и тождественное ему по значению, однако, вместе с лит. *kumelỹs*, лтш. *kumel'š* 'жеребенок', вероятно, родственно др.-инд. *kumār* 'юноша' < **kumēl-*[110]. Нечто аналогичное представляют собой отношения слав. *konь* и *komonь*. И то и другое слово обозначает лошадь, однако пристальное наблюдение позволяет сделать вывод, что каждое из этих двух слов имеет свое значение и живет своей особой жизнью. Слав. *konь* — основной технический термин 'конь-самец', 'кастрированный самец', а также 'конь' вообще. В отличие от слова *konь* слав. *komonь* никогда не употребляется в качестве половой характеристики, вообще выступает в ином значе-

1931, стр. 407 и след.; J. Charpentier. Zur arischen Wortkunde. — KZ, Bd. 40, 1906, стр. 435; M. Vasmer. REW. Bd. 1, стр. 609—610; E. Gottlieb. A systematic..., стр. 35). Некоторые, наконец, склонны видеть в *konь*, *komonь* заимствование из доиндоевропейских языков или довольствуются признанием его неясного характера.

[109] Ничего общего не имеет лит. *kuĩnas* с сев.-укр. диал. *куїнь*, *куєнь* (< *конь*), вопреки Я. Эндзелину (ЖМНП, 1910, июль, стр. 197). О литовских словах. См: К. Буга. Baltica. — РФВ, т. 65, 66, 1911, стр. 223 или K. B. Rinktiniai raštai, t. I. Vilnius, 1958, стр. 296—297.

[110] См.: M. Vasmer. REW. Bd. 1. стр. 609—610; A. Augstkalns. Baltische Miszellen 1. „Studi baltici", v. 4. Roma, 1934—1935, стр. 63—65.

ний, ср. др.-русск. *комонь* 'боевой конь'. Такими семантическими деталями никогда не следует пренебрегать при этимологии. В данном случае они подтверждают, например, точку зрения К. Мошинского, который разделял *konь* и *komonь*, объясняя второе как родственное др.-инд. *camaráḥ* 'Bos grunniens', норв. *humre* 'тихо ржать', нем. диал. (шваб.) *Hummel* 'название быка'[111], сюда же от общей основы **kom-*/**kim-* русск. *комáр*, слав. *čьmelь*, русск. *шмель*. Эта этимология вполне соответствует значению слова *komonь*, описательного названия, лишенного половой характеристики. 'Ржущий (конь)' — таково было древнее значение *komonь*, удобное для названия боевого коня. Слав. *konь*, возможно, повлияло на его оформление, результатом чего явилась форма *komonь*, „Reimwort“ к *konь*. Таким образом, очень рано была заложена предпосылка для их сближения, основательно смутившего многих этимологов, хотя первоначально это были две разные, этимологически не родственные основы.

После того как была предпринята попытка определить отношения слав. *komonь* и *konь*, обратимся к этимологии этого последнего. Может быть, слав. *konь* продолжает **kopn̥io-* < **kap-n-*, название самца, родственное и.-е. **k̂apro-* 'самец', ср. лат. *caper*, нем. *Haber-geiß* 'козел', греч. κάπρος 'кабан', 'козел' и далее — др.-инд. *kápṛt* 'membrum virile'[112]. Все говорит как будто в пользу того, что слав. *konь* генетически и по преимущественному употреблению является названием самца. Со значением 'кобыла' известно только производное слав. *konjica*, в общем довольно эфемерное образование, реконструируемое на основании венг. *kanca* 'кобыла', чеш. диал. (моравск.) *konica*, *konice*, ср. ст.-укр. *коница* в Лексиконе Памвы Берынды: *Ксанѳíппа*, *рыжая кóница*[113].

---

111 См.: K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, стр. 238.

112 Об и.-е. **kapro-*, др.-инд. kápṛt см.: E. Gottlieb. A systematic..., стр. 17; M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. I. Heidelberg, 1956, стр. 157.

113 См.: I. Kniezsa. A magyar nyelv szláv jövevényszavai, I. kötet, 1. rész. Budapest, 1955, стр. 247; см. также мою статью „Лингвистическая география и этимологические исследования“. — ВЯ, 1959, № 1, стр. 27.

Для объединения слав. *kobyla* с *konь* нет никаких оснований, точно так же, как и для реконструкций древней основы и.-е. **kabōn*, слав. **koby*. Слово *kobyla* известно во всех славянских языках: ст.-слав. кобыла ἵππος, др.-русск. *кобыла*, русск. *кобы́ла*, диал. (колымск.) *кобула*, укр. *коби́ла*, *коби́ли́ця*, блр. *кабы́ла*, польск. *kobyła*, кашуб. *kœbéła*, словин. *kŭobălă*, полаб. *ťübălə*, н.-луж. *kobyła*, *kobuła*, в.-луж. *kobła*, чеш. *kobyla*, слвц. *kobyla*, *kobola*, *kobula*, словен. *kobíla*, сербохорв. *ко̀била*, болг. *коби́ла*. В слове *kobyla* мы имеем, по всей вероятности, заимствование. Его общеславянское распространение показывает, что в славянский это слово проникло давно. Тем не менее анализировать слав. *kobyla* с точки зрения славянского словообразования, как поступает М. Фасмер, сравнивая *koby-la* и *mogy-la*, не дают возможности очевидно близкие неславянские формы лат. (галльск.) *caballus* 'лошадь', греч. (Гесихий) *καβάλλης*. Существующая между ними близость не может быть объяснена как происхождение родственных слов из общей праформы. Все это, по-видимому, заимствования из какого-то общего источника. В качестве культурного заимствования названное слово распространилось очень широко в Европе, однако оно не является исконным ни для одного из местных индоевропейских языков. Следует отметить, что большинство относящихся сюда слов трактуется древними авторами как глоссовые, нуждающиеся в переводе, толковании: *cabonem*... quem nos caballum dicimus (*caballus* распространено, в свою очередь, в галльских диалектах, наряду с *epo-* *(para-) veredus*, *mannus*, *marcus*); καβάλλης ἐργάτης ἵππος. Сходство лат. *caballus* и греч. καβάλλης слишком „разительно", чтобы объясняться результатом закономерного фонетического развития, которое достаточно резко отличает латинский и греческий языки друг от друга.

Затрудняясь пока в определении и локализации первоисточника, мы тем не менее вынуждены предположить заимствование в индоевропейские языки Европы через посредство Малой Азии из какого-то азиатского языка, ср. тюрк. *käväl(at)* 'быстрая (лошадь)' у Махмуда Кашгарского (XI в.), перс. *kaval* то же. Не случайно также сходство с фин. *hevonen*, диал. *hepo* 'лошадь, кобыла', карельск. *hebo*, *hebońe*, эст. *hobu*, *hobo*, *ho-*

bune то же, заимствованными из какого-то азиатского источника независимо от индоевропейских слов[114].

Название жеребенка представлено в слав. **žerbę*, *-ęte*: ст.-слав. жрѣбѧ πῶλος, др.-русск. *жеребѧ*, *жеребьць*, *жеребь*, русск. *жеребенок*, укр. *жереб'я́*, род. ед. *жереб'я́ти*, блр. *жарабя́*, польск. *źrebię*, диал. *zgrzebię*, кашуб. *zgřebčą*, *gřebją*, словин. *zdřêbją*, н.-луж. *žrěb'e*, в.-луж. *žrěbjo*, полаб. *zríbą*, чеш. *hříbě*, слвц. *žriebä*, словен. *žrebè*, сербохорв. *ждрѐбе*, болг. *жребé*. Слав. **žerbę*, нормальное образование с суффиксом *-ent-*, обычное для славянских названий молодых животных, продолжает древнее название чрева, утробы и.-е. **gerbh-*/**gᵘerbh-*/**gᵘrebh-*, ср. греч. βρέφος 'плод во чреве, 'детеныш', др.-инд. *gárbha-* 'чрево, плод', авест. *garəva-* то же[115]. Правильное образование со значением 'беременная (кобыла)' русск. *жеребая*, *сужеребая* (ср. польск. *źrebna*, н.-луж. *sužřebna* < **žerbьna* то же) сблизилось с рус-

---

[114] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 583; E. Berneker. SEW, Bd. 1, стр. 535; О. Гуйер. Введение в историю чешского языка. М., 1953, стр. 106—107; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 397. — Объяснение из **(s)kab-*/**(s)kap-* 'кастрировать' (С. Младенов. — ЕР, стр. 243) и из **kob-*/**kib-* 'выпуклое, круглое' (K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego, стр. 226) неправдоподобно, как и этимология И. Левенталя („Zur baltisch-slavischen Wortkunde". — AfslPh, Bd. 37, 1920, стр. 378). См. далее: J. Whatmough. Hi omnes lingua inter se differunt. „Orbis", t. 1. Louvain, 1952, стр. 431; A. Nehring. Die Wortsippe von griech. χαβάλλης. „Die Sprache", Bd. 1. Wien, 1949, стр. 164 и след. — Эрну (A. Ernout. Aspects du vocabulaire latin. Paris, 1954, стр. 53) считает *caballus* заимствованием из лидийского языка; A. J. Van Windekens. — KZ 76, 1959, стр. 79. См. также: A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891, стр. 277—278; Y. H. Toivonen. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I. Helsinki, 1955, стр. 69. — Мне остались недоступны работы: H. Grégoire. L'étymologie de caballus ou de l'utilité du grec moderne. „Récueil publié en l'honneur du bimillénaire d'Horace", стр. 8 и след.; его же. L'étymologie de caballus. „Travaux de la Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Bruxelles", VII, 1937, стр. 81 и след.

[115] См.: M. Vasmer. — REW, Bd. 1, стр. 420; H. Chr. Sørensen. Die sogenannte Liquidametathese im Slavischen. „Acta linguistica", vol. 7. Copenhague, 1952, стр. 59; V. Machek. Etymologický slovník. . . , стр. 148; о чеш. *hříbě* см. также: Г. А. Ильинский. К вопросу о переходе ž в h в чешском языке. „Slavia", roč. 8, 1929—1930, стр. 50 и след.

ским продолжением праслав. **berdjā*, повлияв на значение последнего (ср. русск. диал. *берёжая*, *суберёжая* 'жеребая'), в то время как в других славянских языках лучше сохранилось широкое значение этого древнего производного от и.-е. **bher-* 'носить, вынашивать (во чреве)', а именно 'беременная' (о скоте вообще): русск.-црк.-слав. *брѣжда*, чеш. *březí*, словен. *bréja* (об овцах), сербохорв. *брѐђа* (также о человеке). Влиянию значения русск. *жерёбая* на русск. *берёжая* благоприятствовала вторичная фонетическая близость этих различных по происхождению слов.

Остальные названия лошади ограничены пределами одного или нескольких славянских языков и весьма пестры по составу; большая часть их заимствована из других языков, некоторые представляют собой поздние новообразования.

Русск. *лóшадь*, широко распространенное в южновеликорусских и средневеликорусских диалектах, образует как бы клин между северновеликорусской, белорусской и украинской территориями, где преобладают в общей функции формы от слав. *konь*. Несколько шире известен тип *лошá* ср. р. 'жеребенок', ср. укр. *лошá*, *лошáти*, польск. *łoszę*, *łoszęcia* то же. В основе этих слов лежит тюрк. *(a)laša* 'лошадь, мерин', значительно преобразованное под влиянием местных морфологических категорий, например названий молодых животных на *-ęt-*. От *лоша* образованы прочие русские формы: *лошáк* и *лошадь* (с XII в.), ср. русск.-црк.-слав. *ослѣдь* 'дикий осел'[116]. В диалектах обнаруживаются варианты *лошадь* м. р. (*харошаво лошадю. . .* — смоленск,), *лошáдь* (смоленск.), *лашáга* 'двухлетняя лошадь' (Пушкинск. р-н Псковск. окр.).

Этим исчерпываются наиболее широко употребляемые названия в славянских языках. Прочие названия фигурируют, как правило, с самого начала как второстепенные, с относительно узкой сферой употребления, хотя при этом нельзя не отметить экспансивности отдельных форм. Неясно происхождение русск.-црк.-слав. *орь*, русск. диал. (рязанск., уральск.) *орь* 'лошадь, жеребец', сюда же

---

116 См: М. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 63—64, с подробной библиографией.

др.-чеш. *oř* 'конь', др.-польск. *(h)orz*[117], а также укр. диал. (гуцульск.) *wór* 'жеребец'[118].

От старой глагольной основы слав. **kl'us-*/**klus-* < **kleup-s-*/**kloup-s-* (лит. *klaũptis*, *klúpoti* 'преклонять колени', гот. *hlaupan*, нем. *laufen* 'бежать') происходит слово, выступающее также и в качестве названия лошади, но со следами первоначального более широкого значения: ст.-слав. клюсѧ, -ѧте ὑποζύγιον, ἄλογον, ὄνος, ζῷον, др.-русск. *клюсѧ* 'жеребенок' (ср. русское крестьянское прозвище *Клюс*)[119], др.-польск. *klusię* 'лошадь', польск. *kłus* 'рысь', *kłusować* 'бежать рысью', словин. *klûsą* 'лошадь', в.-луж. *klusak* 'иноходец', др.-чеш. *klusák* 'конь, рысак', *klusati* 'бежать рысью', *kl'usě* 'жеребенок, вьючная скотина', *kl'usice*, *kl'usna* 'кобыла', чеш. *klisna* 'кобыла'. словен. *kljúsa* 'кляча', *kljusáč* 'иноходец', *kljúse*, *-eta* 'кляча', сербохорв. *кљу̑се* 'лошадь', болг. *клюсе* 'жеребенок', *клюса* 'кляча'. Сюда же, с другой ступенью вокализма и без расширителя *-s-*, русск. диал. (зап.) *клыпа́ть* 'хромать', близко родственное приведенным выше литовским словам[120].

Др.-русское *кляча*, русск., укр. *кля́ча*, откуда польск. *klacz*, *klacza*, происходит из **klękja* от **klen-* 'гнуть, кривой, гнутый' (также о куске дерева) с формантом *-k-*[121] (ср. польск. *klępa*, укр. диал. *кля́па* 'коровенка' с другим формантом). Однако русск. диал. (курск., обоянск.) *кляту́ра* 'изнуренная, дурная лошадь, кляча'[122], возможно,

---

117 См.: M. Vasmer REW, Bd. 2, стр. 279; V. Machek. Etymologický slovník. . ., стр. 341; A. Brückner. SEJP, стр. 382.

118 См. R. W. Harasymczuk — W. Tabor. Etnografia połonin huculskich. „Lud", t. 35. Lwów, 1937, стр. 133 и след.

119 См.: М. Герасимов. Прозвища крестьян южной части Череповецкого уезда. ЖС, 1899, вып. 3—4, стр. 399.

120 См.: G. Iljinskij. Der Reflex des indogermanischen Diphthongs ĕu im Urslavischen. — AfslPh, Bd. 29, 1907, стр. 491; M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 574, 575—576; L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955, стр. 250; V. Machek. Etymologický slovník. . ., стр. 205; A. Brückner.SEJP, стр. 238.

121 См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 577—578. — Мнение о заимствовании слова кляча из тюрк. yqyłač 'породистый конь' (только у Махмуда Кашгарского) не обосновано (K. H. Menges. Slavo-altajische Wortforschungen. „Festschrift für D. Čyževśkyj", Berlin, 1954, стр. 189).

122 См.: „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря". СПб., 1858, стр. 82.

связано с польск. *kreatura* 'создание, тварь', которое могло затем сблизиться по народной этимологии с *кляча* или с *клятый*, *клясть*.

Интересно русск. диал. (южн., зап.) *шкáпа* 'кляча', укр. *шкáпа*, блр. *шкáпа* то же, польск. *szkapa*, чеш. *škapa* 'кляча', кашуб. *škapa* 'лошадь (без презрительного оттенка значения)'. Наименее ясно др.-русск. *шкабатъ* 'лошадь' в Псковской I летописи, а также русск. диал. *шкáба* 'кляча' (смоленск.). Остальные формы очень удовлетворительно объяснил В. Махек из **skapa* от *skopiti* 'кастрировать, оскоплять', т. е. с первоначальным значением 'кастрат' — о крупном, сильном, но не очень подвижном животном, поскольку кастрация вообще ускоряет рост и повышает рабочие качества скота; затем легко могло развиться значение 'неповоротливая скотина', чему сопутствовало и экспрессивное изменение *sk* > *šk*, ср. чеш. диал. *škára*, русск. *шкýра*, укр. *шкíр(к)а*, н.-луж. *škora* — от слав. *skora*[123].

Довольно широко распространены заимствованные, вероятно, в разное время из одного и того же источника — тюрк. (тур.) *at* 'лошадь, конь', укр. *гачýр* 'жеребец', *гачýра* 'трехлетняя кобыла' (с дополнительным формантом), диал. *гача* 'лошадь', слвц. *hača*, *hače*, *hačurek*, *háčko*, *háše* 'жеребенок, жеребец', сюда же, наверное, польск. *chetka*, *hetka* 'кляча', наконец серб. диал. *хат* 'породистый жеребец', также *ȁт*, болг. *ат*, уменьш. *àтче* 'конь, жеребец'.

В словен. *mánih* 'мерин' (ср. еще укр. диал. *ман'éк* 'торба для годівлі коней')[124], возможно, сохранились реликты важного древнего названия проблематичного происхождения. Его отражения в лат. диал. *mannus* 'маленькая лошадка' из **mandus*, мессап. (Juppiter) *Menzanas* 'Лошадиный (Юпитер)', фрак. Μεζηναι, а также в алб. *mëz*, *mâz* 'жеребенок', рум. *mînz* 'жеребец', далее, нем. диал. (тирольск.) *Menz* 'яловая корова' позволяют с большой степенью вероятности восстановить источ-

---

[123] См.: V. Machek. Etymologický slovník. . ., стр. 501. — Прочие, устаревшие этимологии см.: M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 405.

[124] См.: П. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, стр. 247.

ник — иллирийск. *manza из *mandia/*mendia [125]. Сюда же можно, по-видимому, отнести венг. *mén* 'жеребец', др.-венг. *menu* [126], происхождение которого еще не выяснено [127]. В таком случае слово *mén* пополнит (пока еще очень скудное) число идентифицированных элементов иллирийского субстрата, усвоенных венгерским языком в Дунайской котловине.

Прочие названия: др.-русск. *аргамакъ*, русск. *аргама́к* 'конь', как и польск. *rumak* 'породистый скакун' заимствовано из тюркских, ср. казанско-тат. *arγamak*, тур. *arġymak* [128]; др.-русск. *скокъ* 'скакун', русск. *скаку́н*, ср. также полаб. *skocąikə* 'жеребец-производитель' представляют собой совершенно прозрачные самостоятельные образования от общей глагольной основы слав. *skok-*, *skakati*, русск. *скакать*; др.-русск. *бахматъ* 'лошадь' (XVI—XVII вв.), русск., укр. диал. *бахма́т*, *бахме́т* 'маленькая, крепкая лошадка', польск. *bachmat* представляет собой вариант мусульманского имени собственного тур. *Mähmäd*, *Mähmät*, ср. др.-русск. *Бохмитъ* с обычной меной *m/b*, сюда же — местное название *Бахмут* и рум. *bahmet* 'буджакская лошадь' [129]; русск. *битю́г* 'сильная

[125] См.: A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl.. Heidelberg, 1910, стр. 462; A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, 3e éd., t. II. Paris, 1951, стр. 684; N. Jokl. Albanier. — В кн.: M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte Bd. I. Leipzig, 1924, стр. 87; O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, herausg. von A. Nehring, Bd. II. Berlin u. Leipzig, 1929, стр. 170; A. Ernout. Aspects du vocabulaire latin. Paris, 1954, стр. 53; W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, стр. 150; H. Krahe. Baltico-Illyrica. — „Festschrift für M. Vasmer". Wiesbaden, 1956, стр. 250; E. P. Hamp. Albanian and Messapic. „Studies presented to Joshua Whatmough". 's-Gravenhage, 1957, стр. 79; W. Cimochowski. De l'origine de la langue albanaise. „Buletin i Universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqerore", 1958, № 2, стр. 53; В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, стр. 127.

[126] См.: G. Szarvas és Zs. Simonyi. Magyar nyelvtörténeti szótár, II, kötet. Budapest, 1891, столб. 738.

[127] См.: G. Bárczi. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941, стр. 202.

[128] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 22—23.

[129] См.: K. H. Menges. Slavo-altajische Wortforschungen. „Festschrift für D. Čyževśkyj". Berlin, 1954, стр. 187 и след. — От собственного имени *Бахмат* 'Магомет, Махмуд', несомненно, происходит и местное название *Бахмач*, город на Украине (собственно,

ломовая лошадь' объясняют двояко — от названия реки Битюг, левого притока Дона, или как тюркское заимствование[130]; русск. диал. *барóнка*, *борóнка* 'лошадь по третьему году, когда ее запрягают в борону', сюда же *борноволок* 'лошадь двух лет' из *бороноволок*, ср. польск. *bronowłoka* м. р. то же; диал. (моздокск., донск.) *маштáк* 'мерин, маленький толстенький конь'; диал. (олонецк., рязанск.) *одёр*, *óдрань* 'дрянная, ленивая лошадь' — от *драть*, ср. в семантическом отношении нем. *Schindmähre* 'кляча': *schinden* 'сдирать шкуру'; диал. (олонецк., рязанск.) *лончáк*, *лоньчáк* 'годовалый жеребенок' от диал. *лонú* (с.-в.-р.) 'в прошлом году' (ср. слвц. диал. (липтовск.) *lanštiak* 'годовалый баран': слвц. *lani* 'в прошлом году'), отсюда в результате контаминации с *лош-* (*лошадь*) — диал. *лошня́к* 'годовалый жеребенок'; диал. *сосýн* 'жеребенок'; диал. (олонецк.) *молодя́жка* 'жеребенок' — местное образование от *молод*, *молодой*, ср. др.-прусск. *maldian* 'жеребенок', аналогичное образование от родственной основы; диал. (сиб.) *черпел* 'жеребенок по второму-третьему году до кладева'; диал. *шúнька*, *шéнька* 'лошадка, жеребенок'[131]; диал. *сколудúна* 'старая, негодная лошадь'; диал. *прсьóнка* 'лошадка', очевидно, из подзывания; диал. (олонецк.) *вáржа* 'жеребенок' заимствовано из карельск. *varža* то же[132]. Общерусское название холощеного жеребца *мéрин*, укр. *мéрин*, др.-русск. *меринъ* (с 1500 г.) заимствовано из монг. *mörin*, *morin*, калм. *mörn̥* 'лошадь'[133]. Польск. *mierzyn* 'ломовая лошадь' (с 1617 г.) заимствовано, в свою очередь, из русского языка.

Ст.-укр. *бербига* 'лошадь, кляча'[134]; укр. диал. *нýтер*

Бахматъ + *jь* > *Бахмачь* 'Бахматов, Магометов', ср. др.-русск. *бохмичь*), которое не приводилось К. Г. Менгесом.

130 См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 88; K. H. Menges. Slavo-altajische Wortforschungen, стр. 189.

131 Ср. олонецк. *шинь* — окрик, подгоняющий лошадей, а также удмурт. *t́śuńi* 'жеребенок' (M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 400).

132 См.: J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 84; M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 170.

133 См.: M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 121.

134 См.: Е. Тимченко. Історичний словник українського язика, т. I. Київ—Харків, 1930, стр. 83.

'плохо кастрированный жеребец', ср. русск. диал. *нутрец*, чеш. диал. (моравск.) *fňutr*, польск. диал. *wnęter* 'плохо кастрированный жеребец', ср. болг. диал. (разложск.) *ватрáк* 'наполовину оскопленный вол или другое домашнее животное', а также лит. *iñtris* 'кастрированный жеребец'[135]; диал. (одесск.) *гармасáр* 'жеребец' < молд. *хэрмэсáр*, рум. *armasár*; диал. *гýчик*, *гýча* 'жеребенок-сосунок'.

Польск. *chabeta*, также диал. *chaba* 'кляча'[136]; *świerzopa* 'кобыла', *świerzepa* (с XV в.), откуда заимствовано др.-прусск. *sweriapis* 'жеребец', ср. далее др.-чеш. *svěřěpec* 'племенной жеребец', *svěřěpicě* 'племенная кобыла', слвц. *sverepka* 'крепкая маленькая лошадка' — от праслав. *sverěpъ* с первоначальным значением 'дикий, дикорастущий' из местоименной основы *sve-* и *rěp-* 'цепляться, хвататься', ср. русск. *репéй*[137]; перенос этого слова на лошадь ограничен названными западнославянскими языками; *wałach* 'мерин' — от названия валахов, бродячих пастухов-румын в районе Карпат, занимавшихся также кастрированием животных[138]; *ogier* 'жеребец', ср. русск. диал. *огéр*, болг. *айгъ́р*, серб. *аjгир* то же, заимствовано из тюркских языков; *bedewia*, ср. слвц. *bedelija* 'кобыла' < тур. *bedevi at* 'бедуинский, арабский конь'[139]; *cwałek* 'маленькая, но быстрая лошадка' от *cwał* 'рысь', *cwałować* 'скакать галопом'; диал. *kiziak*, *kiziaczek*, *kiźlak* 'жеребенок', ср. подзывание лошади *kiś*, *kiś!*, *kizia*, *kizia!*, *ksio*, *ksio!*[140]; диал. *gerlak*, *jarlik*, *jarlak* 'жеребенок' < нем. *Jährling* 'годовалый'[141]; *drygant* 'конь-жеребец', *dybionko*, *gleniak*, *hyska*, кашуб. *hiska*

---

135 См.: K. Būga. Kalba ir senovė, I. Kaunas, 1922, стр. 268.

136 Сопоставления см.: F. Sławski. Słownik etymologiczny, t. I, стр. 58.

137 См.: V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 488; иначе — A. Brückner. SEJP, стр. 536—537; очень гадательно — M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 594. — Местоименная основа *sve-* выступает, кроме слав. *sverěpъ* 'дикорастущий', в аналогичном сложении *svepetъ* 'рой диких пчел', первоначально, вероятно, 'дико, сам по себе летающий' (*sve-petъ*) (иначе — M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 588—589).

138 См.: A. Brückner. SEJP, стр. 600.

139 См. там же, стр. 19.

140 См.: H. Horodyska. Słownictwo Warmii i Mazur. Hodowla. Wrocław, 1958, стр. 34—35, 47.

141 См. там же.

'лошадка', *kuc*, *měra*, кашуб. *mera* 'кляча' < нем. *Mähre* то же, *inst* 'жеребец' < нем. *Hengst* то же, *kraga* 'кляча', кашуб. *raga* < нем. *Ragge*, *stadnik* 'жеребец' от *stado*, *stępak*, *strzyżniak* 'годовалый жеребенок', ср. русск. *стрижáк*, *стригýн*, *szczawręga*, *sztabręga* 'кляча', *zaparta* 'старая лошадь'[142]; кашуб. *vérga* 'кляча', ср. польск. *wierzgać* 'ржать'; словин. *prãs* 'жеребец', *prûsą* 'жеребенок'.

В.-луж. *klepc* 'кладеный жеребец', ср. чеш. *klepec* 'плохо, наполовину кастрированный жеребец'[143]; слвц. *kolek*, *kolík* 'жеребенок', *mazga* 'конь, кобыла', возможно связанное с названиями мула, распространенными на Балканском полуострове: сербохорв. *мазга*, ст.-слав. мьзгъ и др.; словен. *celák*, *célec* 'жеребец' от *cêl* 'целый', т. е. 'некастрированный'; *harè*, *-ẹ́ta* 'лошадь, кляча', *klệvsa* 'кляча'; *pastúh* 'жеребец', ср. серб. *пàстŷх* то же, болг. *пастýх* 'некладеный жеребец' — типичный южнославянский термин, основанный на скотоводческой фразеологии: (сербохорв.) пастух скаче на кобилу или jу опасе; (болг.) *препáсуе* — о случке лошадей; *кобúла се пасé*, *распáсла се е*[144].

Серб. *парип* 'мерин' < греч. παρίππος, хорв. *bȕīn* 'большая извозчичья лошадь', серб. *рага*, *курада*, *дртина*, *кљуверина* 'плохая лошадь, кляча', *омак* 'жеребенок старше года', также болг. *омáк* 'жеребенок от одного до трех лет'; *дорат*, *крхат*, *ђогат*, *алат* 'породистый конь'.

Болг. диал. *úдица* 'кобыла', *идúч* 'мерин', *кáтана* 'крупная лошадь', сравниваемое с венг. *katona* 'солдат, воин', т. е. первоначально 'боевой конь'[145], *крáнта* 'кляча', *грáсния*, *грасня́* 'кобыла, кляча' < цыганск. *grasni*[146], *скопáк* 'мерин'.

---

[142] Большинство названий см.: E. Majewski. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich. . . od XV wieku aż do chwili obecnej, t. 1. Warszawa, 1890.

[143] См.: V. Machek. Etymologický slovník. . . , стр. 203.

[144] См.: И. Бояджиева. Кюстендилските полчани и техният говор. „Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София", кн. 7, 1931, стр. 326; И. П. Кепов. Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко. — СбНУ, кн. 42, 1936, стр. 175 и след.; см. также СбНУ, кн. 48, 1954, стр. 551 („Народописни материали от Разложко"); F. Kurelec. Imena vlastita i splošna domaćih životin u Hrvatov a ponekle i Srbalj. Zagreb, 1867, стр. 9.

[145] См.: С. Младенов. ЕР, стр. 233.

[146] См. там же, стр. 109.

Славянская номенклатура свиньи имеет прочные связи с индоевропейскими названиями. Это относится прежде всего к двум основным названиям слав. **sviňja* и **porsę*, имеющим общеславянское распространение.

Ст.-слав. **свинья** χοῖρος, др.-русск. *свиния*, русск. *свинья́*, укр. *свиня́*, блр. *свіння́*, польск. *świnia*, кашуб. *sviňa*, словин. *svjȋňă*, в.-луж. *swinja*, н.-луж. *swiňa*, полаб. *svéiňa*, чеш. *sviňe*, слвц. *sviňa*, словен. *svínja*, сербохорв. *сви̏ња*, болг. *свиня́*.

Црк.-слав. *прасѧ*, *-ѧте*, др.-русск. *поросѧ*, русск. *поросенок*, стар. диал. *порося́*, укр. *порося́*, *-я́ти*, блр. *парася̑*, польск. *prosię*, *-ęcia*, кашуб. *parsą*, *prosą*, словин. *pā̃rsą*, н.-луж. *prose*, в.-луж. *proso*, полаб. *porsą*, чеш. *'prase*, слвц. *prasa*, словен. *prasè*, род. ед. *praséta*, сербохорв. *пра̑се*, род. ед. *пра̏сета*, болг. *прасе́*, диал. (ольшанск.) *прашче́*.

Слав. **sviňja* является в полном смысле слова общим термином, обозначавшим, по-видимому, как домашних, так и диких животных обоего пола, ср. др.-русск. *бити свиньи* 'охотиться на кабанов'[147]; вместе с тем это название удобно для обозначения самок. Но главной его особенностью, сохраненной, вероятно, от более древнего времени, является то, что слово *sviňja* всюду значит 'взрослая свинья'. Производные и значения типа словин. *svȋňą* 'поросенок', очевидно, вторичного, позднего происхождения. Столь же последовательно слав. **porsę* употребляется в значении 'детеныш свиньи, поросенок', в то время как отклонения вроде болг. *прасе́* 'свинья' являются вторичными местными семантическими инновациями.

Слав. *sviňja* восходит, в конечном счете, к и.-е. **sū-* (**sūs*)/**suu̯-*, ср. лат. *sūs*, греч. ὗς, а также σῦς, др.-в.-нем. *sū*, нем. *Sau*, авест. *hū-*, алб. *thi*, тохар. B *suwo* 'свинья', ср. также др.-инд. *sūkarás* 'свинья'. Непосредственно примыкает слав. *sviňja* к расширениям на *-n-*, первоначально, вероятно, адъективного характера: гот. *swein* 'свинья', нем. *Schwein*, лтш. *suvę̃ns*, *sivę̃ns* 'поросенок', а также, возможно, хетт. иероглифич.

---

147 См.: Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стр. 28.

suwana-. Однако в своей полной форме слав. *svinьja* представляется сугубо славянской инновацией не совсем ясного морфологического характера: и.-е. *$s\underset{\smile}{u}\bar{\imath}nos$, слав. **svinъ*, ср. русск. *свиной* + суффикс *-ьja*.

И.-е. **sū-s* трудно поддается этимологизации. Из существующих толкований лучше всего, пожалуй, выдержала экзамен этимология названия свиньи от звукоподражания *su*, передающего крик животного. В этом смысле, быть может, допустимо говорить о сходстве и.-е. **sū-* и др.-кит. **ču* 'свинья, боров'; заимствованию и.-е. **sū-* < др.-кит. **ču*, которое предполагал Е. А. Поливанов, противоречит китайская праформа **tĭo*, хронологически наиболее близкая к эпохе существования и.-е. **sū-s*. Сближению **sū-s* 'свинья' и **sū-* 'рождать' (ср. и.-е. **sūnus*, слав. *synъ* 'сын') препятствует, в свою очередь общий, а не женский характер **sūs*[148]. Слав. **porsę* 'поросенок' восходит к и.-е. **porkos*, которое, как это можно сейчас считать доказанным, тоже исконно являлось обозначением детеныша свиньи, поросенка. Сюда относятся лит. *paršas* 'поросенок', др.-прусск. *parstian* 'поросенок', лат. *porcus* 'поросенок' (а не 'домашняя свинья'), др.-в.-нем. *far(a)h*, нем. *Ferkel* 'поросенок', ирл. *orc* 'поросенок', иран. (хотан.) *pāsa* 'свинья'. Таким образом, и.-е. **sūs* — **porkos* представляли собой пару соотнесенных возрастных названий 'взрослая свинья' — 'поросенок'. Тезис об исконности значения и.-е. **porkos* 'домашняя свинья' при **sūs* 'дикая свинья' одновременно с тезисом о западноиндоевропейском распространении

---

148 См.: D. Boranić. Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. Zagreb, 1909, стр. 73; E. Schwentner. Tocharische Tiernamen. 1. Toch. B *suwo* 'Schwein'. — IF, Bd. 63, 1958, стр. 165 и след.; A. J. Van Windekens. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941, стр. 117; E. Gottlieb. A systematic..., стр. 11. M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 593; E. A. Polivanov. A propos d'un mot indo-européen de provenance chinoise: **(t)sūs* < ancien chinois **ču* 'cochon'. — AO, vol. 9, 1937, стр. 405—406; E. Benveniste. Noms d'animaux en indoeuropéen. — BSL, t. 45, 1949, стр. 90. — Маловероятно сближение **sūs* с гот. *bi-sauljan* 'марать' (F. Specht. Der Ursprung...), а также гипотеза о заимствовании из финно-угорск. **ƥuvo* (фин. *sika*, род. ед. *sian*, морд. *tuwo*) 'свинья' (A. Nehring. Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat. „Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik“, Jg. IV. Wien, 1935, стр. 112 и след.).

**porkos* опровергнут уточнениями в истории значений **porkos* по языкам, а также находкой слова *pāsa* 'свинья' < **parsa-* в иранском словаре. Решающее значение для этих коррективов имеет замечательная этимология Э. Бенвениста: **porko-* из **perk-*, название цвета, ср. греч. πέρκος, др.-инд. *pr̥śni-* 'пятнистый'. „Известно, что у поросят дикой свиньи при рождении и примерно до шестимесячного возраста шкура покрыта черными и белыми пятнами и полосами". Значит, **porko-* оформилось как название для поросенка. Всюду на индоевропейской территории **sūs*, **porkos* служили названиями диких свиней вообще, и лишь с появлением свиноводства стали возможны вторичные сдвиги[148a].

Славянский знает только производное **pors-ent-*, аналогического происхождения в отличие, например, от **telen-t-*, где есть какие-то основания допускать следы более древних отношений конца основы (: **telь-сь*, лит. *teli-as* и др.). Прочие славянские глагольные и именные производные от **porsę* совершенно прозрачны и аналогичны другим подобным образованиям от названий домашних животных. Замечание вызывают формы русск. диал. *прося́та, прасу́к, просу́к*, которые, однако, вряд ли являются церковнославянскими элементами (*прас-*), проникшими в русскую народную речь, как думал Л. П. Якубинский, и могут быть объяснены полной редукцией второго предударного гласного (*поросятки*) в соседстве с сонорным[149]. Этому не противоречит диал. *пра́ська*, по-видимому, вторично полученное из *прася́тки*, *прасу́к*. Диал. (рязанск.) *парсу́к, парсю́к* 'боров, легченый кабан', приводимое В. И. Далем, стоит обособленно, но здесь

[148a] См.: E. Benveniste. Noms d'animaux en indo-européen, стр. 77, 85 и след., 90; F. Specht. Der Ursprung. . ., стр. 34—35; E. Gottlieb. A systematic. . . ., стр. 10, где проводится другая этимология — от **perk-* 'рыть'; см.: M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 409. — Остроумно, но маловероятно объяснение и.-е. **porkos* как слова с первоначальным значением 'животное огня', 'жертвенное животное' от и.-е. *pr̥/per*, греч. πῦρ 'огонь' и родств. (J. P. Rona. El culte indoeuropeo del fuego. Montevideo, 1957, стр. 14).

[149] См.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 116; см. также соответствующее примечание редактора П. С. Кузнецова.

тоже можно видеть несколько иначе осуществленную редукцию. В отличие от них, зап.-блр. *poršúk, paršúk* '(кастрированный, худой, плохо откормленный) поросенок', вероятно, заимствовано из литовского или вымершего ятвяжского языка [150]. Диал. (тамб.) *барсýк* 'боров' [151], по-видимому, возникло по причине контаминации *боров* и *барсук* в обычном значении.

При абсолютной важности мясного направления именно в свиноводстве понятна древность названий борова, кастрированного самца свиньи. Этим объясняется наличие соответствий, объединяющих, например, славянский и германский. Таким названием является слав. **borvъ*, претерпевшее в отдельных славянских языках важные семантические изменения: др.-русск. *боровъ* 'скотина породы овец и коз; кабан и баран холощеный', русск. *бóров* 'кастрированный кабан', также диал. 'кабан', 'вепрь', *боровчáк* 'годовалый теленок, выросток, бычок или яловка', польск. диал. *browek* 'откармливаемый кабан' [152], др.-чеш. *brav* 'скот, в частности мелкий скот', чеш. *brav* 'мелкий скот', диал. (моравск.) *brav, brávek* 'кастрированный кабан' [153], слвц. *brav, bravec* 'кабан, поросенок, кастрированный или некастрированный', болг. диал. *брав* 'баран', *бpáва* 'голова (единица счета скота)', например, *сто брáви овцú* 'сто голов овец', сербохорв. *бpâв* 'овцы', диал. 'кастрированный кабан', словен. *brâv* 'мелкий скот'.

Значение 'мелкий скот, овцы, козы' оформилось вторично, видимо, в результате потребности в собирательном термине вроде, **govędo* 'крупный рогатый скот'. Любопытно преобразование по народной этимологии макед., болг. диал. *прáвда* '(мелкий) скот' < *брав-та*, членная форма. Слав. **borvъ* 'кастрированное животное' продолжает **bor-u̯-*, расширенное и.-е. **bher-* 'резать', ср. эти-

---

150 См.: W. Kuraszkiewicz. Domniemany ślad Jadźwingów na Podlasiu. „Studia z filologii polskiej i słowiańskiej" I. Warszawa, 1955, стр. 344 и след.

151 См.: „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря". СПб., 1858, стр. 6.

152 См.: J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. 1. Kraków, стр. 121. — Ни Брюкнер, ни Славский не поместили этой формы в свои этимологические словари.

153 См.: F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 25.

мологически родственные и синонимичные др.-в.-нем. *barug*, *barh*, нем. *Borg*, *Borch*, др.-исл. *bǫrgr*, самостоятельно образованные от общей основы с суффиксом *-ko-*. Разумеется, о заимствовании слав. **borvъ* из германского говорить нет оснований[154].

В отличие от **borvъ* целиком славянским новообразованием является название кабана, представленное в таком множестве фонетико-морфологических вариантов, что реконструкция исходной праславянской формы, важная, в частности, и для этимологии, затруднительна: др.-русск. *кнорозъ* 'вепрь, кабан' (XV в.), русск. диал. *кнорос* 'некастрированный бык, вепрь' (смоленск.), укр. *кнóрос*, *кнóрус* 'кабан', сюда же укр. *кнур* 'боров', блр. *кнóрез* 'нутрец, животное, у которого по оскоплении остается одно ядро', *кнур, кныр* 'кабан', польск. *kiernoz*, *kiernos* 'кабан, боров', *kierda*, *kierdak*, *kiendra*, *kinder*, *kiender* то же, также *kiędroz*, *kiędróz*, кашуб. *knôrz*, род. ед. *knarza*, словин. *knårz*, н.-луж. *kjandroz*, в.-луж. *kundroz* 'кабан', слвц. *kurnaz* 'кабан', *kundrák* (1611 г.), из южнославянских ср. болг. *къ̆дрез*[155].

Из существующих этимологий следует отметить предложенную Э. Бернекером: слав. **kъrno-orzъ* 'с вырезанными яичками', ср. русск. *кóрный* (*корноухий* и проч.), *корнáть* и греч. ὄρχις 'ядро, яйцо'. Форма *кнур* является сокращением полного слова[156]. Слово **kъrnorzъ* представляется довольно древним образованием; гипотетическое **orzъ* 'ядро, яйцо', вероятно имеющееся в его составе, нигде больше не сохранилось в свободном виде в славянских языках. Довольно рано **kъrnorzъ* в отдель-

---

154 См.: E. Gottlieb. A systematic..., стр. 11; E. Berneker. SEW, Bd. I, стр. 75; M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 108—109; V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 41, с другой этимологией. — О германских названиях животных с суффиксом *-k-* см.: Margret Sperlbaum. Tiernamen mit k-Suffix in diachronischer und synchronischer Sicht. Giessen, 1957.

155 См.: Х. Вакарелски. Принос към диалектологическия речник на българите. „Известия на Народния етнографски музей в София", година XIII, 1939, стр. 216—217.

156 См.: E. Berneker. Slavische Wortdeutungen. „Jagić — Festschrift". Berlin, 1908, стр. 601; E. Berneker. — SEW, Bd. I, стр. 663 и след.; ср.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 580; иначе: M. Rudnicki. Sufiksy ze spółgłoską -g-. — SO, t. 10, 1931, стр. 281 и след.

ных диалектах стало сближаться с производными от слав. **rěz-*, ср. блр. *кнорез*, болг. *кѣдрез*. Случаи диссимиляции *r — r*, появления вставного *d* тоже умножили число вариантов слова. В некоторых языках преобладает другое название кабана: полаб. *nerésəc* < **nerězьcь*, сюда же серб. диал. *нерец*, болг. *нéрез*, *нéр(ес)*. Надо сказать, что это как раз те языки, где слабо представлено слав. **kъrnorzъ* (ср., однако, также русск. диал. *нéрезь* 'некладеный кабан' (Даль[2], т. II, стр. 534).

Самца свиньи (чаще дикой) обозначает слав. **veprь*, црк.-слав. *вепрь* ὗς, aper, др.-русск. *вепрь*, русск. *вепрь*, диал. *вéперь*, *вепрь* 'боров', *вéприк* 'кабан, боров' (олонец.), *веперь*, *вапéрь кормный*, *вепрючёк* 'боров?' (смоленск.), *вепрёнок* 'боров' (тобольск.), укр. *вéпер* 'вепрь, дикий кабан, кастрированный кабан'; блр. *вепéр* 'вепрь, кабан кормленый', *вяпрýк* 'кабан', польск. *wieprz* 'свинья, вепрь, боров', словин. *vjìepř* 'боров, кладеный кабан', н.-луж. *wjapś* 'боров, кабан'; в.-луж. *wjapŕ*, полаб. *víper*, чеш. *vepř* 'свинья, боров', слвц. *vepor*, *veper* то же, словен. *vệper* 'кабан', сербохорв. *вȅпар* 'боров', болг. *вéпър*, диал. *въпъ̀р* 'вепрь, кабан'. Развитие формы слав. *veprь* затемнено. Вполне возможна в этом слове еще в древности какая-то контаминация разных основ. Слав. *veprь* 'кабан, дикая свинья' сближается поэтому с разными группами слов: лтш. *vepris* 'боров', далее — др.-инд. *vápati* 'испускает (семя)', с другой стороны — лат. *aper*, др.-в.-нем. *ebur*, нем. *Eber* 'вепрь, кабан', наконец с др.-инд. *yábhati* 'futuere' и родственными[157].

Однородный семантический характер, определяемый спецификой свиноводства, носят производные от слав. **kr̥miti*: русск. диал. *коромнáк* 'боров, откармливаемый на убой' (со вторым полногласием *кором-*), серб. *кр́мак* 'кабан', *кр̀мача* 'свинья-самка', *кр̏ме*, род. ед. *кр̏мета* 'свинья', болг. *кърмáк*, также диал. *крѣвнак*, *крѣвняк* (с диссимиляцией *-мн-* > *-вн-*) 'боров', ср. др.-прусск. *nomaytis* 'боров', лит. *meĩtelis* 'боров': лит. *maitìnti* 'кормить'.

---

[157] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 183; С. Младенов. ЕР, стр. 63. — О протетическом *v-* (слав. *veprь*, лтш. *vepris*) под влиянием лит. *veršis*, лтш. *versis*, лат. *verres*, др.-инд. *vr̥ṣa-* см.: E. Gottlieb. A systematic..., стр. 10.

Несколько названий объединяются происхождением от названия клыка: болг. *глиган*, *глиг* 'кабан, вепрь' < *глиг* 'клык кабана, вепря', русск. диал. *клыкáч* 'кабан' < *клык*, а также русск. диал. *килýн*, *киля́к* 'кабан, боров' < **кыль* 'клык', ср. лит. *kuilỹs*, лтш. *kuĩlis*, др.-прусск. *cuylis* 'кабан', вероятно, заимствованные из древнерусского[158]; ср. еще нем. *Hauer* 'клык; кабан, вепрь'.

Естественно наличие самых разнообразных половых и возрастных обозначений от названий физических свойств, действий, например русск. диал. *вáлах* 'кладеный кабан' (смоленск.), ср. *валя́ть*, а также см. специально о *вол* (раздел „Крупный рогатый скот"), русск. диал. *подсóсок* 'немного выросший поросенок': *сосать*; болг. диал. *нэjéла* 'тощий, худой поросенок'[159]; польск. диал. *chujec*, *chujczak* 'некастрированный кабан' < *chuj* 'membrum virile'; чеш. диал. *fňutr* 'боров, мерин, вол плохо кастрированный' < *v-ňutr*, ср. аналогичное русск. диал. *нутрéц* 'плохо кастрированный жеребец' (см. раздел „Лошадь"); слвц. *nazimenča* ср. р. 'поросенок, рожденный зимой'[160], ср. серб. *нáзиме* 'годовалая свинья'; аналогичны слвц. диал. *järníčä*, *jäsienčä* (оравск.) 'поросенок весеннего, осеннего опороса', польск. *samura*, *samora* 'свинья-самка, свиноматка', ср. русск. диал. *самýр* 'дикий кабан', укр. диал. *самýра* 'свинья', образовано от местоименной основы *sam*, ср. русск. *сам—сáмка*.

Слвц. *ošipaná* 'свинья' (ср. *chov ošipaných* 'свиноводство') от *šíp* 'шип, колючка', а также, возможно, словен. *ščetînec*, *ščetinjáča* 'свинья' (от словен. *ščetína* щетина') представляют собой, по всей видимости, кальки венг. *sertés* 'свинья' — от *serte* 'щетина'. Ареал называния свиньи „щетинистой": словенский, венгерский, словацкий (с центром в венгерском) — четко выделяется в отношении остальной славянской языковой территории. Нелингвистические мотивы этого явления заключаются, вероятно, в значении венгерского свиноводства. Кстати,

---

158 См.: K. Mūlenbachs — J. Endzelīns. Latviešu valodas vārdnīca, II s., стр. 300.

159 См.: Н. В. Державин. Заметка о болгарском говоре с. Терновки Мелитопольского уезда Таврической губ. — ИОРЯС, т. 10, кн. 1, 1905, стр. 144.

160 См.: K. Habovštiaková. Jazykový rozbor pamiatky Inventarium rerum Arcis Arvensis z r. 1611. „Jazykovedné štúdie II. Dialektológia". Bratislava, 1957, стр. 258.

из другого венгерского названия свиньи *disznó* заимствовано слвц. диал. *disnov* 'свинья'.

Внушительна группа названий звукоподражательных и вообще экспрессивных: русск. диал. *скоголь* 'поросенок', ср. укр. *скиглити* 'визжать, скулить', *хряк*, *хрёк*, *хряч*, *крех* 'кабан, боров', *нохрóк* 'боров', *нахрáт* 'боров' (вятск.); *чýха*, *чухнá*, *чухня́* 'свинья' (симбирск.), ср. подзывание свиней *чух-чух!*, сюда же *чýшка*, *чучка* 'свинья', ср. аналогичные лит. *čiuka*, *čiukė* 'свинья', *čiukas* 'кабан'; русск. диал. (смоленск.) *дюшка*, *дюк*, *дзюк*, *дю́хман* 'свинья', *зю́шка* 'поросенок', ср. укр. диал. *дзюня*; русск. диал. *юс* 'поросенок', *ю́сочка* 'свиночка', ср. *юз!* — окрик на свиней (смоленск.); укр. *льóха* 'свинья', ср. польск. *locha* 'свинья', 'свиноматка', укр. *ри́нда*, *ри́ндя* 'свинья'; кашуб. *buχla* 'свинья', ср. *buχ!* — окрик на свиней, словин. *búčka* то же от *buč!*; н.-луж. *chŕochawa* 'хрюшка', *hunča*, *hunčo*, *hunčka*, *hunčko* 'свинка', в.-луж. *hanč*, *kunč* 'кабан'; словен. *krokelj* 'свинья, хрюшка' от *krokati*; польск. диал. *guda*, *gudza* 'свинья', ср. словен. *gúda* 'свинья', *gûdek* 'поросенок', серб. *гу̏да* 'свинья', *гу̏дӣн* 'поросенок', болг. диал. *гýдка* 'хрюшка', от подзывания, ср. серб. *гуду*, *гуду*, *гуду!*; польск. диал. *giera* 'свинья', словин. *ǧi̯eră* 'старая свинья'; словен. *čúna*, *čûnka*, *čúnja*, *čúnjoga* 'свинья'.

К. Мошинский давно обратил внимание на целесообразность изучения, в том числе в плане лингвистической географии, междометных выкриков, связанных со свиньей. Так, сходство укр. *pać*, славон. *packo*, далм. *paće* представляет собой, по его мнению, нечто большее, чем простая случайность[161]. Его указание ценно тем, что помогает связать несколько далеких территориально названий животного, образованных от описанного подзывания: укр. *пацю́к* 'поросенок, кастрированный кабан' (и вторично — 'крыса'), диал. (гуцульск., буковинск.) *паця́*, *пац'é*, мн. ч. *паця́та* 'поросенок, поросята', словен. *pâce*, род. ед. *-eta*, *pâcek* 'свинья', сюда же сербохорв. диал. (кайк.) *pâjcek* 'свинка', со вторичным *j*[162], ср. еще словен. *pâčej* 'кабан, самец', *pûjs*, *pûjsek*, *pûjska* 'свинья'.

---

[161] См.: K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian, część I, Kultura materialna. Kraków, 1929, стр. 119.

[162] См.: F. Fancev. Beiträge zur serbokroatischen Dialektologie. — AfslPh, Bd. 29, 1907, стр. 385.

Обращает на себя внимание характерная вытянутость ареала этих образований (словенский, кайкавский, украинский), а также отсутствие современной связи его западной и восточной частей, что как будто говорит о древности отношений. Правда, отдаленно сходные названия можно указать также в стороне от этих районов: польск. диал. *fus*, *fusik* 'свинья, боров', чеш. диал. *pašík* 'поросенок', но это вполне самостоятельные экспрессивные образования, ср. ю. чеш. *pašú-pašú* подзывание[163].

Русск. *кабáн*, укр. *кабáн*, блр. *кабáн*, а также польск. *kaban* заимствовано из тюрк. *kaban* 'вепрь, дикая свинья'[164].

Прочие названия: русск. диал. (тамб.) *корюх* 'кабан', *кузенóк* 'поросенок' (донск.), с.-в.-р. *сúка* 'свинья' — из западнофинских языков, ср. фин. *sika* 'свинья'; *хаврóнья* < *Хавронья*/*Февронья*, *дóчка* 'свинья', *казáк* 'кабан, боров', др.-польск. *prys* 'кабан, боров'; н.-луж. *batšo* 'боров', в.-луж. *bač* то же из нем. *betze* 'боров'[165]; в.-луж. *kjabor* 'кабан'; слвц. *tujša* 'свинья'; болг. диал. *бúшка* 'свинья'[166], *шипáр*, *шопáр*, *шупáр* 'кабан', *вилáк*, *вилáр* то же, *папоáр*, *папýряк* 'слабый маленький поросенок'; чеш. *kanec* 'кабан'[167].

ОВЦА

Основным названием взрослой особи животного является слав. **ovьca*, **ovьnъ*: ст.-слав. овьца πρόβατον, др.-русск. *овьца*, *овьнъ*, русск. *овцá*, укр. *вівцЯ́*, блр. *авéчка*, польск. *owca*, кашуб. *wœvca*, словин. *vôu̯čq* 'молодая овца', *vu̯ǝfcă* 'овца', н.-луж. *wojca*, в.-луж. *wowca*, полаб. *vüćǝ*, чеш. *ovce*, диал. (моравск.) *ovajka* (ласк.), слвц. *ovca*, словен. *óvca*, *ovčák* 'баран', *óven* 'баран', сербохорв. *ȍвца*, *ȍван* 'баран', болг. *овцá*, *овéн* 'баран', диал. *овéн* 'овца'[168].

---

[163] См.: V. Machek. Etymologický slovník. . ., стр. 356.
[164] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 495.
[165] См.: A. Matzenauer. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno. 1870, стр. 100.
[166] Об этимологических связях см.: С. Младенов. ЕР, стр. 30.
[167] См.: V. Machek. Etymologický slovník. . ., стр. 190.
[168] См.: Н. В. Державин. Заметка о болгарском говоре с. Терновки Мелитопольского уезда Таврической губ. — ИОРЯС, т. 10, кн. 1, 1905, стр. 145.

Слав. **ovьca* является развитием более древней формы **ovьkā*, обычно объясняемой как уменьшительное производное с суффиксом *-k-ā* от основы на *-i* **ovi-*. И.-е. **o̯uis* 'овца', бесспорно, относится к числу древнейших слов и широко распространено, ср. греч. (аркадск.) ὄϝις, др.-инд. *áviḥ*, лат. *ovis*, лит. *avìs*, лтш. *avs*, сюда же лтш. *aita*, *avita*, ирл. *ói*, кимр. *ewig*, гот. *aweþi* 'стадо овец', *awistr* 'овчарня', др.-исл. *ǽr*, англосакс. *eowu*, др.-в.-нем. *ou* 'овца', нем. диал. *Aulamm*, *Au* 'ягненок', нидерл. *ooi*, арм. *hoviw* (**o̯ui-pa-*) 'овчарь, овечий пастух'. Производное на *-k-* представлено, кроме слав. **ovьca*, еще только в др.-инд. *avikā* ж. р. 'овца'. Уже в близкородственных балтийских языках неизвестна эта форма, если не считать изолированного лит. *avikíena* 'баранина', тогда как в них употребляется исключительно основа на *-i* балт. **avis*, совершенно неизвестная в свободном виде в славянском. Другое, тоже вполне прозрачное производное слав. **ovьnъ*, лит. *ãvinas*, лтш. *àuns*, *avins*, др.-прусск. *awins* было использовано для обозначения самца, барана. Непроизводное, архаическое по типу склонения основы и.-е. **o̯uis* было с самого начала общим родовым термином для овцы. Такой характер древнейшего обозначения животного, ценного своим руном, может послужить полезным указанием при выборе этимологии и.-е. **o̯uis*. Возможно, все известные попытки малодоказуемы, но объяснение **o̯uis* 'овца': **eu̯-* 'одевать' (ср. русск. *обуть*, *разуть*) более других заслуживает внимания. И.-е. **o̯uis* может быть понято как отглагольное именное производное со всеми чертами нерегулярности архаического образования, обозначавшее животных по их густому шерстному покрову, который действительно производит впечатление чего-то одетого сверху, шубы. Вероятно, только так можно толковать связь **o̯uis* : **eu̯-*; едва ли нужно предполагать первоначальное значение 'животное, дающее одежду'[169]. Эта

---

[169] См.: F. Miklosich. EW, стр. 229; R. Trautmann. BSW, стр. 20—21; M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 248, 251; J. Franck — N. Van Wijk. Etymologisch Woordenboek der Nederlandsche Taal, 's-Gravenhage, 1949, стр. 474; E. Gottlieb. A systematic..., стр. 13—14; F. Specht. Der Ursprung.., стр. 32; A. Gāters. Gedanken zum Alter der baltischen Vokalkontraktion avi > ai. — IF, Bd. 63, 1957, стр. 79; M. Ptatschek. Lamm und

этимология находит существенное подтверждение в образовании одного более позднего, чем **oụis*, названия овцы, ограниченного рамками индо-иранской группы языков: др.-инд. *mēṣás* 'баран, мех', авест. *maēša* 'овца', ср.-перс., н.-перс. *mēš*, марийск. *miž*, *mež* 'шерсть, волос' (из иранского), ср. родственные слова с более древними значениями слав. *mĕхъ*, русск. *мех*, лит. *maĩšas* 'мешок', лтш. *màiss* то же, др.-исл. *meiss* 'плетеная корзина'[170].

Целесообразно, далее, поставить вопрос о возможности реликтов в славянских языках древней нерасширенной основы **oụ(i)-*. Позволим себе высказать здесь гипотезу о происхождении названия насекомого, вредящего скоту, слав. **ovadъ* (др.-русск. *оводъ*, русск. *óвод*, сербохорв. *ȍвâд*, чеш., слвц. *ovad*, польск. *owad*) из **ov-adъ*, где *ov-* — чистый корень-основа со значением 'овца', а **ād-* (**ōd-*) — апофонический вариант корня **ed-* 'есть'. Обычное сравнение с лит. *úodas* 'комар' (**ōdos*) остается в силе, но оно относится лишь ко второму компоненту сложения **ov-ōdos* 'едящий, жалящий овец'. Аналогичным образом название овцы заключено, вероятно, в греч. οἶστρος 'слепень', если анализировать последнее как *ὄϜι-στρος, ср. второй компонент с русск. диал. *строкá* 'овод' из **stṛ-k-ā* 'жалящее, стрекающее насекомое', *стрекáть* 'жалить, колоть' из **stṛ́kati*[171]. Не исключена возможность, что некоторые названия насекомых, в частности древних преследователей скота — мух, слепней, в состоянии дополнить наши сведения по истории названий соответствующих домашних животных, ср. аналогичные попытки объяснения слав. *gъmyzъ*, *gъzъ* (см. раздел „Крупный рогатый скот").

Значительным архаизмом является название ягненка слав. **agnę*, род. ед. *-ęte*, **agnьcь*: ст.-слав. **агнѧ** ἀμνός, **агньць** ἀρήν, др.-русск. *агнѧ*, русск. *ягнёнок*, диал. *ягня́*,

---

Kalb. Bezeichnungen weiblicher Jungtiere in deutscher Wortgeographie. Giessen, 1957, стр. 9.

[170] Ср.: M. Vasmer. Zur Terminologie der Viehzucht in den finnisch-ugrischen Sprachen. „Ungarische Jahrbücher", Bd. 15. Berlin und Leipzig, 1935, стр. 599; M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 127.

[171] Другие этимологии слав. **ovadъ* см.: M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 249; иначе о греческом слове см.: E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 2-ième éd. Heidelberg—Paris, 1923, стр. 693.

ягнок (астрахан.), *jиhнók* (рязанск.), *игнóк* (моздок.) *ягýшка* (арханг.), укр. *ягня́*, род. ед. *-я́ти*, польск. *jagnię*, кашуб. *jagńą*, *jagńôk*, словин. *jãgńą*, *jãgńók*, н.-луж. *jagńe*, в.-луж. *jehnjo*, полаб. *jogną*, чеш. *jehně*, диал. (моравск.) *jahul'ka*, *jehnička*, слвц. *jahňa*, словен. *jágnje*, *jâgnjec*, *jánje*, *jânjec*, *jânjka*, сербохорв. *jȁгње*, *-ета*, *јањац*, болг. *áгне*, *я́гне*. Слав. **agnę*, **agnьcь* произведены при помощи типичных формантов славянских названий молодых существ *-ęt-*, *-ьcь* от основы **agno-*/**ag^uno-*: лат. *agnus*, греч. ἀμνός, ирл. *ūan*, кимр. *oen* 'ягненок', нидерл. диал. *oonen*, англосакс. *ēanian* 'котиться' (об овце), англ. (*to*) *yean* 'то же'. Кроме расширения основы, славянское слово отличается от других родственных долготой начального гласного. Ареал и.-е. **agno-* и его вариантов ограничен латинским, греческим, кельтским, германским и славянским. Балтийский имеет другие названия ягненка. Интересно отметить полное отсутствие **agno-s* в индо-иранском. Это слово, таким образом, оказывается в значительной степени западноиндоевропейским элементом словаря. Везде отмечается только значение 'ягненок'. Образование **agnos* имеет вид прилагательного на *-(n)o-*. Эти особенности допускают мысль о словообразовательной и семантической инновации, давшей новое название ягненка в части индоевропейских диалектов. Однако судить о происхождении **agnos* трудно. Уругвайский исследователь X. П. Рона в своей работе о культе огня у индоевропейцев, получившей, правда, суровую оценку критики, высказал мнение о происхождении названия ягненка от названия огня [172]. Возможно, что эта этимология имеет право на существование, хотя бы в качестве предварительной гипотезы. В ее пользу го-

---

172 См.: E. Berneker. SEW, Bd. I, стр. 25; R. Trautmann. BSW, стр. 2; M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 481; F. Sławski. Słownik etymologiczny, t. 1, стр. 488; V. Machek. Etymologický slovník. . ., стр. 174; E. Gottlieb. A systematic. . ., стр. 15; F. Specht. Der Ursprung. . ., стр. 34; José Pedro Rona. El culto indoeuropeo del fuego. Montevideo, 1957, стр. 20. — Критику названной книги см.: V. Pisani. — „Paideia", anno XII, № 6, 1957, стр. 396; C. A. Mastrelli. Le innovazioni nel mondo indeuropeo. „Archivio glottologico italiano", vol. 43. Firenze, 1958, стр. 4, сноска 9. — Крайне сумбурны ларингальные манипуляции в кн.: E. Raucq. Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indoeuropéen, стр. 91.

ворят несколько немаловажных аргументов: во-первых, в таком случае *agnos 'ягненок' с ограниченным распространением объясняется как производное от слова с общеиндоевропейским распространением, инновация на базе этого последнего; во-вторых, объяснение *agnos как 'животное огня, жертвенное животное' не противоречит отдельным моментам значения *agnos, ср. греч. ἀμνός 'жертвенный годовалый ягненок'[173]; наконец, именно и.-е. *ognis/ *egnis (слав. *ognь, лит. ugnìs, др.-инд. agníṣ м. р., лат. ignis 'огонь') выступает как религиозный термин, обозначение одушевленного огня[174], при помощи которого совершались и которому также могли предназначаться жертвоприношения. Кроме того, известно, что именно молодые животные по целому ряду религиозных и практических соображений чаще всего приносились в жертву богам. Различия в вокализме названий ягненка и огня не представляются существенными, напротив, они минимальны по сравнению со сложными взаимоотношениями между отдельными вариантами самого названия огня.

Из славянских форм, производных от *agnę, специального упоминания заслуживают с этимологической точки зрения результаты раннего переразложения слав. *ob-agniti sę > *(o)bagniti sę: слвц. bahnit' sa 'котиться, ягниться', bahniatko 'ягненок', bahnica 'объягнившаяся овца', болг. бáгня се 'ягниться', кашуб. bagńic są, словин. bãgńic są то же, н.-луж. bagniś se, польск. bagniątko 'ягненок', блр. багня́ то же.

Чрезвычайно сложной представляется судьба одного из важных славянских названий самца овцы — барана: др.-русск. баранъ, боранъ, русск. барáн, диал. (холмогорск.) борáн, укр. барáн, польск. baran, кашуб. barôn, словин. bãrôun, н.-луж. baran, в.-луж. boran, чеш. beran, слвц. baran, barančа 'ягненок'. Трудно не считать знаменательным факт наличия слова только в западных и восточных славянских языках. В южнославянских языках употребляются другие названия самца — от слав. *ovьnъ, от некоторых других славянских

---

173 См: P. Chantraine. Les noms de l'agneau en grec: ἀρήν et ἀμνός. См.: „Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer". Wiesbaden, 1955, стр. 19.

174 См.: F. Specht. Der Ursprung..., стр. 19.

корней и отдельные заимствованные слова. В свою очередь эти последние мало известны или почти не известны в северных славянских языках, где широко употребляются *баран*, *beran* и под. Бернекер и Фасмер отмечают в своих словарях также и сербохорв. *баран*, но ни Вук С. Караджич, ни М. Плетершник, ни А. Дювернуа и Н. Геров этого слова не указывают ни в одном из южнославянских языков. Все эти данные должны быть полностью использованы при этимологии слова *баран*. Оно известно лишь части славянских языков. Общеславянский исконный характер слова **овьнъ*, позднее утраченного некоторыми языками в результате экспансии слова *баран*, говорит о вторичности последнего. К этому надо добавить непрозрачность формы слова *баран* с точки зрения славянского словообразования, чтобы видеть в нем заимствование. Вопрос о заимствовании слова *баран* поднят давно, однако имеющиеся предложения относительно источника заимствования нельзя признать убедительными.

Большинство исследователей считает вероятной связь *baran*, *beran* с созвучными названиями овцы, барана греч. βάριον ·πρόβατον, βάριχοι ·ἄρνες (Гесихий), алб. *berr* 'мелкий скот', 'овцы', ит. диал. *bero* 'баран', *bera* 'овца', франц. диал. *berri* 'баран'. Наличие этих слов в глоссах Гесихия, в албанском, впитавшем много элементов иллирийского языка, в диалектах Северной Италии побудило, например, А. Мейе считать слав. *baran*, *beran* старым термином центральноевропейского происхождения. Некоторые лингвисты уточняют это толкование, производя все названные слова из праевропейского (иначе — доиндоевропейского языка жителей Центральной Европы). Однако привлекаемый материал, а затем и вытекающие из него выводы нуждаются в ревизии. Греч. βάριον, βάριχοι (Гесихий) ставятся в один ряд с алб. *berr*, ит. *bero*, *bera*, франц. *berri*, как это ни странно, лишь на основании зрительного подобия. В действительности βάριον и βάριχοι следует читать как формы на Ϝ: Ϝάριχοι, ср. также ἄρνιχοι, — все это просторечные производные от ἀρήν (Ϝαρήν) 'овца, баран, ягненок', этимологически связанные с εἶρος (*Ϝέρϝος) 'шерсть'. Новые названия овцы и барана, сменившие лат. *ovis* в романских языках и диалектах, восходят в значительной своей части к древнему обозна-

чению самца *uers-, откуда лат. *vervex* 'баран', затем франц. *brebis* 'овца', а также перечисленные выше франц. *berri* 'баран', ит. диал. *bero* 'баран', *bera* 'овца' и, вероятно, алб. *berr*. Все они отразили широко распространенную в романских диалектах тенденцию перехода $v > b$. Следовательно, уже близость греческих форм с романскими является иллюзорной. Кроме того, отпадает как будто надобность в праевропейской этимологии.

Убедившись в сомнительности существования какого-то центра, очага, из которого распространялось бы по Европе древнее название овцы **ber*, **bar*, само по себе нереальное, как показала проверка, обратимся снова к славянским словам. Вторичность появления названия *баран*, *beran* в славянских языках признается всеми, но вся трудность заключается в определении направления экспансии слова. Это слово не могло прийти с Балканского полуострова, бывшего наиболее древним связующим звеном между раннеславянской территорией и центром и югом Европы. В противном случае нельзя объяснить отсутствия слова *baran* в южнославянских языках. Распространение слов *баран*, *baran*, *beran*, их соперничество с **овьнъ* и ряд других соображений позволяют думать, что экспансия слова *баран* шла с востока.

Существующие этимологии слова *баран* грешат либо полным невниманием к его словообразовательной структуре (если можно говорить о словообразовании в данном случае), либо недооценкой этой структуры. Все исходят из „корня" *ber-/-bar*, отсекая *-an* как не представляющее интереса. Однако именно это слово как нельзя лучше демонстрирует полезность для этимологии обратного порядка процедуры: от форманта к корню, на что указывал в своем выступлении на IV Международном съезде славистов А. Вайян. Знают ли славянские языки древний суффикс мужского рода *-anъ* в названиях животных? А если нет, что дает основание считать *бар-ан*, *ber-an* производным с этим суффиксом от корня *bar-/ber-*? Можно ли вообще расчленять это слово (*бар-ан*) на славянской почве? На все эти вопросы приходится ответить отрицательно. Слово баран заимствовано с востока, вероятно, из тюркских языков, однако едва ли его источником послужило слово *бäрäн* 'ягненок' в тюркских языках Поволжья, само, по-видимому, заимствованное

из русского языка. Возможно, что взаимоотношения при заимствовании славянского слова из тюркских оказались сложными, как это часто бывает. Вообще образования на *-an/-γan* очень характерны для тюркских названий животных и птиц, но в данном случае непосредственным тюркским прототипом славянского слова могло послужить употребительное причастие настоящего времени др.-тюрк. **baran* 'идущий', позднее *barγan*, туркм. *baran*. Употребление этого слова в разговоре об овцах вполне естественно: овца — это скот кочевника, она идеально приспособлена к дальним переходам. Известен ряд названий овцы, образованных самостоятельно от названий ходьбы, движения: греч. (τὰ) πρόβατα 'овцы', др.-исл. *gangandi fé*, оск. **eituvo* 'pecunia', хетт. UDU *i̯i̯ant-* от *i̯i̯a-* 'идти', т. е. 'идущий (скот)', далее ср. тохар. A *śemäl* 'мелкий скот' < и.-е. **gᵘem-* 'идти', лит. *kéltos*, *kéltuva*, *keltuvà*, *kéltava* 'скот' < *kelti* 'поднимать', *kēlias* 'путь'.

Время и место заимствования слова *баран* определить не представляется возможным. Славяно-тюркские языковые связи отличались большим территориальным и хронологическим разнообразием. Наконец междометные подзывания типа укр. *бирь*, русск. *барь*, *барька*, из которых иногда хотят объяснить слово *баран*, сами вторичны по происхождению, ср. еще русск. диал. *бара́ш*, *ба́ша*, *бя́ша*, *ба́лька*[175].

Значительное место среди названий овцы занимают возрастные термины, самыми древними из которых являются производные от и.-е. **i̯ēr-*, а также слав. *dvizь* и *trizь*.

---

175 См.: E. Berneker. SEW, Bd. I, стр. 43; A. Meillet. [рец. на словарь Бернекера] — RS. t. 2, стр. 69 и след.; M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 53—54; F. Sławski. Słownik etymologiczny, t. I, стр. 27; V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 29; Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 2. Lief. Heidelberg, 1954, стр. 137; K. Moszyński. Uwagi do 2. zeszytu „Słownika etymologicznego języka polskiego" F. Sławskiego. — JP, t. 33, 1953, стр. 365—366; Н. К. Дмитриев. Тюркские элементы русского словаря. „Лексикографический сборник", вып. III, M., 1958, стр. 18—19; E. Fraenkel. Wortgeschichtliches. — KZ, Bd. 72, 1955, стр. 176 и след.; É. Benveniste. Noms d'animaux en indoeuropéen. — BSL, t. 45, 1949, стр. 92 и след.; А. И. Германович. Слова клича и отгона животных в русском языке, стр. 308.

Др.-русск. *яръка* 'молодая овца', *ярѧ* 'ягненок', русск. *ярка* 'годовалая не ягнившаяся овца, молодая овца, самка', диал. (олонецк.) *ярица* 'полугодовалая овца-самка', *поярок* 'шерсть, руно с ярки первой осени', *еретина*, *яретина* 'лучшая овечья шерсть', укр. *ярота* 'овцы возрастом до одного года', *ярча́*, род. ед. *-а́ти* 'ягненок', *ярчу́к* то же, *я́рка* 'однолетняя овца', *під'я́рок* 'полугодовалые ягнята', польск. диал. *jarczuk*, *jarlak* 'годовалая овца', словин. *jãrlěk* 'годовалая овца', *jarlĩžãcă* 'овца-самка', чеш. диал. (моравск.) *jarka* 'овца, объягнившаяся весной', слвц. *jarča*, *jarčiak*, *jarčiatko* 'молодая овца', *jarka* 'не ягнившаяся овца', словен. *jârče* 'ягненок весеннего окота', болг. *е́рина*, *я́рина* 'овечья шерсть'. Эти названия с отчетливым возрастным значением, несомненно, родственны таким названиям времени, как русск.-црк.-слав. *яра* 'весна', чеш. *jaro* то же, др.-польск. *jarz* 'весна, весенний, яровой посев'; производные от этих основ служили, помимо этого, удобными обозначениями и для других домашних животных, птицы, особенно молодняка, а также злаков и овощей. Распространение этой основы в названиях домашних животных не является новшеством славянских языков; оно имело место также и в других древних индоевропейских языках, ср., например имя греческой богини Ἥρα (< *i̯ērā) при латинском ее названии *Jūnō*, букв. 'телка'. Дальнейшие этимологические связи слав. **jarь*, **jara* 'весна, определенное время года' установлены вполне надежно, ср. гот. *jēr* 'год', нем. *Jahr* то же, греч. ὥρᾱ 'время года, пора', авест. *yārə* 'год', восходящие к и.-е. **i̯ōro-*/**i̯ēro-*, именному производному от **i̯ē-*/**i̯ā-*, апофонического варианта и.-е. **ei-* 'идти'.

С другой стороны, как будто очевидна связь др.-русск. *яръка*, *ярѧ* 'молодая овца, ягненок' с названиями животных лит. *ė̃ras* 'ягненок', др.-прусск. *eristian* то же, лат. *aries* 'баран', умбр. *erietu* то же, греч. ἔριφος 'козел', арм. *erinǰ* 'теленок', ирл. *earb* 'лань, коза'. Между корнем этих названий животных и.-е. **er-* и упомянутым выше и.-е. **i̯ēro-*/**i̯ōro-* < **i̯ē-*/**ei-* нет этимологически ничего общего. Связь славянских названий животных с основой **jar-* с только что перечисленными лит. *ė̃ras* 'ягненок', лат. *aries* и родственными можно истолковать лишь как совпадение на славянской почве двух разных

основ и.-е. *$\underset{\frown}{i}\bar{e}r$- и *er-. Странно, однако, что эти очевидные связи и отношения излагаются в этимологических словарях в искаженном виде: русск. *ярка* 'молодая овца' и прочие названия молодых животных относятся к *яра* 'весна', и.-е. *$\underset{\frown}{i}\bar{o}ro$-, а *ярина* 'овечья шерсть' отрывается вопреки всякой очевидности от этих слов и прямо сближается с лит. *ẽras*, лат. *aries*, греч. ἔριφος. Думается, что это — неоправданное упрощение, даже, пожалуй, невнимание к свидетельствам языка. Ближе к истине был Миклошич, отмечавший трудность разграничения между *jarъ* и *jarina* в названиях животных[176].

Номенклатура овцы в различных славянских языках знает ряд довольно старых возрастных названий. Основная семантическая особенность этих названий — счет возраста по годам. Образование и происхождение названий неоднородно, есть среди них заимствованные слова. Словен. *bȋnec* 'двухлетний ягненок' < ит. *bina*, лат. *bimus* 'двухгодовалый'[177]. Серб. диал. *шиљег* 'ягненок на втором году', а также болг. диал. *шиле* 'подросший ягненок' заимствованы непосредственно из алб. *shilek*, которое, в свою очередь, происходит из слав. *selětъkъ, ср. серб. *сѐлетак*, род. ед. *сѐлетка* 'годовалый козел', укр. *се́лiток* 'родившийся в этом году'[178]. Аналогичные названия существуют во всех языках, например н.-нем. *Twenter* 'двухгодовалая лошадь' из *twē-winter* '(возраста) двух зим', лат. *bīmus* < **bi-himus : hiems* 'зима'[179]. Особенного интереса заслуживают слав. **dvizь* 'двухгодовалое животное' и **trizь* 'трехгодовалое животное'. Известное распространение этих слов можно охарактеризовать скорее как остаточное. Форма **dvizь* сейчас является исключительно южнославянской, где она хорошо известна в диалектах: болг. диал. *двйска*, *двиза́к*,

---

[176] См. F. Miklosich. EW, стр. 100; R. Trautmann. BSW, стр. 70; F. Specht. Der Ursprung..., стр. 156; F. Sławski. Słownik etymologiczny, t. I, стр. 502, 505—506; M. Vasmer REW, Bd. 3, стр. 492, 493.

[177] См.: R. Perušek. Beiträge zur Etymologie slovenischer Wörter und zur slovenischen Fremdwörterkunde. — AfslPh, Bd. 34, 1912, стр. 26.

[178] См.: P. Skok. Slave et Albanais. „Архив за арбанаску старину, језик и етнологију", књ. II. Београд, 1924, стр. 110.

[179] См.: H. Hirt. Etymologie der neuhochdeutschen Sprache, 2. Aufl. München, 1921, стр. 167.

двизéц, *дзви́зе*, *дзви́сче*, *дзвизáче*, *дзви́ска*, *дзвизáрка* 'ягненок по второму году; двухгодовалая овца и коза', серб. *звиска*, *двиска*, *двизе* 'ягненок, козленок по второму году'[180]. Что касается **trizь*, то эта ныне повсеместно вымершая форма известна лишь в древнерусском языке: *тризь*, *триза* ж. р. 'трехгодовалое животное'. Но словообразовательная близость этих слов, а также архаичность их образования с суффиксом *-z-* (**-go-*), редким и непродуктивным формантом, дает право отнести их возникновение к праславянскому периоду. Об этом свидетельствуют тождественные лит. *dveigỹs*, *dveigė̃* 'двухгодовалый', *treigỹs*, *treigė̃* 'трехгодовалый' (о животных), образованные с тем же суффиксом от числительных[181].

Большую важность и широкое распространение в славянских языках имеют названия кастрированного барана, образованные от слав. **skep-* 'резать, раскалывать': польск. *skop*, *skopek* 'баран', диал. *szkop* 'кладеный баран', кашуб. *skoep*, словин. *skúop*, н.-луж. *skop*, в.-луж. *skop* 'кладеный баран, валух', полаб. *st'üp* (**skopъ*), словен. *skópec* то же, др.-чеш. чеш. *skopec*, диал. *škop* 'кладеный баран', укр. диал. *скоп*, *скопець* '(кладеный) баран'. Образованные от древней глагольной основы с более широким значением **skep-* (русск. *щепи́ть* и родственные), эти названия послужили основой нового, более специального глагола, деноминативного по происхождению: **skopiti* 'кастрировать, скопить'[182]. Последний глагол, образованный от названия кастрированного животного, является техническим термином общеславянского происхождения. Имея налицо очевидное свидетельство древности этого слова и, по-видимому, соответствующего способа кастрации, мы должны будем охарактеризовать праслав. **skopъ* 'кастрированное животное', также **skopьсь* как достаточно древнее образо-

---

180 Изменение по народной этимологии представляет собой болг. диал. (видинск.) *звездарка* (*из дзвизарка*) 'двухгодовалая коза': *звезда*.

181 См.; M. Vasmer. — REW, Bd. 3, стр. 139. — Попытка определить след слав. *trizь* в слове *тризна*, первоначально — 'жертвенное заклание трехгодовалого животного', была предпринята в моей статье „Следы язычества в славянской лексике". — ВСЯ, вып. 4. М., 1959, стр. 134—135.

182 См.: V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 447.

вание. Преимущественным и, вероятно, древним было употребление этого слова как названия оскопленного барана, хотя и представленное главным образом в западнославянских языках. О важности этого названия и его экспансии за пределы славянской территории достоверно говорит ср.-в.-нем. *schopz*, нем. *Schöps* 'баран, заимствованное из зап.-слав. (чеш.) *skopec*. В связи с этим и аналогичными словами высказывалось наблюдение о легкости, с которой заимствуются названия для кастрированных животных[183]. Однако есть основания думать, что в данном случае славяно-германские связи уходят в гораздо более глубокую древность. Исследователи обратили внимание на близость более древней славянской формы **skopъ* 'кладеный баран' и зап.- герм. **skap-* 'овца', лексической инновации, вытеснившей продолжение и.-е. **ou̯is* 'овца' в этой группе германских языков. Возможно, что герм. **skap-* (др.-в.-нем. *scāf*, нем. *Schaf*, англ. *sheep* 'овца') заимствовано из славянского[184]. Сомнительно, чтобы зап.- герм. **skap-* было исконным продолжением какой-нибудь древней основы. Важно помнить, что оно пришло на смену индоевропейскому названию овцы и что замена эта ограничилась рамками западногерманских языков. Неясности происхождения зап.-герм. **skap-* 'овца' противостоит прозрачность связей **skep-* > **skopъ*, **skopiti* в славянском. Заимствование, представленное также в островных западногерманских диалектах, должно было проникнуть из славянского не позднее первой половины I тысячелетия н. э. Состоявшееся при этом расширение значения 'оскопленный баран' > 'овца' не является чем-то необычным.

Прочие названия кастрированного барана: русск. диал. *ва́лух*, сюда же *ва́лу́шить*, укр. *ва́лах*, ср. слав. *volъ*, русск. *вол*, диал. *вал* (см. раздел „Крупный рога

---

183 См.: V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. — AASF, Bd. XXXII, 2. Helsinki, 1934, стр. 61.

184 Ср.: K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław. 1957, стр. 319. — Вопрос о заимствовании зап.-герм. **skap-* 'овца' из слав. **skopъ* 'кладеный баран' впервые поставил В. В. Мартынов в устном докладе „Лингвистическое обоснование гипотезы о висло-одерской прародине славян", прочитанном на заседании сектора языкознания Института славяноведения АН СССР в мае 1959 г.

тый скот“); русск. диал. *кладенéц: класть* ‘оскоплять’; русск. диал. (вост.-сиб.) *иргéнь* ‘кастрированный баран’ < монг. *irge* то же[185]; болг. *ялъвáк* ‘кладеный баран-вожак’, ср. слав. *jalovъ*, русск. *я́ловый* ‘бесплодный’; болг. диал. *бурмá*, *кацáк* ‘кладеный баран’.

Из второстепенных названий барана-производителя интересно своими связями в славянских языках и за их пределами болг. диал. (дупницк.) *мъркалéц*, ср. также *мъ̀ркам се*, *мъ̀рля се* — о случке овец, сюда же, вероятно, блр. *маркáч* ‘баран-производитель’, восходящие к слав. **mr̥k-*, родственному лит. *meȓkti* ‘мочить’, *miȓkti* ‘мокнуть’, ср. с другими расширителями русск. *ѝз-моросъ*, *моросúть*, греч. βρέχω, βρέχειν ‘идти (о дожде), увлажнять’, др.-инд. *marṣati* ‘опрыскивает’[186]. Вообще, близость образов самца, извергающего семя, и дождя можно считать очень древней чертой.

Прочие названия барана-производителя: русск. диал. *куцáн*, блр. диал. *трык*; серб. диал. *ỳгич* ‘баран-вожак’ < алб. *ogíç*, которое, в свою очередь, заимствовано из слав. (*j*)*agnьcь*[187], ср. также болг. *йогúч*, *югич*; серб., болг. *коч*, болг. *кюсéм*, серб. диал. *балабан*[188]; болг. диал. *мáтурец*, *мáтор* — название как для зрелого барана-производителя, так и для старого, уже бесплодного барана от слав. **matorъ*, ср. русск. *матёрый*.

Остальные названия: русск. диал. *шýрка* ‘овца’, *чигáра* ‘овца’ от подзывания *чúга*[189]; *вачýжка* (рязанск.) ‘овца’, *глазýнья* ‘овца’, *зеленчýк* ‘годовалая овца’, *саргá* ‘овца’ (казанск.), *курпéк* (донск.) ‘ягненок’, ср. укр. диал. *цурпéк* ‘ягненок, родившийся поздно, после весеннего подсчета приплода’; русск. диал. *кóтька* ‘ягненок’, ср. *котúться* ‘ягниться’, *окóт; бýрши* ‘ягнята’, *мáся*, *мáська*, *мись*, *мúська* ‘овца, овечка’ (подзывание).

Укр. диал. *лунчáк* ‘годовалый баран’, ср. русск. диал. *лонщáк* ‘жеребенок на втором году’ (см. раздел

---

185 См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 486.

186 См., в основном верно, уже С. Младенов. ЕР, стр. 307, 311.

187 См.: P. Skok. Ùgič en monténégrin. „Архив за арбанаску старину, језик и етнологиjу“, књ. II. Београд, 1924, стр. 134—136.

188 См.: П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. — Сб. ОРЯС, т. 63, № 3, 1897, стр. 654.

189 См.: M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 336.

„Лошадь“), *дроб'ята* мн. ч. 'овцы', *ме́цька, ми́цька* 'овца; шерсть молодых ягнят', *плеку́н* 'ягненок без матери, вскармливаемый козою' от *плека́ти* 'кормить грудью, холить', *скидча́*, род. ед. *-а́ти* 'ягненок недоносок', *хурда́* 'больные или захудалые овцы, выделенные в особое стадо', *кирла́нка*, ср. молд. *кырла́нэ*, рум. *cârlánă* 'объягнившаяся годовалая овца', *баба́на* 'старая, беззубая овца', ср. рум. *babánă*, *нівора* 'овца с первым ягненком, молодая овца', *мендзе́ря, минзе́ра* 'дойная овца'[190]. Блр. диал. *шу́хна* 'овца-самка', ср. польск. диал. (мазовецк.) *siuchna* от *siuta, szuta* 'безрогая овца'.

Польск. диал. *puga* 'паршивая, захудалая овца', *sysak* 'ягненок-сосунок', *mendak* 'баран', ср. *mądo* 'testes', *tryk* 'баран'.

Н.-луж., в.-луж. *šep, šep*! кличка для овец, *šepka, šepa* 'овечка', в.-луж. *šepc* 'баран', вероятно недавние заимствования из нем. *Schäfchen* 'овечка', *Schöps* '(кладеный) баран'; в.-луж. *zubak* 'годовалый ягненок', *cak* 'род козоподобных овец с длинной шерстью' < нем *Zake*[191]; слвц. *cicák* 'ягненок'.

Словен. *bîc* 'баран', *bîcek, bîček* 'барашек ягненок', *bíca* 'овца-самка'.

Серб. *штирка* 'овца, которая вообще ягнится', *ỳхотка, ỳвотка* 'яловая овца'[192], *реја, реаста* 'овца с длинною, грубою шерстью', *младунак, младунче* 'ягненок еще не стриженый'.

Болг. диал. (видинск.) *марии* 'овцы, закалываемые осенью для пастармы', ср. диал. (хасковск.) *мар'а́* 'дойная овца', *чипи́шка* 'ягненок или козленок женского пола до полутора лет', *шише́к, шише́чка* 'ягненок до двух лет', *брда́к* (трынск.) 'баран с выпрямленными вверху рогами', *подо́ек* (белослатинск.) 'ягненок, сосущий двух маток', *яловица, щири́ца* 'яловая овца', *цица́рка* 'овца,

---

[190] В. П. Дроздовський. Спостереження над сільскогосподарською лексикою українських говорів Татарбунарського, Тузлівського Саратського районів Одеської області. Лексика. пов'язана з тваринництвом, стр. 238—239.

[191] A. Matzenauer. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870, стр. 128.

[192] Соображения относительно этимологии см.: Ђуро Шкарић. Прилог за српскохрватску етимологиjу. „Зборник у част Белића“. Београд, 1937, стр. 141 и след.

которую „ягнищата още цицат“'[193], *сагмáл*, *сагмалúца* 'дойная овца' из турецкого языка, *сугаре́* 'запоздалый ягненок, козленок', *вaклú* 'бараны, имеющие черные кружки около глаз', *ваклошúна* 'ягненок', ср. диал. *вáкъл* 'черный (трынск.)'.

Любопытны несколько названий меха, шкурок овцы, ягнят и изделий из них, как например, русск. *беке́ша* 'вид короткого верхнего платья на меху'. Это слово, полученное из венг. *bekes* 'полушубок' через польск. *bekiesza* то же, восходит в конечном счете к большой группе карпатских названий овцы: чеш. диал. (моравск.) *vakeša* 'овца с черными кругами вокруг глаз', *bakošistá ovce* 'белая овца с бурыми пятнами', слвц. (гемерск.) *bakeša* 'овца с черной мордой', *vakeša*, *bakeša*, *bakeš* 'тулуп', кожух', сюда же венг. *bekes*, укр. диал. *ваклеша* 'вівця чорна коло очей, решта біла', болг. *вакъл* (см. выше) — все из рум. *oacheş*, *-ă* 'светлошерстные овцы с темными кругами вокруг глаз' от *ochiu* 'глаз'[194], ср. русск. диал. *глазу́нья* 'овца'. Такого же рода названием является русск. *сму́шка*, *смух* 'ягнячья овчина', неясного происхождения[195], *мерлу́шка*, диал. *мерло́к* 'шкурка павшей овцы', 'ягнячья шкурка', объясняемое из слав. **mьrlъ*, русск. *мёрлый*[196], ср. еще польск. диал. (цешинск.) *mierloki* 'ягнята'.

КОЗА

Славянские названия козы сравнительно с названиями других животных стоят в наиболее сложных отношениях с индоевропейскими терминами. Собственно говоря, речь идет в первую очередь о слав. *koza*, которое, вопреки усилиям этимологов, не обнаруживает достоверных связей с индоевропейскими словами. Но прежде чем обратиться к анализу основного славянского названия, полезно остановиться на составе индоевропейских обозна-

---

193 См.: И. П. Кепов. Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко. — СбНУ, кн. 42, 1936, стр. 175 и след.

194 См.: D. Crânjală. Rumunské vlivy v Karpatech. Praha, 1938, стр. 407—411.

195 См.: M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 678.

196 В. Р. Кипарский. [Рец.] M. Vasmer. REW. — ВЯ, 1956, № 5, стр. 134. Иначе см.: M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 122.

чений козы в целом. Ознакомление с этими обозначениями говорит о том, что обособленность слав. *koza* в индоевропейском словаре не представляет исключения. Названия козы в индоевропейских языках отличаются большим разнообразием. Нельзя назвать ни одного из них, которое бы обладало преимуществами общеиндоевропейского термина и было распространено в большинстве, если не во всех языках. Напротив, характерно наличие целого ряда названий этого животного с четкими ареалами, часто взаимно исключающимися, реже наслаивающимися друг на друга. Отнюдь небезынтересно знать распределение индоевропейских названий козы и географическое размещение их ареалов в различные периоды времени.

И.-е. **ghaid-/*ĝhaid-/*gheid-:* лат. *haedus*, сабин. *fēdus*, гот. *gaits*, др.-исл. *geit*, др.-в.-нем. *geiʒ*, нем. *Geiß*, древняя основа на согласный, след которой обнаружен также в слав. **ži-molztь*, **ži-m̥lza* 'жимолость Lonicera xylosteum', первоначально — 'козлячье горлышко'[197]; название с преимущественно западным ареалом распространения (италийский, германский, славянский).

Только кельтским ограничено название др.-ирл. *gabor* 'козел', кимр. *gafr*, др.-корн. *gauar*, н.-брет. *gaor* 'коза'[198].

Др.-инд. *ajá-* 'козел', *ajā́* 'коза', ср.-перс. *azak* 'коза', лит. *ožỹs*, лтш. *âzis* 'козел', лит. *ožkà* 'коза', др.-прусск. *wossux*, *wosee*, сюда же др.-инд. *ajínam* 'кожа', также др.-русск. *язьно* 'кожа' и, возможно, русск. *язь* 'рыба Idus melanotus', как полагают, происшедшее из утраченного названия козла; основа с преимущественно восточным ареалом распространения (индо-иранский, балтийский, славянский)[199].

---

[197] См. статьи: „Slawische Etymologien [10—19]". — ZfS, Bd. 3, 1958, стр. 679—681; „Лингвистическая география и этимологические исследования". — ВЯ, 1959, № 1, стр. 22—23.

[198] См.: W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, стр. 114.

[199] См. там же, стр. 181; M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 485, 486. — Поиски близких форм в догреческом индоевропейском субстрате, например, фриг. *Zeus Aseis* или греч. ἀσκός 'мех, бурдюк' < *ā̆ĝ-ko-s*: лит. *ož-kà*, недостаточно убедительны (см.: O. Haas. Substrats et mélange de langues en Grèce. — LP, t. 3, 1951, стр. 87; его же. Das Öl und die ersten Indoeuropäer Griechenlands. — LP, t. 7, 1959, стр. 74).

Характер локальной изоглоссы носит греческо-армянское соответствие греч. αἴξ, род. ед. αἰγός 'коза', арм. *аус* 'коза'.

И.-е. **digh-/*dig-/*dik-*, которое реконструируют для др.-в.-нем. *ziga*, нем. *Ziege* 'коза', греч. (лаконск.) δίζα 'коза' (Гесихий), арм. *tik* 'бурдюк, мех для вина', характеризуется скорее спорадическим распространением, насколько можно судить по имеющимся данным[200].

Трудно говорить о каком-то определенном ареале и.-е. **bhūgo-*, куда относят цыганск. *buzni* 'коза', авест. *būza* 'козел', н.-перс. *buz* 'коза', 'козел', арм. *buc* 'ягненок', герм. **bukka* 'козел'.

Не выходят за рамки отдельных языков и близко родственных языковых групп такие названия, как алб. *keth*, *kedhi* 'козленок', герм. **hōkina-* (др.-исл. *hōken* 'козленок', ср.-нидерл. *hoekijn*), слав. *koza*[201], др.-инд. *chágaḥ* 'козел'[202].

Перед нами ряд этимологически не родственных названий, которые связывает между собой лишь семантическая близость[203]. Множественность обозначений козы, как полагают, объясняется древней культовой ролью этого животного и неизбежными при этом запретами языка[204]. Это создало исключительно благоприятные условия для обновления терминологии, для местных преобразований и, вероятно, заимствований. Определенное влияние могло также иметь размещение главных очагов одомашнения козы, но этот вопрос как нелингвистический относится, скорее, к специальному разделу работы. Однако уже из предыдущего суммарного изложения лингвистических данных можно сделать вывод,

---

200 См. еще: V. Pisani. [Рец.] J. Hubschmid. Schläuche und Fässer. — „Paideia", anno 12, 1957, стр. 327.

201 Эти последние названия, скорее всего, не связаны со слав. *koza* (ср. подробнее ниже).

202 См.: M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd. I. Heidelberg, 1956, стр. 406.

203 Только безответственное „жонглирование" ларингалами могло позволить отдельным авторам свести к некоему абстрактному *$ə_3$g-* такие разные основы, как **og-* (*ajá-* и др.), **kog-* (*koza* и др.), **bhūg-*. См.: E. Raucq. Contribution à la linguistique des noms d'animaux en indoeuropéen. Antwerpen -'s-Gravenhage, 1939, стр. 47 и след.

204 Ср.: H. Kronasser. Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952, стр. 172.

что самая заметная межа пролегает между западным и восточным ареалами распространения по крайней мере некоторых названий. Далеко не все названия дают такую яркую картину, но, например, исключительно западный характер **ghaid-* **gheid-* и исключительно восточный характер др.-инд. *ajá-*, *ajikā*, лит. *ožkà* (для которых мы умышленно не реконструируем праиндоевропейской формы) как будто очевиден, что окажет нам важную услугу при анализе слав. *koza*.

Слово *koza* в качестве основного названия животного безраздельно господствует во всех славянских языках: ст.-слав. коза αἴξ, др.-русск. *коза*, *козьлъ*, *козьлѧ*, русск. *коза́*, *козёл*, *козлёнок*, укр. *коза́*, *козе́л*, *козля́*, род. ед. *-я́ти* 'козленок', блр. *каза́*, *казёл*, *казенё* 'козленок', польск. *koza*, *kozioł*, *koźlę*, кашуб. *koeza*, *koezêł*, *koezlą*, словин. *kůoză*, *kůozěl*, *kůozlą*, н.-луж. *kóza*, *kózoł*, *kózle*, в.-луж. *koza*, *kozoł*, *kózlo*, полаб. *kʼüöza*, *kʼüözʼal*, *kʼüözle*, чеш. *koza*, *kozel*, *kůzle*, слвц. *koza*, *kozel*, *kozľa*, словен. *kóza*, сербохорв. *ко̀за*, *ко̏зле*, болг. *коза́*, *козе́л*, *козле́*. Общеславянским является не только само слово *koza*, но и производные **koz-ьlъ*, **kozьl-ęt-*[205]. Все это говорит о *koza* как о старом элементе славянского словаря. Однако этимологическое исследование выявляет неисконность этого слова. Достоверные индоевропейские родственные связи за пределами славянского отсутствуют. Отдельные названия козленка алб. *keth*, *kedhi*, др.-англ. *hǽcen*, др.-исл. *hōken* едва ли родственны слав. *koza*; реконструируемая на основе их сходства праформа последнего — **koĝ(a)-* — вряд ли когда-нибудь существовала. К тому же слав. *koza* тяготеет к группе названий, с которыми у перечисленных обозначений козленка уже совсем нет ничего общего. Попытки связать славянское слово с неясным др.-инд. *chā́-gaḥ* маловероятны. То же можно сказать о сравнениях *koza*, *kozьlъ* с фракийской ономастикой *Cozeilas*, Κοζας, Κοζιστης, Κοσις, Κόσιμος, Κοσων, Κοσσινίτης, Κυζικός. Что касается лтш. *kaza* 'коза', то оно заимствовано из русск. *коза*. Предположение А. Мейе о приставочном *k* в слове *koza*, как-будто

---

[205] Сюда же слав. **koža*, русск. *ко́жа*, сербохорв. *ко̏жа* < **kozjā*, производная от *koza*, собственно, 'козья'.

устранившее трудности в объяснении слова, не может быть принято, так как не учитывает близких названий, для которых такое объяснение недопустимо. Одна лишь аналогия *kostь*: ὀστέον не может спасти эту этимологию. Таким образом, слав. *koza* является изолированным словом в индоевропейском словаре. Нельзя его считать и собственным славянским новообразованием, потому что с точки зрения славянского словообразования это совершенно темное, изолированное слово. Налицо все признаки заимствования. Еще не ставя вопроса о заимствовании, А. Брюкнер обратил внимание на своеобразное сходство слав. *koza* и лат. *ožkà*, высказав догадку о метатезе. В принципе метатезы в названиях козы не редкость, им придавали, по-видимому, даже культовый смысл, но данные факты литовского и славянского, скорее всего, отражают не собственное развитие, а воздействие иноязычных форм. Таковыми были алтайские названия козы. Вполне возможно, что слав. *koza* заимствовано из тюрк. *käzä*, что предполагал еще Ф. Е. Корш. В пользу проникновения слав. *koza* из восточного источника говорит вероятная история самого тюркского слова, а также наличие в тюркском и монгольском форм, тесно связанных с *käzä*, а с другой стороны, вплотную примыкающих к лит. *ožkà*, др.-инд. *ajikā*, *ajá-* и другим, образующим характернейший восточный ареал (см. выше).

В тюркских языках есть название домашней козы (отличное от названия дикой козы), представленное в двух вариантах: тур. *keči*, казанско-тат. *käjä*, башк. *käzä* и уйг. *äčkü*, н.-уйг. *ččkä*, кыпч., узб., кирг., караим. *äčki*, казах. *äški*. Это дает право ставить вопрос о близости не только слав. *koza*: тюрк. *käzä*, но также лит. *ožkà*: тюрк. *äčkü*, *ččkä*. Сходство формы и тождество значения столь полно, что трудно думать о случайности. Более того, кажется допустимым говорить о связи с тюркскими не только индоевропейских форм с заднеиёбным элементом (лит. *ožkà*, др.-инд. *ajikā*, перс. *azak*), но и форм без названного элемента. Таким образом, восточная периферия индоевропейской языковой территории получила достаточно рано из расположенных, вероятно, далее к востоку древнетюркских диалектов некоторые термины, связанные с разведением

домашних коз. Важно отметить, что оба индоевропейских региональных варианта *koza/ožka*, необъяснимые средствами индоевропейской морфологии, находят объяснение в алтайских языках. Тип *käzä*, *käči* в тюркском представляет собой, как полагают, метатезу типа *äčkü* (> **käčü* > *käči*, *käzä*), который является первичной формой слова, общетюркским названием домашней козы, возможно с преобладающим мужским значением 'козел', ср. монг. *äšigä*, *äsigä* 'козленок, молодой козел'.

Гипотеза об алтайском происхождении восточноиндоевропейских названий козы представляет в ином свете историю спирантов в словах *koza*, *ožkà*, *ajikā*, *ožỹs*, *ajá*. Исключительное распространение их в так называемых языках „сатэм", где названные согласные совпали с рефлексами индоевропейских палатальных задненёбных, привело к тому, что и в *koza*, *ožkà*, *ajá* исследователи восстанавливают **ĝ*, хотя правильнее, по-видимому, считать эти спиранты отражением соответствующих звуков алтайского источника. Балтийские формы (*ožkà*, *ožỹs*) так же, как индо-иранские (*aj-*) заимствованы из более древней тюркской формы, слав. *koza* заимствовано позднее, из вторичного тюрк. *käzä*. Что касается самих алтайских названий, то в них видят первоначальные междометные подзывания животных[206].

Несмотря на достаточную древность заимствования, еще и сейчас различимы вторичные признаки более нового характера слав. *koza* сравнительно с названиями других домашних животных. Представляется возможным

---

[206]. См. E. Berneker. SEW, Bd. I, стр. 595; R. Trautmann. BSW, стр. 22; E. Gottlieb. A. systematic. . ., стр. 15; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 396; M. Vasmer. REW. Bd. 1, стр. 589—590; В. Георгиев. Въпроси на българската етимология. София, 1958, стр. 18, 58—59; I. T. Russu. Etimologii trace. „Studii şi cercetari lingvistice", anul VIII. Bucuresti, 1957, стр. 166: В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознаиию, стр. 121; K. Mülenbachs—J. Endzelins. Latviešu valodas vārdnīca, s. II, стр. 183; K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław,, 1957, стр. 227; A. Brückner. SEJP, стр. 262; L. Bazin. Noms de la „chèvre" en turc et en mongol. „Studia Altaica. Festschrift für Nikolaus Poppe". Wiesbaden, 1957, стр. 28 и след.; Hasan Eren. Zurufe an Tiere bei den Türken. „Ural-Altaische Jahrbücher", Bd. 24. Wiesbaden, 1952, стр. 134.

связать лингвистические факты с более поздним временем появления домашних коз сравнительно с овцеводством, свиноводством и разведением крупного рогатого скота. Так, терминология домашней козы в славянском совершенно не знает супплетивизма типа *ovьca — jagnę*, *svinьja — porsę*, *govędo*, *korva — telę*, но имеет взамен *koza/kozьlъ — kozьlę*, выражающие те же отношения новым, упрощенным способом. О позднем разведении коз может свидетельствовать отсутствие названия соответствующей скотоводческой специализации, ср. слова из одной македонской народной песни: „Веселине, весел домакине ... Весели ти кони со коняри. Весели ти овци со овчари. Весели ти кози со овчари!“ [207]

В связи с изложенными выше комментариями по этимологии слав. *koza* интересно остановиться на сходных моментах истории одного названия, частично проникшего в славянские языки; укр. *цап* 'козел', польск. *cap*, кашуб. *cap*, чеш. *cap*, слвц. *cap*, словен. *càp*. Это название козла, известное главным образом на компактной территории, примыкающей к Карпатам, является заимствованным. Уже в великорусских диалектах слово *цап* 'козел' отсутствует. Характерный карпатский ареал этого названия и наличие близких форм в румынском и в итальянских диалектах дают основание считать укр. *цап*, польск. *cap* и др. заимствованным у романского пастушеского населения. Близкие формы, тождественные по значению, распространены в различных романских диалектах по обе стороны Адриатики, в албанском языке, но ни на Балканах, ни в Альпах они не исконны. Дальше на восток указывает крымско-гот. *stap* 'козел', затем ряд иранских форм (н.-перс. *čapiš*, *čapuš*, *čapeš* 'годовалый козел', осет. *cæw* 'козел'), наконец алтайск. *čāp* 'годовалая козуля', др.-тюрк. (XI в.) *čäbiš*, 'полугодовалый козленок'. На основании сравнения этих и множества близких форм И. Хубшмид пришел к выводу, что древним очагом распространения этого названия, развившегося из подзывания, была тюркская, а не индоевропейская языковая территория, откуда очень

---

[207] П. Михайлов. Български народни песни от Македония. София, 1924, № 46 (цит. по кн.: А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929, стр. 205).

рано слово стало двигаться на запад вместе с распространением домашних коз — культурным завоеванием Азии[208].

Таким образом, этимологический анализ названий козы дает немало для изучения самих названий, а также для истории домашней козы у древних носителей славянских диалектов и близких им языков. Картину древних отношений дает в первую очередь исследование основных терминов. Прочие названия не могут добавить ничего существенного. Это большей частью местные, поздние, иноязычные слова, а также названия, связанные с терминологией других домашних животных.

Техническим термином, обозначающим физиологические действия козы, козла, являются чеш. диал. (моравск.) *prča* 'коза', сюда же *prč*, *prč*! (подзывание), *prk*, *prkotina*, *prčina* 'козлиная вонь', словен. *pȓč* 'некастрированный козел', сербохорв. *прч* 'козел', болг. *пърч*, *пръч* 'козел'[209], ср. также укр. диал. *перч* 'некастрированный козел'.

От основы, общей с некоторыми названиями овцы и с другими терминами — слав. **jar-*, поглотившее и.-е. **er-*, — образованы сербохорв. *jäрац* 'козел', *jäре* 'козленок', болг. *épe* 'козленок', *я́ре*.

Укр. диал. *барзій* 'черный козел, черная овца, грудь у которой белая' представляет собой балканизм, восходящий в конечном счете к албанскому, но непосредственно полученный, вероятно, из румынского языка. Укр. диал. *бéдра* 'коза', *watujký* 'козлята'. Польск.

---

208 См.: J. Rozwadowski. [Рец.] E. Berneker. SEW. — RS, t. 2, 1909, стр. 109; G. Rohlfs. Vermischtes zur Wortgeschichte, 7. Zu röm. zappo 'Ziegenbock'. — ZfromPh, Bd. 48, 1928, стр. 436—437; D. Grânjală. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelem k Moravskému Valašsku. Praha, 1938, стр. 231—232; J. Hubschmid. Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen. „Neue Zürcher Zeitung", 8, XII. 1953, № 2983 (рец.: A. Ribi. — „Orbis", t. 3, Louvain, 1954, стр. 245—247); J. Hubschmid. Pirenäenwörter vorromanischen Ursprungs und das vorromanische Substrat der Alpen. „Acta Salmanticensia", t. VII, № 2, 1954 (рец: V. Čihař. — AO, vol. 25, 1957, стр. 160); F. Sławski. Słownik etymologiczny, t. I, стр. 54—55; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М., 1958, стр. 307; M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 281.

209 См.: V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 392.

диал. *maciek* 'козел' < *Maciej*, имя собственное[210]; польск. диал. *cyka* 'крупная коза', словин. *cẽγă* 'коза', *cẽžą*. 'козленок' заимствованы из нем. *Ziege*; польск. диал. *buk* 'козел' < нем. *Bock* 'козел'. В.-луж. *hilatko* 'козленочек'.

Чеш. диал. *košut* 'козел' (моравск.) — сложение приставки *ko-* со слав. *šutъ* 'безрогий, комолый', весьма древней праславянской основой, известной в южнославянских, западнославянских языках и диалектах украинского и белорусского языков. Великорусские диалекты, по-видимому, не знают этого слова в отличие от прочих славянских языков, в основном — карпато-балканского района. Однако слав. *šutъ* представляется исконно славянским словом, сохраненным именно в районе интенсивного разведения овец и коз. Впрочем, его этимология не совсем ясна[211].

Болг. диал. (разло́жск.) *пра́нгари́ца* 'старая коза'.

Специальные возрастные термины нередко общие у козы и овцы, ср. выше об основе *jar-*, а также, например, сербохорв. *двизе*, болг. диал. *дэвйзе* 'козленок по второму году' (см. раздел „Овца").

КОШКА

История названий кошки гораздо короче истории названий других домашних животных, и можно сказать, что в целом она изучена достаточно хорошо, как и история домашней кошки у славян и других народов. Этот единственный в истории домашних животных случай интересен в том отношении, что дает возможность сличить показания истории животного и факты языкознания и убедиться в объективной ценности свидетельств языка, этимологии слов, полностью совпадающих с историческими сведениями. В данном разделе нам придется привлекать нелингвистические аргументы несколько шире, чем это делалось в других местах

---

210 См.: H. Horodyska. Słownictwo Warmii i Mazur, Hodowla. Wrocław, 1958, стр. 13.

211 Ср.: P. Skok. Prilog ispitivanju predrimskih leksičkih ostataka u slovenačkom i srpskohrvatskom jeziku. „Slav. Rev.", let. 3, 1950, стр. 352—353.

нашего исследования, однако это объясняется неповторимостью данного случая.

Прежде всего обращает на себя внимание различие древних названий дикой и домашней кошки в славянских языках. Эту разницу наименований следует объяснять так: дикая кошка, с которой славяне были знакомы на своей территории с древности, имела свое название в их языке; значительно позднее у славян появился и приобрел популярность новый домашний зверек — кошка, которая, однако, была позаимствована у народов древней средиземноморской цивилизации вместе со своим названием. Обстоятельства появления домашней кошки у славян как атрибута цивилизации и первоначально даже — роскоши так мало благоприятствовали естественному, как казалось бы нам, переносу на нее названия ее ближайшей родственницы — дикой кошки, крайне дикого животного, не поддающегося одомашнению, что господство заимствованного названия домашней кошки с самого начала было безраздельно. Больше того, со временем это название в значительной степени вытеснило старые и без того, по-видимому, не очень широко употреблявшиеся названия дикого животного. Так объясняются названия вроде нашего *дикая кошка*, нем. *Wildkatze*, дающие, вероятно, повод для недоразумений. Следует помнить, что это не более как вторичное перемещение в терминологии.

Различные названия дикого и домашнего животного — лучшее доказательство того, что животное не было одомашнено на месте, а заимствовано извне. Древним названием дикой кошки является др.-польск. *zdeb*, *step* (XV в.), польск. *żbik*, *źbik* а также ст.-слав. **стьбль, стьпль**. Уточнение значения старославянского слова, которое еще Миклошич переводил как '*sus*, свинья', является заслугой Г. А. Ильинского[212]. Итак, резкое различие этих названий и названия домашней кошки слав. *kotъ* как нельзя лучше соответствует различию в биологическом происхождении обоих животных — европейской дикой кошки (Felis catus, Felis syl-

[212] См.: Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. XXIII. Цсл. стьбль „дикая кошка“. — ИОРЯС, т. 23, кн. 1, 1918.

vestris, Felis chaus) и домашней кошки, потомка нубийской кошки (Felis maniculata).

Прежде чем обратиться к главному вопросу — истории названий домашней кошки, интересно специально остановиться на приведенных выше названиях дикой кошки. Их употребление носит реликтовый характер. Об этом говорят примеры с неясным значением старославянского слова в памятниках, указываемые Г. А. Ильинским. Печатью остаточности отмечено также употребление польских слов. В других славянских языках пока не удалось найти близких форм. Однако древний вид польского и старославянского слов и прерывистость их географического ареала делают допустимой мысль, что это слово, засвидетельствованное в двух не связанных тесно друг с другом славянских языках, ранее было распространено шире. Впрочем, это название дикой кошки не выходит за рамки славянского. Например, в литовском языке, близко родственном славянскому и обнаруживающем аналогичное различие названий дикой и домашней кошки, дикая кошка называется иначе — *vilpišÿs*. Существенное значение имеет этимология славянского названия дикой кошки. Этимология Г. А. Ильинского, принятая также А. Брюкнером[213], в общем неправильна, хотя в ней имеются элементы, которые надо будет сохранить. Оба ученых реконструируют исходное слав. *stъbь/*stъpь и сближают его прямо с лит. *stiprùs* 'сильный', греч. στιφρός 'плотный', лат. *stipulus*. Развитие значения они представляют себе, видимо, так: 'сильный, крепкий, плотный' > 'дикий кот'. Однако у нас есть все основания усомниться в правильности этого объяснения. Прежде всего неверно толкуется фонетико-морфологическое развитие слова, точнее сказать, полностью игнорируется словообразовательная структура. Др.-польск. *zdeb*, род. ед. *zdbia* (откуда расширенные суффиксом формы польск. *żbik*, *źbik*) и **стьбль, стьпль, стьбло** старославянских и русско-церковнославянских текстов продолжают первоначальное *stьbjь (а не *stьbь/stъbь), как об этом выразительно свидетельствует наличие *l* epentheticim в старославянском и отсутствие его в польском. Полученное таким путем праслав. *stьbjь является

[213] См.: A. Brückner. SEJP, стр. 649.

прилагательным на-*jь* (**stьb-jь*) от **stьb-* 'стебель, камыш', родственного лтщ. *stiba* 'палка, прут', лит. *stíebas* 'ствол, стебель' и далее греч. στιφρός 'плотный, крепкий' и другим словам, приведенным выше, которые восходят в конечном счете к общей основе и.-е. **sta-* ('стоять' > 'крепкий, твердый, плотный'). Та же основа **stьb-*, но уже расширенная суффиксом *-(ъ)lo*, представлена в названии стебля слав. **stьblo*/**stьblь* (русск. *стебель*, црк.-слав. **стьбло**, **стьбль** καυλός, στέλεχος, καλάμη, польск. *źdźbło*), но в морфологическом отношении следует различать слав. **stьb-jь* 'дикая кошка' из **stьbъ* 'стебель, камыш'[214] и слав. **stьb(ъ)lo* 'стебель, камыщ', произведенное с суффиксом *-(ъ)la* из **stьbъ*. Аналогичное суффиксальное расширение ср. в лат. *stip-ula* 'соломинка'.

Естественным выводом будет объяснение праслав. **stьbjь*, лежащего в основе названия дикой кошки, как прилагательного со значением 'камышовый', „стеблевой", иными словами — 'животное, обитающее в камышах', ср. одно из современных названий дикой кошки русск. *камышовый кот* (Felis chaus). Различные виды европейской дикой кошки обитают преимущественно в зарослях, камышах, в плавнях рек. Область распространения этого животного могла со временем резко сократиться, тем более что дикий кот всегда истреблялся человеком как вредный хищник. В древности он был распространен гораздо шире. Так, Felis sylvestris, живущая на западе Восточной Европы (не восточнее плавней р. Днестра и кроме того в плавнях р. Кубани и в горах Кавказа)[215], судя по ископаемым следам, обитала также за пределами этих областей.

Заметим попутно, что древнее распространение вида Felis sylvestris в западной части Восточной Европы, а также праславянский характер названия **stьbjь* для дикой кошки можно использовать как дополнительный аргумент в вопросе о первоначальной территории праславянского языка.

---

214 Црк.-слав. стьбло вместо стьбль 'дикая кошка' отражает уже забвение первоначальной формы и контаминацию со стьбло 'стебель, камыш'.

215 См.: А. А. Бируля. Предварительное сообщение о хищниках из четвертичных отложений Крыма. „Доклады АН СССР", 1930, № 6, стр. 142.

Основным славянским названием домашней кошки является *kotъ*, ср. др.-русск., црк.-слав. *котъка*, *кошька*, *котъ*, русск. *кот*, *кошка*, *котёнок*, диал. *котки* 'котята'[216], укр. *кіт*, *кішка*, польск. *kot*, *kotka*, кашуб. *kœt*, *kœtka*, словин. *kùo̦t*, *kùo̦tkă*, *kùo̦cą*, н.-луж. *kót*, *kóca*, *kócka*, *kócor*, в.-луж. *kóčka*, *kocor*, *kacor*, чеш. *kočka*, *kocour*, *kotě* 'котенок', диал. (моравск.) *kot*, слвц. *kot*, *kocúr*, *koča*, *kočiatko*, болг. *ко́тка*, *кота́к*, *котара́к*, *ко́те*.

Слав. *kotъ* первоначально было, вероятно, общим, родовым названием животного — самца и самки, что сохраняется в отдельных славянских языках, ср., например. польск. *kot* 'кошка'. Однако внешняя характеристика формы мужского рода делала такое употребление неудобным, особенно это неудобство сказалось спустя некоторое время, когда кошка прижилась и стала домашним животным в полном смысле слова. Для обозначения самки стала использоваться производная форма **kotja*, особенно **kotjьka* > н.-луж. *kóca*, *kócka*, русск. *ко́шка*, укр. *кішка*, чеш. *kočka*; также **kotъka:* болг. *ко́тка*, польск. *kotka*. Название женского рода в некоторых языка стало играть роль основного, родового названия животного, например русск. *кошка*. Само собой разумеется, одновременно с этими семантико-морфологическими новшествами форма *kotъ* приобрела специальное значение 'кот, самец кошки'.

Заслуживает особого внимания восточнославянская форма женского рода: др.-русск. *кошька*, русск. *ко́шка*, укр. *кішка*. Соболевский, Бернекер, Преображенский, а вслед за ним Фасмер[217] объясняют ее как производное от **коша*, уменьшительной формы типа *Маша* (от *Марья*) от др.-русск. *котъка*, *котъ*. Однако при этом они упускают из виду формы от слав. **kotjьka*: н.-луж. *kócka*, чеш. *kočka* < **kocka* (под влиянием *mačka*)[218]. В русском языке им соответствовало бы **кочка*, откуда *кошка*, возможно, через диссимиляцию смычных *-чк* > *-шк-*[219]. Прежняя форма названия кошки оставила след, вероятно,

---

216 См.: Н. Каринский. О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа. А. Несколько говоров Тесовской волости. — РФВ, 1898, стр. 104.

217 См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 651.

218 В. Махек („Etymologický slovník...," стр. 211) считает, что чеш. *kočka* получено под влиянием *mačka* из **kotka*.

219 Ср.: A. Brückner. SEJP, стр. 261.

в русск. *ко́чка* ʻбугор, неровность земной поверхностиʼ, о чем свидетельствует сравнение с польск. *kocie łby*, чеш. *kočičí hlavy* ʻбулыжникʼ, букв. ʻкошачьи головыʼ[220]. — Исключительно западнославянской является новая форма на *-r* для названия самца: польск. *kocur*, чеш. *kocour*, слвц. *kocúr*, ср. названия самцов *gęsior* ʻгусакʼ — *gęś* ʻгусь, гусыняʼ, *kaczor* ʻселезеньʼ. Потребность в новообразовании мужского рода вызвана сохранением формы *kot* в роли общего названия животного.

Слав. *kotъ* — слово заимствованное. Его источником было народнолат. *cattus*, первоначально обозначавшее разных диких животных, в том числе и дикую кошку. В раннее средневековье это слово попало в славянские и балтийские языки уже с вторичным значением ʻдомашняя кошкаʼ: слав. *kotъ*, лит. *katẽ*. Происхождение лат. *cattus* не совсем ясно, правда, оно уже не имеет прямого отношения к дальнейшей судьбе славянских названий. Близкие формы находят и в кельтском. С другой стороны, ищут в соответствии с историей самого животного первоисточник европейских названий в Африке, в нубийском языке. Важно подчеркнуть, что центром распространения названия домашней кошки в Европе был латинский язык, откуда *cattus* проникло также в Восточное Средиземноморье (греческий язык), в славянские языки[221]. Время заимствования слав. *kotъ* не нужно относить к общеславянскому периоду; распространению культурного заимствования не могли помешать межславянские языковые границы. Вместе с тем осуществилось оно относительно рано, вероятно во второй половине I тысячелетия н. э. Для более точной датировки отсутствуют факты, но если правильна этимология имени великоморавского князя Коцела, сына Прибины (IX в.), *Коcьlъ* < зап.-слав.

---

220 Прочие этимологии слова *кочка* см.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 650.

221 См.: F. Miklosich EW, стр. 135; E. Berneker SEW, Bd I, стр. 590; O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, herausgeg. von A. Nehring. Bd. 1, Lfg. 5. Berlin — Leipzig, 1923, стр. 562—566; V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. — AASF, Bd. 32, No. 2. Helsinki, 1934, стр. 273—274; V. Pisani. [Рец.] C. H. Balmori. Cattos: gato, „Paideia“, anno 6. Firenze, 1951, стр. 419; M. Vasmer. REW., Bd I, стр. 643.

**koca* < **kotja* 'кошка-самка'[222], то в VIII—IX вв. в части славянских языков уже было распространено **kotъ*, **kotja* 'домашняя кошка'[223].

Слав. **kotъ*, **kotę* 'котенок' очень близко по форме слав. **kotiti sę* 'рожать (о мелких животных)': русск. *котúться* (об овце, кошке, кролике, зайце), укр. *котúтися*, польск. *kocić się*, кашуб. *kœcéc są*, чеш. *kotiti se*, словен. *nakotíti* 'народить детенышей (уничиж. о человеке)', *pokótniti* : *krava je pokotnila*, *skotíti* 'родить', *skòt* 'детеныши, выводок', сербохорв. *(о) кòтим, кòтити (се)*, *кôт*, род. ед. *кôта* 'выводок', болг. *окóтвам се*, *окóтя се*. Отношения форм **kotę* — **kotiti sę* как будто носят совершенно регулярный характер, ср. **ščenę* — **ščeniti sę*, **jagnę* — **jagniti sę*, **porsę* — **porsiti sę*. Это впечатление еще более усиливается, если принять во внимание прилагательные русск. диал. *сукóтая* 'щенная собака', *сукóтная*, *сукóчая*, *скóтна* 'беременная (о мелких животных — кошке, кунице, соболе, норке, выдре)', сербохорв. *скȍтна* 'беременная (о собаке, лисице)', ср. русск. *стéльная*, *супорóсая*. Однако некоторые обстоятельства заставляют осторожно отнестись к упомянутым отношениям. Во-первых, возражение семантического порядка. Кажется сомнительным, чтобы название животного, которое до XII в. не имело, в сущности, никакого экономического значения, да и позже имело весьма относительное значение, — послужило базой для образования термина с очень емким содержанием ('рожать'). Во-вторых, нельзя недооценивать несоответствия географических зон распространения слав. **kotiti sę* и **kotъ*, **kotę*. Названный глагол является общеславянским словом. Он широко употребляется также в южнославянских языках. Что же касается заимствованного названия кошки, то за вычетом болгарского оно не известно другим южнославянским языкам — словенскому и сербохорватскому.

Слав. **kotъ*, **kotę* является почти исключительно элементом словаря северных славянских языков. По

---

222 См.: J. Stanislav. Kocel'. „Slovenská reč", roč. 15, 1950, стр. 165 и след.

223 Появление кошки и ее заимствованного названия **kotъ* у славян не следует смешивать с более поздним ее хозяйственным применением — для истребления крыс (XII в.).

наличию или отсутствию этого названия южнославянские языки разделяются на две группы. Восточную образует болгарский с его словами *котка* и другими из **kotъ*, западную — другие два языка, где преобладает другое название кошки: словен. *mâčka*, *mačák*, *máček*, сербохорв. *мȁчка*, *мáчак*. Исследования показали, что это лексическое размежевание совпадает с границами распространения ряда других слов на Балканах[224]. Периферийными по отношению к западнобалканскому названию кошки являются, вероятно, слвц. *mačka* 'кошка', болг. *мáчка* то же. Возможно, это различие в словаре является древним, если допустимо вообще говорить о древности, имея в виду славянские названия кошки. Тем более странным покажется развитие форм от слав. **kotiti sę* именно в тех из южнославянских языков, которые не знают слова **kotъ*. Остается наиболее правдоподобным предположение о ранней контаминации, которая происходила всюду, где встречались **kotiti sę* и заимствованное **kotъ*. Что касается названия действия, то оно, по-видимому образовано аналогично **telę — *teliti sę* и другим от какого-то особого названия молодого животного (но не *kotę* 'котенок'!), поглощенного затем производными от **kotъ* 'кошка'. Трудно сказать что-либо более определенное, поэтому ограничимся ссылкой на известные сравнения с лат. *catulus* 'детеныш, щенок', умбр. *katel* то же, др.-исл. *haðna* 'козленок, козочка', ср.-в.-нем. *hatele* 'коза', швейц.-нем. *hatle* 'коза'[225].

Западнобалканские названия кошки, отличающиеся от обычного для других славянских языков **kotъ*, примыкают к нем. диал. *Matz* 'кошка', также нем. *Mietzchen* 'киска', далее — франц. *matou* 'кот'. По всей вероятности, это — образования звуковой символики, для которых нет надобности принимать единый генетической источник. Об этом свидетельствует общее начало слова (*m-*) с звукоподражаниями, передающими крик кошки: русск. *мяукать*, *мяу*, болг. *мякам*, *мяукам*, нем. *miauen*, франц. *miauler*. Призывные междометия нем. *mietz*, *mietz!*, болг. *мац-мац!* и под. 'кис-кис!' могут быть также

---

[224] См.: В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к балканской миграции славян. I. „Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка" т. XIX, вып. 3, 1960.

[225] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 1, стр. 645.

вторичными, от названий *Mietzchen*, *мачка*[226]. Однако полезно также иметь в виду смежность перечисленных южнославянских, немецких и французских названий, образующих более или менее цельную область. Возможно, это говорит о том, что образование этих слов не проходило совершенно независимо в каждом языке.

Остальные названия: русск. *ки́ска* от подзывания *кис-кис!*[227], диал. *ка́вонька* — от *ка́вкать* 'мяукать'[228]; польск. диал. *pujka*, словен. *pȍi̯kă* 'кошка', *mȉska* то же < нем. *Mietzchen*, ср. еще. в.-луж. *mica*, *micka*; н.-луж. *ajtka*, *hajtka* 'кошечка', ср. междометное подзывание *ajt*, *ajt!* 'кис-кис!', в.-луж. *hajtka*, *hica* 'киска', чеш. диал. *manda* 'кошка', *čiča*, *čaňa*, *cicka* то же, слвц. *cica*, *cicka*.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Сюда входят названия домашних животных во всей их совокупности и названия стада, группы, относящиеся исключительно к сельскохозяйственным животным. Это слав. **skotъ*, **stado*, **čerda*, а также ряд менее важных, местных названий. Сразу же отметим поразительный факт почти полного отсутствия соответствий основным и, по-видимому, наиболее древним славянским терминам в балтийских языках. С другой стороны, при образовании некоторых более поздних, местных названий в славян-

---

226 Ср.: J. W. Bruinier. Etymologien. 3. Katze. Matz. — KZ, Bd. 34, 1895, стр. 380—381; D. Boranić. Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. Zagreb, 1909, стр. 43; J. Holub, Fr. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 176.

227 Не исключена возможность, что это, казалось бы, позднее и не имеющее истории междометное подзывание кошки (*кис-кис!*) на самом деле гораздо старше не только самого названия кошки, но и названий некоторых других животных, с которыми обычно связывают такие подзывания. Наше *кис-кис!* (к кошке) вместе с польск. диал. *kiś*, *kiś! ksio*, *ksio!* (подзывание лошади), русск. диал. *кось- кось! ко́ся!* (подзывание жеребенка), лтш. *kuze*, *kumeliŋ!*, лит. *kužiukas* 'жеребенок' может продолжать старое, слабо дифференцированное подзывание животного или детеныша животного; ср. аналогичное образование в тюркской языковой области близкого по звукам *äčkü/käzä* 'коза', откуда слав. *koza*.

228 См.: А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областный крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. 83, № 5, стр. 164.

ских диалектах наблюдаются случаи тесного взаимодействия с балтийскими языками. Воздерживаясь от дальнейших выводов, ограничимся одним таким наблюдением, которое позволим себе предпослать разбору славянской терминологии.

Славянскому названию *skotъ* противостоит древнебалтийское название скота, сохранившееся в лит. *pekus* 'скот', диал. (слоним.) *p'äkus* 'мелкий скот', также 'овцы', др.-прусск. *pecku* 'скот', которое возводят с некоторыми оговорками к и.-е. *peku-* (лат. *pecus*, гот. *faihu*, др.-инд. *paśu-ḥ*, *páśu*, *paśú-*, авест. *pasu-*), древнему названию скота, обнаруживающему соприкосновения с лексикой алтайских языков[229]. Но употребление этого древнего слова, например в литовском языке, является ограниченным, в то время как роль основного названия играет местное *gyvulỹs*, мн. ч. *gyvuliaĩ* 'животные, скотина', диал. *gývolis*, связанное с основой *gýti*, *gyvénti*, ср. слав. *žiti*, *živǫ*. Производное с суффиксом *-l-* *gývolis*, *gyvulỹs*, *gyvuliaĩ* 'скотина, животные' очень близко смежным территориально блр. *жывёла* 'скот', польск. диал. *żywioła* 'домашний скот' (Виленщина)[230]. Производные от *žiti* со значением 'домашний скот' известны в различных местах славянской языковой территории и представляют собой скорее всего независимые местные новообразования, ср. др.-русск. *животина*, серб. диал. (черногорск.) *живо*, словен. *živina*, польск. диал. *żywina*, *żywizna* (Вармия, Мазовше). Однако характерное производное на *-l-* с этим значением распространено только в одном районе — в белорусском языке и смежных говорах польского языка; оно неотделимо ни в территориальном, ни в генетическом отношении от упомянутого литовского слова. Вероятно, было бы ошибкой считать польск.

---

229 См.: E. Hermann. Litauisch pekus. — AfslPh, Bd. 40, 1926, стр. 161—162; А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 397; E. Fraenkel. Baltische und slavische Etymologien. — ZfslPh, Bd. 11, 1934, стр. 49; В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, стр. 43—44; G. J. Ramstedt. The relation of the Altaic languages to other language groups. — JSFOu, t. 53, № 1. Helsinki, 1946—1947, стр. 25—26.

230 K. Būga. Kalbos dalykai. В кн.: K. Būga. Rinktiniai raštai, I t. Vilnius, 1958, стр. 122—123; E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, 2. Lief., стр. 154—155; H. Horodyska. Słownictwo Warmii i Mazur, Hodowla. Wrocław, 1958, стр. 15.

диал. *żywiota* простым словообразовательным вариантом наряду с *żywina*, *żywizna*[231].

Основным и наиболее распространенным славянским собирательным названием является **skotъ*: ст.-слав. скотъ κτῆνος, ζῷον, др.-русск. *скотъ* 'скотина, домашнее животное, скот', 'имущество, деньги', 'пóдать', русск. *скот*, *скотúна*, диал. *скатúна* (собир.), *скатúнина* (сингулятивное)[232], *ускóтье* 'место, где пасется скот' (череповецк.), *поскóтина* 'выгон' (олонецк., томск.), укр. *скот*, блр. *скацíна*, др.-польск. *skot*, польск. диал. *skot*, *skotnia* 'выгон', кашуб. *skœt*, н.-луж., в.-луж. *skot*, полаб. *sküöt*, чеш. (стар.) *skot*, сербохорв. *скȍт*, болг. *скот*.

Этимология слова *skotъ* неясна. Большинство лингвистов считает это слово очень древним заимствованием из германского, возможно — времен ранних славянско-восточногерманских (готских) языковых связей (до II в. н. э.), ср. гот. *skatts* δηνάριον, μνᾶ, др.-сакс. *skat* 'монета, состояние', нем. *Schatz* 'сокровище'. Преобладание у германских слов вторичного значения могло выработаться позднее, ср. также др.-фриз. *sket* 'деньги, скот'. Фонетические и акцентологические данные как будто говорят только о возможности заимствования из германского в славянский, а не наоборот. Серьезным препятствием для этой этимологии является, однако, то, что герм. **skatt-*, представленное только в готском и западногерманских (др.-исл. *skatts* 'дань, сокровище' заимствовано из западногерманских), является темным словом также с точки зрения германского словообразования. Точно таким же темным словом в составе славянского словаря является слав. *skotъ*. Попытки объяснить его как исконное слово приводили до сих пор только к неудаче. Таковы этимологии Г. А. Ильинского — *skotъ*: *щетина*, М. Рудницкого — *skotъ* < **skok-to*, ср. *skakati*, В. В. Мартынова — из приставочного **sъkotъ* 'выводок, приплод': **kotiti sę*. К невероятности собственно славянской слово-

---

231 Ср., например: W. Doroszewski. Z zagadnień kartografii lingwistycznej. „Archeologia Polski", t. 1, zesz. 2. Warszawa—Wrocław, 1958, стр. 237. — Еще один пример взаимодействия в том же районе: лит. *ragúočiai* мн. ч., блр. *рагаччó*, польск. *rogacizna* 'крупный рогатый скот' — от *рог*, лит. *rãgas*.

232 См.: В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах селений Московского уезда. — Сб. ОРЯС, т. 68, стр. 129.

образовательной аргументации этих этимологий добавляется еще невероятность одновременно выдвигаемого тезиса о заимствовании из славянского в германский[233].

Кроме слова *skotъ*, славянские языки знают немало других названий скота, которые являются более поздними образованиями, чем слав. *skotъ*, но успешно соперничают с ним и в некоторых языках почти совершенно вытеснили древнейшее славянское название. Отличительной чертой всех этих новых названий является очевидность словообразовательных связей. Знакомство с ними поучительно в семасиологическом отношении. Новые славянские названия последовательно противоречат классическому в семасиологии примеру изменения значения 'скот' → 'деньги' (лат. *pecu* → *pecunia*). Этот семантический переход хорошо известен, его относят даже к числу „необратимых" переходов значения, т. е. семантических процессов, которые могут протекать только в одном направлении[234].

Однако славянские примеры, которые имеют характер массовой аргументации, убедительно демонстрируют, что обратный переход значений не только возможен, но является во всех этих примерах единственным путем, приводящим к значению 'скот'. Сомнения в этом быть не может даже после попытки А. Матла дать некоторым из этих слов другую этимологию[235].

Так, к основе, обозначающей приобретение, стяжание, имущество, имение — слав. **by-* (*byti*, *bytъ*, *do-by-*,

[233] См.: F. Miklosich. EW, стр. 303; A. Brückner. SEJP, стр. 495—496; J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952, стр. 275—276; его же. Germańsko-słowiańskie stosunki językowe. „Słownik starożytności słowiańskich" (zeszyt dyskusyjny). Wrocław, 1958, стр. 34; Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. LI—LX. — РФВ, т. 73, 1915, стр. 281 и след.; M. Rudnicki. Sufiksy z-r-. —SO, t. 13, 1934, стр. 111—112; А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 397; C. Thörnqvist. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala-Stockholm, 1948, стр. 252 и след.; M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 649; В. В. Мартинов. Проблема первісної префіксації і найстаріші слов'яно-германські мовні зв'язки. „Труды Одесского ун-та", т. 147. Серия филол. наук, вып. 6, 1957, стр. 182—183.

[234] См.: W. Brandenstein. Etymologica. „Studies presented to Joshua Whatmough". 's-Gravenhage, 1957, стр. 23—24.

[235] См.: A. Mátl. K výkladu slov dobytek a statek. „Studie ze slovanské jazykovědy. Sborník k 70. narozeninám akad. Trávníčka". Praha, 1958, стр. 315 и след.

ср. русск. *добы́ча*), — восходит чеш. *dobytek* 'скот', ср. др.-чеш. *dobytek* 'имущество, имение', словин. *dəbə̂tk* 'скот', н.-луж. *dobytk* 'скот', болг. *доби́тък* 'скот', ср. др.-серб. *добытькь* 'facultates'[236]; польск. *bydło* 'скот', кашуб. *bédło* то же, ср. др.-польск. *bydło* 'жилье, имение', слвц. *bydl'a* 'скотинка' [блр. *бы́дла* 'рогатый скот', русск. диал. (смоленск.) *бы́дло* 'худая скотина' заимствовано из польского]. В качестве названия скота употребляется такое название имущества, добра, как словен. *blagô*, ср. в диалектах: *aņzàt nì-jo-dadŭ̃ blàŭ, kь-to-snèj* 'затем они дают ее скоту, чтобы он съел[237]; хорв. *blâgo* 'скот', ср. др.-серб. *благо* 'bonum, res, fortunae'. Совершенно аналогично развитие значения др.-серб. *имане*. „В одной записи 1582 г. стоит такое выражение: утвержд́ено подъ страшномъ клетвомъ и кастизіомъ ферманима отъ Цетиня и тапияма ни *иманѣ* пасти, ни орати, ни лаза сѣщи безъ упроса церковнаго“[238]. Н.-луж. *zbóžo* 'скот', также 'имущество, товары', имеет основу, общую с укр. *збіжжя* 'пожитки, добро', сюда же слав. *bogatъ*. Блр. *ста́ток* 'домашний скот', русск. диал. (смоленск.) *ста́тэк* 'скот' — тоже первоначальные названия имения, имущества.

Тоже от названия имущества, обозначаемого как 'му́ка, мучение', отпочковалось болг. диал. (ольшанск., СССР) *мӑкӑ́* 'скот', этимологически тождественное болг. *мъ́ка* 'му́ка' диал. *ма́ка* 'имущество'[239].

От названия имущества, достояния, выражаемого отрицательно, как видно, по мотивам табу, получены укр. *худо́ба* 'домашний скот, имущество', русск. диал. (астрах.) *худо́ба* 'скотина', ср. польск. диал. *chudoba* 'домашний скот', а также блр. диал. (слуцк.) *худо́ба*

---

[236] См.: Ђ. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, књ. I. Београд, 1863, стр. 285—286: „. . . а стока се зове и жив добитак, а остало све мртав . . .“

[237] См.: И. А. Бодуэн де Куртене. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии, II. Образцы языка на говорах терских славян, в северо-восточной Италии. — Сб. ОРЯС, т. 78, № 2, стр. 126.

[238] П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. — Сб. ОРЯС, т. 63, № 3, стр. 634 и след.

[239] См.: „Славянские этимологии. 28. Болг. диал. мӑкӑ́“. — „Этимологические исследования по русскому языку“, вып. 1. МГУ, 1960, стр. 87—89.

'имущество', ср. еще русск. диал. *худо́ба* 'имущество, не так большое'[240], собственно, с первоначальным значением 'бедность', ср. польск. диал. *ubóstwo* 'домашний скот' (Вармия, Мазовше), букв. 'бедность'.

Сербохорв. *стока* 'домашний скот', болг. *стока*, 'товар'.

Оба упомянутых значения имеет укр. диал. *това́р* 'рогатый скот, товар', ср. русск. *това́р*, заимствованное из тюркских, но эти значения были представлены уже в языке-источнике, ср. тур. *tavar* 'товар, имущество, скот'[241].

Прочие названия скота: др.-русск. *нута* 'рогатый скот', сюда же русск диал. (череповецк.) *ну́тник* 'мясник', полаб. *nǫtə* 'крупный рогатый скот' (с вторичным носовым), довольно раннее заимствование из германского, ср. др.-сакс. *nōt* 'крупный рогатый скот' (герм. **nauta*), сюда и нем. *Nutzen* 'польза'[242]; словен. *márha* 'скот, кляча', ср. венг. *marha* 'скот, скотина', сербохорв. *ма̂рва* 'скот' (с заменой *х* > *в*), заимствование из германского. Сербохорв. диал. *хаjван* 'домашний скот', *мал* то же (*живи мал*); кашуб. *χoeva*, словин. *χṻọvă* 'скот', ср. польск. *chów* 'разведение (скота)'.

Существуют различные названия стада. Слав. *stado*: ст.-слав. стадо ἀγέλη, ποίμνη, др.-русск. *стадо*, русск. *ста́до*, укр. *ста́до*, польск. *stado*, чеш., слвц. *stado*, в.-луж., *stadło*, сербохорв. *ста̏до*, *ста̑до*, болг. *ста́до*. Этот древний общеславянский термин интересен тем, что вполне ясно отражает уже точку зрения оседлого земледельца, а не скотовода-кочевника: **stado* связано со **stati*, и.-е. **sta-* 'стоять'; первоначально оно относилось, очевидно, к скоту, содержимому в стойлах, постоянных помещениях. На древний характер образования указывает наличие непродуктивного суффикса *-do*. Остатков значения 'стоять, стойло' не сохранилось, но о таком развитии, помимо этимологических связей **stado*, свидетельствует аналогия русск. *ста́я* (диких птиц, диких быстроногих животных) при диал. *ста́я* 'скотный двор, сарай', болг. *ста́я* 'ком-

---

[240] См.: „Опыт областного великорусского словаря". СПб., 1852, стр. 251.

[241] См.: M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 112.

[242] См.: V. Kiparsky Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. — AASF, Bd. 32, №. 2. Helsinki, 1934, стр. 183; M. Vasmer. REW, Bd. 2, стр. 232.

ната', сербохорв. *ста̏ја* 'хлев, стойло, загон'. Трудно сказать, было ли **stado* обобщающим названием или относилось к определенным животным. А. Мейе считает, что оно обозначало большей частью стадо баранов[243]. Однако есть древние примеры употребления ст.-слав. стадо как названия стада свиней. Родственные слова германских языков обнаруживают раннюю специализацию, но эти значения, вероятно, вторичны: др.-исл. *stóð* 'конный завод, стадо', англосакс. *stód* 'конный завод', др.-в.-нем. *stuot* то же, нем. *Stute* 'кобыла', *Gestüt* 'конный завод'. Полное отсутствие семантической общности с близкими балтийскими образованиями лит. *stodas*, лтш. *stâds* 'растение, саженец' показывает самостоятельность их образования. Идущее, двигающееся стадо называлось, по-видимому, другим, еще более древним словом — слав. **čerda*: ст.-слав. чрѣда βουχόλιον, πρόβατον, др.-русск. *череда* 'очередь', русск. диал. *череда́* 'стадо', сюда же русск. *черёд*, *о́чередь* с другими значениями, укр. *череда́* 'стадо', польск. *trzoda* 'стадо, скот', чеш. *třída* 'ряд, класс', слвц. *črieda* 'стадо', словен. *črẹ́da* 'очередь, порядок; стадо', сербохорв. *цријѐда* 'очередь, порядок; стадо', чакав. *црēда̏*, болг. *чърда́*. На древнее наличие родственной балтийской формы **kerda* 'стадо' указывает производное лит. *kef̃džius* 'старший пастух'. Далее, ср. гот. *hairda* 'стадо' (герм. **herđō*), ирл. *crod* 'скот, богатство', кимр. *cordd* 'группа, толпа'. др.-инд. *çárdhas* 'стадо, стая', авест. *sarəda-* 'вид, род'[244].

Прочие названия стада: русск. *табу́н* 'стадо лошадей', укр. *табу́н* то же, из тюркских, диал. *ота́ра*, укр. *ота́ра* 'стадо овец', тюркское заимствование, укр. диал. *кирд*, *ту́рма* из молдавского языка[245]; болг. диал. *гу́ла* 'стадо крупного рогатого скота', *чупор* (белослат. переселенч.), *брани́ца*, *сури́а*, *сюре́к*, *сюрия*, *сирија̏* (дупницк., ольшанск. — СССР и др.) 'стадо овец'.

---

243 См.: А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 397.

244 R. Trautmann. BSW, стр. 128; P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 78; M. Vasmer. REW, Bd. 3, стр. 320.

245 См.: В. А. Прокопенко. Деякі особливості сільськогосподарської лексики буковинських говірок. „Наукові записки Чернівецького державного університету“, вип. 4. Збірник наукових робіт аспірантів, 1958, стр. 69.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЗВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Родо-половая дифференциация названий хозяйственно-полезных животных имеет большое практическое значение. Однако нужно отметить, что оформление грамматического рода и вместе с ним различение пола в названиях домашних животных не отличается четкостью, обнаруживает массу местных конкретных особенностей и обычно не прослеживается до древнейшего состояния. Различные средства выражения грамматического рода, родо-половой характеристики в славянских названиях домашних животных представляются довольно поздними, не исконными. Такова гетеронимия пар *баран — овца*, *корова — бык*. В первой паре дифференциация осуществлена путем использования заимствования (*баран*), во второй — путем оформления двух новых по отношению к праиндоевропейской терминологии названий различной древности. Поздний характер имеет такое средство родо-половой дифференциации, как образование парных названий от общей основы при помощи суффиксации: *ovьca*, *ovьnъ*.

Все это говорит о том, что родо-половая характеристика не свойственна древнейшей индоевропейской терминологии. Архаической особенностью является существование общих названий для самца и самки греч. (ὁ, ἡ) ἵππος, лат. (*hic*, *haec*) *canis*. Отдельные остатки такого употребления общих названий еще имеются в славянском (например, *govędo* < и.-е. *g^{u}*ou-*), но они с самого начала не были характерным элементом новой славянской терминологии.

Более четко прослеживаются в глубь индоевропейской древности различия между названиями взрослых и молодых особей домашних животных, ср. **svinьja — *porsę*, *Schwein — Ferkel*, **ovьca — *jagnę*, *ovis — agnus*. В пользу большей древности возрастных различий говорит тот любопытный факт, что название молодой особи прежде всего обозначает ее как отличную от взрослого животного и никаких родо-половых признаков не носит. Возрастные различия названий животных получили лексическое выражение уже в праиндоевропейскую эпоху.

Названия молодых животных вместе с названиями детей человека и его потомков имеют в славянском яркую, только им свойственную словообразовательную структуру. В основном этими словами ограничивается употребление древнего форманта *-ęt-*, который первоначально указывал исключительно на происхождение.

Таким образом, можно говорить о двух разных проявлениях супплетивизма в названиях домашних животных: более древнем — возрастном (и.-е. **sūs* — **pork̂os*) и более позднем — родо-половом (слав. **bykъ* — **korva*)[246].

[246] См.: H. Osthoff. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Akademische Rede. Heidelberg, 1899; A. Ernout. Remarques sur l'expression du genre féminin en latin. — „Mélanges F. de Saussure" Paris, 1908, стр. 211 и след.; М. Я. Немировский. Способы обозначения пола в языках мира. „Памяти акад. Н. Я. Марра". М. — Л., 1938, стр. 200 и след.; А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 368: E. Benveniste. Noms d'animaux en indo-européen. — BSL, t. 45, 1949, стр. 74 и след.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

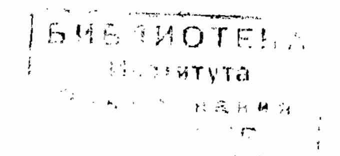
авест. — авестийский
алб. — албанский
алтайск. — алтайский
англ. — английский
англосакс. — англосаксонский
арм. — армянский
афган. — афганский (пушту)
балт. — балтийский
башк. — башкирский
блр. — белорусский
болг. — болгарский
венг. — веигерский
в.-луж. — верхнелужицкий
герм. — германский
гот. — готский
греч. — греческий
диал. — диалектный
др. — древиий
др.-англ. — древнеанглийский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирл. — древиеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-кит. — древнекитайский
др.-корн. — древнекорнский
др.-польск. — древнепольский
др.-прусск. — древнепрусский
др.-русск. — древнерусский
др.-сакс. — древнесаксонский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-фриз. — древнефризский
др.-чеш. — древнечешский
и.-е. — индоевропейский
иран. — иранский
ирл. — ирландский
ит. — итальянский
казах. — казахский
казанск.-тат. — казанско-татарский
караим. — караимский
карельск. — карельский
кашуб. — кашубский
кетск. — кетский (енисейско остякский)
кимр. — кимрский
кирг. — киргизский
кит. — китайский
крымско-гот. — крымско-готский
курд. — курдский
кыпч. — кыпчакский
лат. — латииский
лит. — литовский
лтш. — латышский
марийск. — марийский
мессап. — мессапский
мидийск. — мидийский

молд. — молдавский
монг. — монгольский
моравск. — моравский
морд. — мордовский
н.-брет. — новобретонский
н.-луж. — нижнелужицкий
н.-нем. — нижненемецкий
н.-перс. — новоперсидский
нем. — немецкий
нидерл. — нидерландский
осет. — осетинский
оск. — оскский
перс. — персидский
полаб. — полабский
польск. — польский
рум. — румынский
русск. — русский
сабин. — сабинский
с.-в.-р. (русск.) — северновеликорусский
сербохорв. — сербохорватский
слав. — славянский
славон. — славонский
слвц. — словацкий
словен. — словенский
словин. — (прибалтийско-)словинский
ср.-в-нем. — средневерхненемецкий
ср.-лат. — среднелатинский
ср.-нидерл. — средненидерландский
ср.-перс. — среднеперсидский
ст.-слав. — старославянский
ст.-укр. — староукраинский
тат. — татарский
тохар. (А. В.) — тохарский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
удмурт. — удмуртский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
укр. — украинский
умбр. — умбрский
фин. — финский
фрак. — фракийский
франц. — французский
фриг. — фригийский
хетт. — хеттский
хотан. — хотанский
цыганск. — цыганский
црк.-слав. — церковнославянский
чакав. — чакавский
черк. — черкесский
чеш. — чешский
шумер. — шумерский
эст. — эстонский

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЖУРНАЛОВ

RO — Rocznik Orientalistyczny, Kraków
KZ — Kuhn's Zeitschrift, Göttingen
AfslPh — Archiv für slavische Philologie, Berlin u. Leipzig
AO — Archiv Orientální, Praha
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
РФВ — Русский филологический вестник, Варшава
LF — Listy Filologické, Praha
LP — Lingua Posnaniensis, Poznań
ZfslPh — Zeitschrift für slavische Philologie, Berlin u. Leipzig; Heidelberg
Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, СПб., Пг.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности, СПб., Пг.
КСИС — Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания, М., Изд-во АН СССР
SO — Slavia Occidentalis, Poznań
JP — Język Polski, Kraków
BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris
ЖС — Живая старина, СПб.
ZFS — Zeitschrift für Slavistik
IF — Indogermanische Forschungen
PF — Prace Filologiczne, Warszawa
JФ — Јужнословенски филолог, Београд
WuS — Wörter und Sachen, Heidelberg
ВЯ — Вопросы языкознания, М.
СбНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, София

СОДЕРЖАНИЕ

Олег Николаевич Трубачев

Происхождение названий домашних животных в славянских языках

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР

Редактор издательства *Д. П. Лбова*
Технический редактор *В. В. Брузгуль*

Сдано в набор 4/VII 1960 г. Подписано к печати 28/XI 1960 г. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Печ. л. $3{,}3^{5}/_{8}$. Усл. печ. л. 5,95. Уч.-издат. л. 6,6 экв. Тираж 2200. Т-14350. Изд. № 4739. Тип. зак. № 791.
Цена 4 р., с 1/I 1961 г. 40 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.